

Съчинения
на
М. С. Дринова

издава

Българското Книжовно Дружество въ София

подъ редакцията на

Профес. В. Н. Златарски

Томъ I.

Трудове по Българска и Славянска история

София
Държавна Печатница

1909

Даръ станиниста на мойъ уафраемъ
уришелъ и пришеелъ - Бгъ М. Дринова

Трудове

на миломо си вѣтмъ Крумога вѣ тамешъ
на нѣтмъ мѣтаванешошу вѣ III-тѣ нѣрошѣ

М. С. Дринова

жѣлетѣ кѣасѣ. Тамешо шу
Свищовъ 1918
1 Юли.

ПО
1.5

Дринова

Българскѣ и Славянскѣ история

г. 8. Дринова

ДИМИТРЪ СВ. СВИЩОВЪ

АДВОКАТЪ

СВИЩОВЪ

***

Свищовъ

1918 авг. 25.

А.

Дринова

София

Държавна Печатница

1909

ЗАСЕЛЕНІЕ

БАЛКАНСКАГО ПОЛУОСТРОВА СЛАВЯНАМИ.

(Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“, 1872, кн. 4-я).

Оглавленіе.

	Стр.
I. Очеркъ древнѣйшей этнографіи полуострова. Были ли тамъ Славяне до Рождества Христова?	143
II. Время появленія Славянъ	183
III. Славяне и Восточная Римская Имперія съ половины IV до половины VII вѣка	227
IV. Славянскія поселенія на полуостровѣ въ половинѣ VII-го вѣка. Выводы и ихъ подтвержденіе	275

Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами.

Глава I.

Очеркъ древнѣйшей этнографіи полуострова. Были ли тамъ Славяни до Р. Хр.?

На юговосточномъ полуостровѣ Европы, въ странѣ, простирающейся на сѣверъ отъ Греческаго Королевства, Архипелага и Мраморнаго моря до рѣкъ Савы и нижняго Дуная, въ настоящее время обитаетъ около 9-ти милліоновъ Славянъ, составляющихъ въ совокупности болѣе двухъ третей всего народонаселенія этой страны. Восточную и среднюю части ея занимаетъ Болгарское племя, насчитывающее не менѣе пяти милліоновъ душ¹⁾; сѣверозападный же уголь, заключающійся между Адриатическимъ моремъ и р. Савой, вмѣщаетъ въ себѣ большую часть Сербо-Хорватскаго племени, общее число котораго доходитъ до шести милліоновъ²⁾. Эта, довольно обширная и одаренная самою разнообразной природой, страна долгое время оставалась чуждой исторической жизни древняго міра, не смотря на свое ближайшее сосѣдство съ нимъ. Древняя

¹⁾ Сколько ни будь точныхъ статистическихъ свѣдѣній о числѣ Болгаръ не имѣется еще. Шафарикъ, въ „Geschichte d. sl. Spr. und Lit. Ofen, 1825“, считалъ ихъ всего около 600,000 душъ; въ „Славянскомъ же Народописаніи“ онъ исправилъ это явно ошибочное число, повысивъ его до 3,587,000. Ами Буе (La Turquie d'Eur. 1840) насчитывалъ до 4,500,000 Болгаръ; это же число показывали Кипр. Роберъ, Баронъ Редень и пр. Въ „Чешскомъ научномъ Словникѣ“ число Болгаръ показано въ 6—7 милліоновъ. Болгарскіе депутаты, въ прошеніи къ Султану (въ 1856), выставляли цифру 7¹/₂ милліоновъ. Въ настоящее время, послѣ возрожденія Болгарской народности, завершившагося возстановленіемъ независимости Болгарской Церкви, можно надѣяться вскорѣ получить точнѣйшее число этого племени. Мы не думаемъ, что число это достигнетъ 7¹/₂ милліоновъ, но имѣемъ основаніе утверждать, что оно не будетъ и ниже пяти милліоновъ.

²⁾ По вычисленію Шафарика, общее число всѣхъ Сербовъ и Хорватовъ доходитъ до 6,095,000: Чернигъ насчитываетъ ихъ 5,412,511; Ягичъ указываетъ на число 5,762,241, какъ на самое достовѣрное. См. „Jihoslované. V Praze, 1864, 25“, и Ягича: „Histor. književnosti naroda Hrvatskoga i Srbskoga. Zagreb, 1867“, str. 9—18.

Греція, своими сѣверными границами соприкасающаяся съ нею, не замедлила основать по берегамъ ея, на Черномъ, Мраморномъ, Егейскомъ и Адриатическомъ моряхъ, многочисленныя поселенія, и окружить ее такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ своею гражданственностію. Но проходили вѣка, а гражданственность продолжала находить пріютъ только по берегамъ, не проникая внутрь этой земли. Долгое время она оставалась варварскою, малоизвѣстною страной, пока наконецъ пытливый отецъ исторіи не заглянулъ и въ нее и не сообщилъ довольно обстоятельныхъ, какъ увидимъ, свѣдѣній объ ея жителяхъ. Вскорѣ за нимъ эти свѣдѣнія были значительно пополнены Фукидидомъ, проведшимъ большую часть своего 24-хъ лѣтняго изгнанія во Фракіи. Отъ проникательнаго взгляда глубокомысленнѣйшаго историка Греціи не ускользнуло приближавшееся историческое значеніе этихъ варваровъ: онъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на происходившихъ тогда движеніяхъ въ средѣ ихъ, отмѣчаетъ выдвинувшіяся въ этихъ движеніяхъ племена, указываетъ на могущество каждаго изъ нихъ, равно какъ и на взаимныя ихъ отношенія. Мастерскія топографическія замѣчанія, которыми онъ сопровождаетъ свой рассказъ объ этихъ племенахъ, отличаются поразительною точностью, что служитъ твердымъ ручательствомъ за достовѣрность его историческихъ и народописныхъ свѣдѣній о нихъ. Послѣ Фукидида, въ особенности съ того времени, какъ эти варвары, въ лицѣ Македонянъ, берутъ въ свои руки судьбы не только Греціи, но и всего почти историческаго міра, рѣдкій изъ историковъ и географовъ Греціи и Рима не сообщаетъ какихъ-либо извѣстій о нихъ. Сличая и сводя въ одно всѣ эти извѣстія, мы должны признать, что съ незапамятныхъ временъ въ занимающей насъ странѣ обитали многочисленныя колѣна, составляющія три племенные группы: Фракійскую, Илирійскую и Македоно-Эпиротскую. На долю Фракійцевъ приходилась самая ббольшая часть этой страны: они занимали ббольшую половину ея, заключающуюся между Дунаемъ, Чернымъ, Мраморнымъ и Егейскимъ морями. На западъ ихъ отдѣляли отъ Илировъ, приблизительно, рѣка Дрина³⁾ и Болгарская Морава⁴⁾,

³⁾ Ptolem. II, 17.

⁴⁾ Западные притоки этой рѣки шли, по Геродоту, изъ земли Илировъ. Herod. IV, 49.

хребетъ Карадага (Κερκίνη), Курбетская планина (Σκόριον)⁵⁾ и верхнее теченіе Струмы (Στρομών). Въ нижнемъ теченіи этой рѣки они заходили далеко за правый берегъ ея, занимая почти всю приморскую, низменную, Македонію и часть Θεσσαλίи⁶⁾. Съ незапамятныхъ временъ Θρακίηцы занимали и часть Малой Азіи, на востокъ отъ Дарданель (Геллеспонта) и Мраморнаго моря до р. Кизиль-Ирмака (Галиса)⁷⁾. По словомъ Геродота, послѣ Индійцевъ Θρακίηцы самый многочисленный народъ⁸⁾. „Если бы этотъ народъ, замѣчаетъ онъ, управлялся волею одного, если бы онъ былъ воодушевленъ единомысліемъ, онъ былъ бы непобѣдимымъ и, по моему мнѣнію, самымъ могущественнымъ народомъ“. Но такого единства не было между Θρακίηцами, и достиженіе его казалось Геродоту не мыслимымъ. Они дробились на множество небольшихъ, враждебно расположенныхъ другъ къ другу, колѣнъ, изъ коихъ нашего особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія:

Геты, мужественнѣйшіе и правдивѣйшіе изъ Θρακίηцевъ⁹⁾. Во времена Геродота и Фукидида они жили на сѣверъ отъ Балканскаго хребта, между Чернымъ моремъ и р. Янтрою (Ἰαντρούς, Jantrus). На сѣверѣ жилища ихъ достигали до Дуная, за которымъ начинались уже жилища Скиѳовъ¹⁰⁾. Только въ четвертомъ вѣкѣ до Р. Хр. часть Гетовъ выселилась на сѣверъ отъ Дуная и основала тамъ обширное государство, занимавшее восточную часть нынѣшней Румыніи и побережье Чернаго моря до Днѣстра¹¹⁾.

Кровызы или Кробызы (Κρόβυζοι, Crobuzi), на западъ отъ Гетовъ, по теченію рѣкъ Вида и Осма (Ἀρτάνης, Νόης)¹²⁾,

5) Фукидидъ называетъ эту гору μεθόριον Σιντῶν καὶ Παϊόνων (II, 98), изъ которыхъ первые принадлежали къ Θρακίηцамъ, послѣдніе же къ Плирійцамъ.

6) Ἐχουσι Μακεδονίαν μὲν Θρακίης καὶ τινὰ μέρη τῆς Θεσσαλίας. Strab. VII. Срав. Фукид. II, 99.

7) Тамъ помѣщались Θρακίηскія колѣна: Мизы, Фриги или Бриги, Лиды или Меоны, Мигдоны, Кары, Веврики, Медо-Вивонны, Вионны и Фивы. Strab. VI с. 3, 2.

8) Θρακίηκων δὲ ἔθνος μέγιστόν ἐστι μετὰ γε Ἰνδοῦς πάντων ἀνθρώπων. Herod. V, 3.

9) Οἱ Γέται... Θρακίηκων ἐόντες ἀνδρηότατοι καὶ δικαιοτάτοι. Herod. IV, 93.

10) Herod. IV, 49, 99; Thucid. II. 96; IV, 101.

11) Что только часть Гетовъ выселилась на лѣвый берегъ Дуная, а не все это колѣно, какъ думали и продолжаютъ думать многіе, это поставлено внѣ всякаго сомнѣнія изслѣдованіями Мюллергофа. См. въ „Allgemeine Encyclopedie von Ersch und Gruber“, т. 64, S. 448—464.

12) Herod. IV, 49.

У позднѣйшихъ писателей они упоминаются ближе къ Черному морю¹³⁾.

Трибаллы (Τριβάλλοι, Triballi), между р. Искромъ (Ὀσκιος, Oescus) и Дриною, слѣдовательно, въ нынѣшнемъ Княжествѣ Сербскомъ и въ западной части Болгаріи¹⁴⁾.

Между Кровызами и Трибаллами помѣщалось нѣсколько маленькихъ колѣнъ, изъ коихъ заслуживаютъ упоминанія: Мизы (Μύζοι, Mysi). Незначительное это колѣно, жившее по теченію р. Джибры или Цибрицы (Κιάμβρος, Cibrus), въ послѣдствіи получило громкую извѣстность: названіе его дано было Римлянами обширной области, заключавшей въ себѣ всю сѣверную половину Θракійской земли.

Сатры (Σάτροι). По обоимъ склонамъ верхняго Родопа (Доспато-дагъ) жили, по Геродоту, Сатры¹⁵⁾. Θукидидъ, хорошій знатокъ этого края, не упоминаетъ о Сатрахъ, но на мѣстѣ ихъ онъ знаетъ Діевъ (Δίσι), которыхъ прозываетъ меченосцами (μαχαροφόροι)¹⁶⁾. По мнѣнію Гана, названіе Сатры было, по всему вѣроятію, домашнимъ прозвищемъ этого колѣна, прозвищемъ, которое Θукидидъ передаетъ Греческимъ словомъ μαχαροφόροι и которое Геродотъ, по незнанію Θракійскаго языка, ошибочно принялъ за настоящее ихъ названіе. Какъ бы то ни было, Сатры Геродота и Діи Θукидида суть названія одного и того же колѣна¹⁷⁾.

Виссы или Бессы (Βησσοί, Bessi). Между Сатрами Геродотъ отличаетъ Бессовъ — прорицателей при святилищѣ Вакха¹⁸⁾ (Σαβάζιος), стоявшемъ на высочайшей изъ горъ Сатровъ (Zilmissos, нынѣшній Гѣзь-Тепе).¹⁹⁾ Бессами, по всему вѣроятію,

¹³⁾ Strab. VII, с. 5, 13; Ptolem. III, 10.

¹⁴⁾ Herod. IV, 49; Thuc. II, 96; IV, 101; Strab. VII, с. 5, 13.

¹⁵⁾ Herod. VII, 111.

¹⁶⁾ Thuc. II, 96.

¹⁷⁾ Ганъ основываетъ это предположеніе на томъ, что въ Албанскомъ языкѣ родственномъ, какъ увидимъ, Древне-Θракійскому, слово сатър означаетъ ножъ, мечъ. Слово это существуетъ и въ Турецкомъ языкѣ въ такомъ же значеніи, но весьма вѣроятно, Турки познакомились съ нимъ уже на Балканскомъ полуостровѣ. См. „Albanes. Studien.“ I, 242. Предположеніе Гана намъ кажется правдоподобнѣе, чѣмъ мнѣніе Гильфердинга, что имя Сатры означало у Діевъ сословіе воиновъ, соотвѣтственно Древне-Индійскому кпатра-м. См. „Древнѣйшій періодъ исторіи Славянъ“, въ „Вѣстн. Европы“, 1868 г., Іюль, стр. 268.

¹⁸⁾ Βησσοί δὲ τῶν Σατρῶων εἰσι οἱ προφητεύοντες τοῦ ἱεροῦ. Hérod. III, 111.

¹⁹⁾ Геродотъ замѣчаетъ, что τὸ μαντήιον τοῦτο ἔστι μὲν ἐπὶ τῶν οὐρέων τῶν ὀφηλοτάτων (VII, 111). Въ описаніи Татарь-Пазарджійской области, изданномъ недавно Болгарскимъ писателемъ Захаріевымъ (Вѣна, 1870), читаемъ (стр. 7): „Найвысокій връхъ на (Родопската) планина ся намира въ Пазарджиската областъ, отъ Турцы-гы парѣчень Гиозъ-тепе . . . Тамо има великолѣпны развалины отъ мраморны зградя, посланы съ мозаикъ“.

называлось сословіе жрецовъ у этого колѣна, но въ послѣдствіи это сословное названіе вытѣснило собою племенное названіе Сатровъ или Діевъ, которые у позднѣйшихъ писателей извѣстны постоянно подъ именемъ Бессовъ. Отъ Бессовъ получилъ свое названіе, появившійся позднѣе въ ихъ странѣ, городъ Бессапара (недалеко отъ села Бѣлева въ Татарь-Пазарджійской области)²⁰).

Одризы, самое значительное изъ колѣнъ Θρακίϊσκη, жившихъ на югъ отъ Балканскаго хребта, занимали большую часть области р. Марицы (Ἐβρος, Hebrus). Главный городъ ихъ назывался Ускудамой (Uscudama) и лежалъ недалеко отъ нынѣшняго Адриянополя²¹).

Сапани или Синти (Σαπαῖοι, Σίντοι), по верхнему теченію Струмы (Стримона) и на восточномъ склонѣ Карадага (Κερκίνη), откуда часть ихъ въ древнѣйшія времена переселилась на берегъ Геллеспонта, около устья р. Месты (Νίστος)²²).

Изъ прочихъ Θρακίϊσκη колѣнъ, обитавшихъ на Балканскомъ полуостровѣ, заслуживаютъ вниманія: Кораллы (Κοράλλοι), жившіе на востокъ отъ Діевъ или Бессовъ; Неропы (Νεροπε), по верхнему теченію Вардара (Ἀξιόυς), въ окрестностяхъ Кратова, Скопії и Штина²³); Киконы (Κίκονες, Cicones), страну которыхъ Овидій называетъ родиной Орфея²⁴), по нижнему теченію Марицы, и Долонки (Δόλογχοι) на Θρακίϊσκη Херсонесѣ. На западъ отъ р. Струмы, въ приморской части Македоніи, обитали также Θρακίϊσκη колѣна: Базалты, Ботіеи и Піеры. Послѣдніе, у которыхъ Греки заимствовали служеніе Музамъ, достигали своими жилищами до Олимпа²⁵).

Къ западу отъ Θρακίϊσκη, въ сѣверозападномъ углу, заключающемся между р. Савою и Адриатическимъ моремъ, помѣщались колѣна Илирійскія, простираясь на югъ до предѣловъ Македоно-Эпиротовъ. Ганъ, тщательно провѣрившій свидѣтельства древнихъ объ южной границѣ Илировъ, прини-

²⁰) Захаріева, „Описаніе на Татарь-Пазардж. кааза,“ 25, 56.

²¹) Eutrop. VI, 8; Ammian. Marcel. XIV, 11.

²²) Mannert: „Geographie der Griech. und Römer, VII. Landshut, 1812“, S. 40—41, и Шафарика: „Výklad pomístných jmen u Bulgarův.“ См. „Sebr. Spisy,“ III, 74—75.

²³) См. обстоятельное изслѣдованіе Шафарика о Неропахъ въ его „Славянскихъ Древностяхъ“, перев. О. М. Бодянскаго. I, кн. II, стр. 318—320.

²⁴) Metamorph. X, 2, 3.

²⁵) Περὶ γὰρ καὶ Ὀλύμπου... τὸ παλαιὸν ἦν Θρακία χωρία καὶ ὄρη. Strab. ed. Didot. 331.

маеть за такую р. Шкумбъ (древн. Genusus, Genesis), считающуюся въ настоящее время границей между обѣими половинами Албанскаго народа²⁶⁾. По побережью Адриатическаго моря съ сѣвера на югъ обитали:

Истры (Ἰστριοί), на Истрийскомъ полуостровѣ, съ главнымъ городомъ Тергестъ, нынѣ Триестъ; Яподы (Ἰάποδες), въ нынѣшнемъ Хорватскомъ приморьѣ; Либурны, между рѣками Зерманой (Tedanus) и Кръкомъ (Titius, у Страбона Κορκόρας); Далматы (Δαλμάται), между Кръкомъ и Неретвою; Илиры въ собственномъ смыслѣ, между Неретвою и Шкумбомъ, въ нынѣшней сѣверной Албаніи или краѣ Геговъ. На востокъ отъ этихъ прибрежныхъ Илировъ простирались жилища Илировъ средоземныхъ, изъ колѣнъ которыхъ замѣчательнѣйшія были: Ауториаты, самое многочисленное, по Старбону, и самое мужественное колѣно Илировъ²⁷⁾, на сѣверъ отъ горы Шара (Scardus) и Карадага: знаменитое Косово поле и его окрестности находились въ ихъ странѣ. Дарданы (Δάρδανοι), восточные сосѣды Ауториатовъ, въ области р. Болгарской Моравы²⁸⁾, и Пеоны, по верховьямъ рѣкъ Вардара (Ἀξιόυς) и Струмы. Въ Пеоніи находились города: Билазора (Βυλαζῶρα, Vylazora), около нынѣшняго Велеса²⁹⁾, и Доберь (Δόβηρος)³⁰⁾.

Въ Эпирѣ и горной Македоніи, по верховьямъ Бистрицы (Ἀλιάρων), Карашмака (Λυδίης, Λουδίας), Дѣвола (Эригона) и въ окрестностяхъ озеръ: Охридскаго, Преспенскаго и Костурскаго, обитали Македоно-Эпироты; изъ колѣнъ ихъ намъ слѣдуетъ назвать: Долоповъ, сидѣвшихъ въ юго-восточной части Эпира, на востокъ отъ р. Ахелоя (Аспропотамо)³¹⁾, и Линкестовъ (Λυγκηστοί), на юго-западъ отъ Пеоновъ, по верховью Дѣвола и въ окрестностяхъ Охридскаго озера (Λυχνιδία λίμνη). Линкесты, какъ и прочіе жители горной Македоніи, по свидѣтельству Страбона, не отличались отъ Эпи-

²⁶⁾ „Albanes. Stud.“ I, 217; сл. в „Reise von Belgrad nach Salonik. Wien.“ 1868, S. 244.

²⁷⁾ Αὐτοριᾶται μὲν οὖν τὸ μέγιστον ἔχει καὶ ἄριστον τῶν Ἰλλυριῶν ἔθνος ὑπήρξεν. Strab. VI. с. 5, 12.

²⁸⁾ См. статью Гана: „Strabo über die Sitze der Illyrier“, въ „Reise von B. nach Salon“. S. 235—245.

²⁹⁾ Впервые городъ этотъ упоминается у Поливіа подъ 216 г. V, с. 20.

³⁰⁾ Впервые у Фукидида II, 98. По мнѣнію Пуквиля, онъ находился на мѣстѣ нынѣшняго Палеохори, II, р. 370.

³¹⁾ Въ средніе вѣка Долонія называлась Верхнею Влахіею, Ἀνώβλαχα. См. у Рёслера: „Romän. Stud.“ S. 105.

ротовъ ни одеждой, ни обычаями, ни языкомъ, что давало поводъ нѣкоторымъ и Эпиръ называть Македоніею³²⁾.

Около Р. Хр. Римляне застали на Балканскомъ полуостровѣ Кельтское племя Скордисковъ, Нѣмецкое Бастарновъ, а также и нѣкоторыя другія племена, относимыя древними писателями къ Скиѳамъ и Сарматамъ. Но какъ Скордиски и Бастарны, такъ и Скиѳы съ Сарматами, начали проникать сюда въ очень позднее время, съ конца IV, или съ начала III в., до Р. Хр. Переселеніе ихъ совершилось на глазахъ достовѣрной исторіи, которая, до времени Александра Великаго, кромѣ колѣнъ, принадлежавшихъ къ выше означеннымъ тремъ племеннымъ цѣлымъ, не знаетъ никакихъ другихъ этнографическихъ стихій на Балканскомъ полуостровѣ. Въ эту же позднѣйшую пору совершилось и смѣшеніе Илирійскихъ Яподовъ, которые казались Старбону помѣсью Илировъ съ Кельтами³³⁾. Тогда же произошло, замѣченное этимъ же писателемъ, смѣшеніе нѣкоторыхъ Θρακίϊйскихъ колѣнъ съ Кельтскими и Скиѳскими переселенцами³⁴⁾.

Есть писатели, которые утверждаютъ, что уже съ древнѣйшихъ временъ на Балканскомъ полуостровѣ, подлѣ колѣнъ, принадлежавшихъ къ названнымъ тремъ разрядамъ (Θρακίϊскому, Илирійскому и Македоно-Эпиротскому), обитали и другія племена, принадлежавшія къ другимъ народностямъ. Но такое утверженіе основывается на данныхъ, прочность которыхъ рушится отъ малѣйшаго прикосновенія къ нимъ критикѣ. Шафарикъ также былъ сторонникомъ этого мнѣнія, въ пользу котораго главнымъ образомъ склонили его, какъ выражается онъ, „свидѣтельства древнихъ, увѣряющихъ, что въ тѣхъ краяхъ обитали люди, говорившіе разными языками“³⁵⁾. При этомъ онъ дѣлаетъ ссылку на единственное свидѣтельство такого рода, а именно: на „Житіе Св. Θεοδοσία Παλαιστίνσκαго“, въ которомъ „объ языкѣ Бессовъ говорится, какъ о самостоятельномъ и отличномъ отъ языка прочихъ Θρακίϊйцевъ“³⁶⁾. Но не слѣ-

³²⁾ Ἐνιοὶ δὲ καὶ σύμπασαν τὴν μέχρι κερκίρας Μακεδονίαν προσαγορεύουσιν αἰτιολογοῦντες ἅμα ὅτι καὶ κοῦρᾶ καὶ διαλέκτῳ καὶ γλαμῶδι καὶ ἄλλοις τοιοῦτοις χρῶνται παραπλησίως. Starb. VII, с. 7, 9.

³³⁾ . . . μέχρι τῶν Ἰαπόδων, ἐλτικῶ τε ἅμα καὶ Ἰλλυρικῶ ἔθνους. Starbo, VII, с. 5, 2.

³⁴⁾ Τὰ Θράκια καὶ εἰ τίνα τούτοις ἀναμείχται Σκυθικὰ ἢ Κελτικὰ. VII, с. 5, 1.

³⁵⁾ „Славянскія Древности“, перев. О. М. Бодянского, I. кн. I, стр. 422.

³⁶⁾ Тамъ же.

довало упускать изъ виду, что Св. Θεодосій подвизался въ V-мъ в. нашего лѣтосчисленія, а Житіе его писано еще позднѣе³⁷⁾, и по тому свидѣтельства этого, далеко не древняго, памятника, никакъ не могутъ служить основаніемъ для выводовъ о составѣ древнѣйшей этнографической формаціи этого края, которая, какъ увидимъ, въ первые вѣка нашего лѣтосчисленія должна была уступить свое мѣсто другой, Романской формаціи. И не подлежитъ сомнѣнію, что свидѣтельство „Житія Св. Θεодосія“ указываетъ только на то, что и Бессы были изъ числа тѣхъ немногихъ Θρακίηцевъ, которые долѣе другихъ своихъ соплеменниковъ не поддавались тѣснившему ихъ отовсюду ороманенію; что и въ V-мъ вѣкѣ еще они сохраняли свой языкъ, которъ, естественно, составителю „Житія“ казался особеннымъ отъ Латинскаго языка, во время его господствовавшего во Θρακίη.

Съ особеннымъ усиленіемъ старался доказать разноплеменность древнѣйшаго населенія Θρακίη Г. Куно въ новѣйшемъ своемъ изслѣдованіи о Скиѳахъ. Онъ подбираетъ цѣлый рядъ „прямыхъ и косвенныхъ свидѣтельствъ древнихъ“, которымъ и удостовѣряется, что населеніе Θρακίη было не однородно; что тамъ, съ древнѣйшихъ временъ, подлѣ другихъ племенъ, обитали и Скиѳы³⁸⁾. Чтобы дать понятіе о свойствѣ этихъ свидѣтельствъ, равно какъ и объ обращеніи съ ними Куно, мы остановимся на слѣдующихъ двухъ, считаемыхъ имъ, самыми важными:

Во первыхъ, Страбонъ, указывая на то, что Гомеръ называетъ Гиппомолговъ, Галлактофаговъ и Абіевъ сосѣдями Мизовъ, предполагаетъ, что подъ этими племенами поэтъ разумѣлъ Скиѳовъ и Сарматовъ (*οἱ ἀράξειοι Σκύθαι καὶ Σαρμάται*), которые, во время Страбона, въ первомъ вѣкѣ по Р. Хр., жили на правомъ берегу Дуная, въ Мизіи, между тамошними Θρακίηцами³⁹⁾. Это предположеніе Страбона Куно считаетъ достаточнымъ основаніемъ для утвержденія, что еще во времена Гомера Скиѳы и Сарматы обитали разсѣяннo между Θρακίη-

³⁷⁾ См. въ „Чтеніяхъ въ Имп. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, 1871. IV, 36.

³⁸⁾ Johan G. Cuno: „Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde;“ 1 Th. Die Skythen. Berlin, 1871, V. 274, 336.

³⁹⁾ . . . Τους Ἰππομολγοὺς καὶ Γαλακτοφάγους καὶ ἀβίους συνῆψεν αὐτοῖς (τοῖς μισοῖς), οἵπερ εἰσὶν οἱ ἀράξειοι Σκύθαι καὶ Σαρμάται. καὶ νῦν ἀναμείκται ταῦτα τὰ ἔθνη τοῖς Θραξί. Strab. VII, c. 3—2.

цами⁴⁰⁾. Излишнимъ считая доказывать несостоятельность такого ученаго приема, замѣтимъ лишь, что не только во времена Гомера, но и въ гораздо позднѣйшія времена, на занимающемъ насъ полуостровѣ никакихъ Скиѳовъ и Сарматовъ не было и не могло быть. Какъ мы имѣли уже случай сказать, они стали проникать на правый берегъ нижняго Дуная не прежде второй половины IV столѣтія до Р. Хр. Геродотъ, лучший знатокъ Скиѳовъ, и Фукидидъ, столь близко знакомый съ современнымъ ему населеніемъ полуострова, довольно опредѣленно указываютъ на то, что во времена ихъ Скиѳскій міръ простирался на югъ только до Дуная⁴¹⁾.

Не менѣе бездоказательно и другое свидѣтельство, приводимое Куно въ подтвержденіе глубокой древности Скиѳскихъ поселеній на Балканскомъ полуостровѣ. Оно заключается въ слѣдующемъ: Арріанъ называетъ города Одессось, Месемврію и Анхіалъ, изъ коихъ первый лежалъ на сѣверъ, послѣдніе же на югъ отъ Балканскаго хребта, Греческими городами въ Скиѳіи⁴²⁾. Но, указывая на это свидѣтельство, Куно упускаетъ изъ виду, что Арріанъ писалъ въ 2-мъ вѣкѣ по Р. Хр., когда имя Скиѳовъ употреблялось Греками уже въ нарицательномъ значеніи, какъ общее названіе для всѣхъ Сѣверныхъ варваровъ вообще⁴³⁾, въ томъ числѣ и для ближайшихъ къ нимъ Трако-Илирійцевъ. Имъ упущено изъ виду и то, что во 2-мъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія племенной составъ населенія Тракіи былъ далеко не тотъ самый, какимъ былъ въ ту отдаленную старину, къ которой онъ возводитъ начало Скиѳскихъ поселеній въ ней.

Таковы главнѣйшія историческія свидѣтельства, въ которыхъ Куно ищетъ подтвержденія своему мнѣнію, что Скиѳы, въ которыхъ онъ не сомнѣвается видѣть Лето-Славянъ, съ

⁴⁰⁾ „Endlich wohnen noch in Europa Skythen und Sarmaten sporadisch unter den Thrakern, wo sie schon bei Homer unter den Namen Hippomolgen, Galaktofagen und Abier erscheinen.“ Ibid. S. 114. При этомъ Куно дѣлаетъ ссылку на выше приведенное нами мѣсто изъ Страбона, которое называетъ „wichtige Stelle“. S. 232.

⁴¹⁾ Herod. IV, 49, 99. Thucyd. II, 96. За точность свѣдѣній Геродота объ этомъ предметѣ говорить, между прочимъ, то, что отъ вниманія его не ушли и столь извѣстные комары, густыми кучами водящіеся на лѣвомъ берегу нижняго Дуная. *ὡς δὲ λέγουσι θρήϊκες, μέλισσαι κατέχουσι τὰ πέτρην τοῦ Ἰστρου, καὶ ὑπὸ τούτων οὐκ εἶναι διελθεῖν τὸ προσωτέρω.* V, 10.

⁴²⁾ Arriani Periplus Ponti Euxini, въ „Geogr. graeci minores, ed Didot.“ I, 400.

⁴³⁾ Куно не только здѣсь, но и вообще, упускаетъ изъ виду эту общеизвѣстную истину. См. разборъ его книги въ „Litterarisches Centralblatt“, 1871, 41.

незапамятныхъ временъ составляли одну изъ главныхъ стихій населенія Балканскаго полуострова. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что, какъ свидѣтельство, на которомъ основывался Шафарикъ, такъ и свидѣтельства, собранныя съ такою заботливостію Кунномъ, ни сколько не подтверждая вывода о разноплеменности населенія занимающей насъ страны, еще болѣе утверждаютъ насъ въ положеніи, что древнѣйшее ея населеніе состояло исключительно изъ колѣнъ означенныхъ выше трехъ племенныхъ группъ, а именно: Фракійской, Илирійской и Македоно-Эпиротской.

До насъ дошли весьма немногія извѣстія о жизни и бытѣ этихъ трехъ племенъ. По этимъ извѣстіямъ не возможно составить себѣ сколько ни будь полнаго представленія объ ихъ народности. Кромѣ недостаточности въ количественномъ отношеніи, извѣстія эти не представляютъ какихъ ни будь особенныхъ чертъ, которыя не встрѣчались бы и у многихъ другихъ племенъ, очень отдаленныхъ другъ отъ друга, какъ въ географическомъ, такъ и въ этнологическомъ, отношеніяхъ⁴⁴). При такой особенности этихъ извѣстій оказывается невозможною всякая попытка на основаніи ихъ дѣлать какія ни есть этнологическія сближенія и выводы⁴⁵). Древніе писатели тщательно, хотя и не всегда удачно, отличающіе другъ отъ друга эти три племена, не сообщили намъ своихъ основаній, которыми они руководились при этомъ отличіи, не оставили почти никакихъ опредѣленныхъ данныхъ изъ языка этихъ племенъ. Нѣсколько мѣстныхъ названій (рѣкъ, горъ и другихъ мѣстностей), нѣсколько личныхъ именъ, вмѣстѣ съ названіями колѣнъ, десятка два другихъ словъ, сохраненныхъ лексикографомъ Исихіемъ⁴⁶), вотъ и весь язычный запасъ, завѣщанный намъ древностію, для опредѣленія языка Фракійцевъ, Илировъ и Македоно-Эпиротовъ. Матеріаль, нужно прибавить, весьма неопредѣленный, туго поддающійся разложенію на составляющія его части (анализу) и дающій охотникамъ до этимологической игры обильную пищу для самыхъ разнообразныхъ выводовъ.

⁴⁴) Сл. Тайлора: „Доисторическій бытъ человѣчества“, гл. X.

⁴⁵) Гѣмъ не менѣе, однако, охотники до подобныхъ попытокъ и до сихъ поръ не переводятся. Еще недавно Рёслеръ доказывалъ, на основаніи этихъ извѣстій, что Фракійцы „zeigen mit Scythen und Sarmaten denselben Rassentypus“. Romän. Stud. Wien, 1871, S. 52—62.

⁴⁶) Hesychios, ed. M. Schmidt, II. 257; Thunmann: „Untersuchungen über die Geschichte der oestlich europ. Voelker“, S. 240—50.

Съ этимъ матеріяломъ однимъ мы навсегда бы остались въ неизвѣстности относительно занимающаго насъ здѣсь вопроса, уясненіе котораго такъ важно для Славянскихъ древностей. Къ счастью, однако, въ новѣйшее время наука обогатилась новыми данными для рѣшенія этого вопроса, данными болѣе точными, болѣе опредѣленными: мы разумѣемъ итоги ближайшаго ознакомленія съ языками Шкипетаровъ (Албанцевъ) и Румуновъ.

Языкъ Шкипетаровъ дѣлится на два нарѣчія: сѣверное или нарѣчіе Геговъ, и южное или нарѣчіе Тосковъ. Эти два нарѣчія на столько различны между собою, что сѣверный Албанецъ, Гегъ, безъ большихъ усилій не можетъ понимать южнаго, Тоска, и на оборотъ. Границею между ними служить рѣка Шкумбъ, отдѣлявшая, какъ было уже замѣчено, въ древности Илировъ отъ Македоно-Эпиротовъ⁴⁷⁾. Въ настоящее время, благодаря изслѣдованіямъ добросовѣстнаго и крайне осторожнаго въ своихъ выводахъ Гана, посвятившаго всю жизнь свою всестороннему изученію этихъ двухъ, взаимно непріязненныхъ и различныхъ по языку и вѣрѣ, половинъ Албанскаго народа, не подлежитъ болѣе сомнѣнію, что Геги, живущіе на сѣверъ отъ р. Шкумба — потомки древнихъ Илировъ, Тоски же — потомки Македоно-Эпиротовъ. Геги и Тоски въ настоящее время занимаютъ западную горную окраину Балканскаго полуострова, заключенную между Скадарскимъ озеромъ, Адриатическимъ моремъ, Пиндомъ и заливомъ Артскимъ. Только въ этой горной неприступной странѣ могли сохраниться Илирійцы и Македоно-Эпироты⁴⁸⁾. На востокъ и на сѣверъ отъ нея они, какъ увидимъ, должны были уступить свои жилища новымъ народамъ. Такимъ образомъ мы можемъ теперь съ достовѣрностію утверждать, что Илиры и Македоно-Эпироты были родственными племенами, вѣтвями одного и того же народа, языкъ котораго и понынѣ живетъ въ устахъ Шкипетаровъ. Въ какомъ же отношеніи стояла къ этой народности народность Фракійцевъ? Довольно опредѣленные данныя для рѣшенія этого вопроса сохранились намъ въ языкѣ Румунскомъ. Извѣстно, что нынѣшніе Румуны если не исключительно, то, по крайней

⁴⁷⁾ Hahn, „Albanes. Stud.“ I, 217; „Reise von Belgr. nach Salon. 214. Макушева: „Историческій розысканія о Славянахъ въ Албаніи. Варшава, 1871“, стр. 1.

⁴⁸⁾ Zeuss, „Die Deutschen und die Nachbarstämme“. München. 1837, S. 257—258.

мѣрѣ, въ значительной степени суть потомки древнихъ Фракийцевъ, подвергшихся ороманенію подѣ владычествомъ Рима. Въ языкѣ ихъ естественно должна была сохраниться стихія первоначальнаго ихъ языка, какъ она сохранилась, на примѣрѣ, въ языкѣ ороманенныхъ Галловъ, т. е. Французовъ⁴⁹⁾. Еще Тунманъ, перепечатывая изъ „Протопиріи“⁵⁰⁾ Москопольскаго Протопопа Каваліоты сравнительный Албано-Румунскій словарь, состоящій изъ 1070 словъ, замѣтилъ, что въ Румунскомъ словарѣ, за исключеніемъ Латинской стихіи, занимающей въ ней ровно половину, за исключеніемъ и словъ, вошедшихъ изъ языковъ: Греческаго, Готскаго, Славянскаго и Турецкаго, оставалась еще стихія, $\frac{3}{16}$, въ которой онъ подмѣтилъ большое сходство съ Албанскимъ языкомъ⁵¹⁾. Новѣйшія изслѣдованія въ области Румунскаго языка не только увеличили число данныхъ этого рода, но открыли и въ самомъ устройствѣ его поразительныя сходства съ Албанскимъ языкомъ. Мы ограничимся здѣсь приведеніемъ болѣе знаменательныхъ.

Изъ звуковаго согласія между этими двумя языками слѣдуетъ замѣтить:

1. Наклонность ихъ къ темнымъ звукамъ, соотвѣтствующимъ Англійскимъ *i*, *u* въ словахъ *birth*, *bird*, *but*, *ugly* и т. п. Эти звуки сильно распространены въ языкѣ Румуновъ, которые, до изгнанія Кириллицы, изображали ихъ буквами ъ и ѡ, нынѣ же они изображаютъ ихъ такимъ образомъ: *e*, *u*. Въ первый изъ этихъ звуковъ, по замѣчанію Дица, можетъ переходить всякая гласная и передъ каждой согласной: *ѣст* (*iste*), *сѣнѣтат* (*sanitas*), *пѣкат* (*peccatum*), *кѣтрѡ* (*contra*), *рѣтѣнд* (*rotundus*)⁵²⁾ и пр. Во второй же, по изслѣдованіямъ Мусафія, переходятъ гласныя *a*, *e*, *i*, *o*, *ɤ* передъ *n* и *m*⁵³⁾: *кѣне* (*canis*), *пѣне* (*panem*), *мѣне* (*mane*), *кѣмиѣ* (*campus*), *гѣнѣѣ* (*confluo*), *лѣнѣѣ* (*longe*), *пѣлѣмѣне* (*pulmonem*) *сѣнт* (*sunt*), *мѣнѣѣ* (*minor*), *стрѣнѣѣ* (*stringo*), *вѣнтѣѣ* (*ventus*). Этими звукамъ съотвѣтствуетъ въ Албанскомъ языкѣ звукъ *ε* = *ѣ*, въ которомъ онъ

⁴⁹⁾ „Grammatik der romanischen Sprachen. Bonn, 1856“. I, 117.

⁵⁰⁾ Эта книжка, составленная съ цѣлю ознакомленія Грековъ съ Албанскимъ и Румунскимъ языками, а отчасти и съ Болгарскимъ, издана въ Венеціи въ 1770 году.

⁵¹⁾ Тунманъ, „Untersuchungen über die Geschichte der oestlich.-eur. Voelker“, S. 399.

⁵²⁾ Дицъ, „Gram. d. rom. Sp.“, S. 336.

⁵³⁾ Mussafia, „Zur rumänischen Vocalisation“, въ „Sitzungsber. der phil.-hist. Clas. d. k. Akad. der Wiss. Wien, 1868, März“. 140—145.

также имѣеть весьма сильное развитіе⁵⁴): **пѣрънд** (Богъ), **аръм** (оружіе), **шпърес** (надежда), **анъмик** (непріятель) и др.

2. Растяженіе гласныхъ, иначе сказать обиліе двугласныхъ, также составляетъ весьма отличительное свойство Румунскаго языка. Гласныя: **е**, **ї**, **а**, когда гласная слѣдующаго за ними слога есть **е** или **ъ** (**е**, **е**) растягиваются въ двугласную **еа**⁵⁵): **кѣле** (pellis), **пѣаръ** (pirum), **вѣде** (videt), **вѣездъ** (бразда), **нѣагръ** (nigrum), **стеангъ** (stange). Буква **о** и **о** растягиваются въ **оа** и **аа**: **оаръ** (hoga), **коажъ** (кожа), **фѣартѣ** (fortis), **даа** (do), **стаа** (sto), **поаргъ** (porta), **фѣоаръ** (flore), **доармъ** (dormio)⁵⁶. Въ Албанскомъ звукословіи мы также находимъ и это свойство: **тааа**рѣа (тарелка); **каа**лѣмъ (кашляю), подлѣ существительнаго **коа**лъа (кашель), **кѣарръ** и **корр** (жну), **вѣа**-и, Гег. **вѣа** (буйволъ)⁵⁷.

3. Носовой звукъ свойственъ какъ Албанскому, такъ и Румунскому языкамъ: въ первомъ онъ является преимущественно въ началѣ словъ, но встрѣчается нерѣдко и въ серединѣ ихъ⁵⁸): **мѣрѣагъ** (мѣсить), **мпѣлот** (наполняю), **ндрѣки** (выпрямляю, gestum reddo), **омкоръ** (Болг. оборъ, хлѣвъ). Въ Румунскомъ: **ндрѣнтъ** (dirigo), **мпѣрат** (imperator), **пѣтрѣнде** (pertrudere) и пр.⁵⁹

Изъ сходствъ форменныхъ мы укажемъ пока на слѣдующія два:

Обоимъ сравниваемымъ языкамъ присущъ членъ, способъ употребленія котораго одинаковъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ: оба приставляютъ его къ концу именъ⁶⁰). Въ Албан. (для муж. р. и, для женск. **е**); **кѣр**-и (итал. il figlio), **кѣза**-**е** (la figlia). Въ Рум. (**лѣ**, **а** для муж., **а**, **оа**, для женск.): **татъ**-**а** (il padre), **дѣнти**-**лѣ** (il dente), **фѣоарѣ**-**а** (il fior), **стеа**-**оа** (la stella).

⁵⁴) Alban. Stud. II. 3--9.

⁵⁵) Musafia ibid. 121—131.

⁵⁶) Дичъ, „Gram. d. rom. Spr.“ I, 341—342.

⁵⁷) См. въ Словарѣ Гана.

⁵⁸) Albanes. Stud. II, 5.

⁵⁹) Миклошича: „Die Slawischen Elemente im Ruminischen“, S. 7. См. у Дица I, S. 344. Носовой звукъ встрѣчается еще во многихъ Румунскихъ словахъ, заимствованныхъ изъ Славянскаго языка; см. Миклошича: „Lautlehre“, S. 45. Мы исключаемъ подобныя слова изъ нашихъ примѣровъ, такъ какъ носовые звуки въ нихъ, безъ сомнѣнія, Славянскаго происхожденія.

⁶⁰) Alban. Stud. S. 27—48; Дичъ, „Gram. der rom. Spr.“ II, 49—50. Итальянскій албанолюбъ, Д. Камарда, предполагаетъ „essere l'articolo di fondo latino nel rumeno, di fondo Greco nell'Albanese“. См. „Appendice al saggio di Gram. comparata sulla lingua Albanese. Prato, 1866“, p. LIII. Но такое предположеніе не выдерживаетъ никакой критики.

Для описанія будущаго времени Румунскій языкъ пользуется глаголомъ, означающимъ хотѣть (*velle*), а не имѣть (*habere*), какъ прочія Романскія нарѣчія. То же самое мы находимъ и въ Герскомъ нарѣчїи Албанскаго языка⁶¹⁾.

Относительно сходства въ словарѣ этихъ языковъ замѣчено, что всѣ не Латинскія и не Славянскія слова въ Румунскомъ, которыя нельзя объяснить другимъ какимъ либо позднѣйшимъ наслоеніемъ, имѣютъ большое сходство съ Албанскими словами. Миклошичъ приводитъ около 50 такихъ словъ, которыя большею частію употребляются даже въ одинаковомъ значеніи и въ обоихъ сравниваемыхъ языкахъ⁶²⁾, но этими 50-ю словами далеко еще не исчерпано все словарное сходство между ними.

При этихъ данныхъ, весьма убѣдительно свидѣтельствующихъ о ближайшемъ сходствѣ Эракійцевъ съ ихъ западными сосѣдями—Илирами и Македоно-Эпиротами, получаютъ нѣкоторую доказательную силу еще и слѣдующія данныя, завѣщанныя намъ древностію. Въ землѣ Эракійцевъ, какъ мы видѣли, находились города Ускадама и Бессапара. Первая часть очевидно сложнаго слова — Ускадама повторяется и въ названіи города Илирійскихъ Пенестовъ - Ускана⁶³⁾. Названія городовъ съ окончаніемъ на пара встрѣчаются и въ землѣ Илировъ: Дардупара въ Дарданіи, Муципара и пр.

Многіе изъ древнихъ писателей смѣшиваютъ колѣна Илирійскія съ Эракійскими, и на оборотъ. Такъ Илирійскихъ Дардановъ Діонъ Кассій относитъ къ Мизійскому племени, слѣдовательно, къ Эракійцамъ, Стефанъ же Византійскій называетъ города Дардановъ Нишъ и Скопіе Эракійскими городами. Тотъ же Стефанъ, на оборотъ, Эракійскихъ Трибаловъ считаетъ Илирами. Пеоновъ и Фриговъ нѣкоторые называютъ Илирами, иные Эракійцами; Истры, самое западное племя Илирское, причисляются Скимномъ Хіоскимъ къ Эракійцамъ. Скилаксъ и Апсіянъ называютъ Эпиротское племя Антиталовъ Илирскимъ племенемъ, и такъ далѣе. Это смѣшеніе не слѣдуетъ объяснять только невѣдѣніемъ писателей, какъ полагаетъ

⁶¹⁾ Миклошича, „Die Slaw. Elem. im Rum.“, S. 6.

⁶²⁾ Тамъ же 8—10.

⁶³⁾ Пенесты жили по теченію р. Дрина. Городъ Ускана находился на мѣстѣ нынѣшняго Воскополя.

Гань⁶⁴); къ нему, по замѣчанію Цейса, могло служить поводомъ и ближайшее сродство этихъ двухъ племенныхъ группъ⁶⁵). Это сродство засвидѣтельствовано нѣсколько и непосредственными историческими указаніями. Стефанъ Византійскій сохранилъ намъ извѣстіе, почерпнутое имъ у Θаворина и Эратосѣена, что Илирійскіе Ардіеи и Ауторіаты нѣкогда обитали во Θракіи, откуда въ послѣдствіи выселились на западъ⁶⁶). Укажемъ еще и на общій, какъ Θракійцамъ, такъ и Илирамъ, обычай татуированія, обычай, отмѣченный Страбономъ, какъ отличительная черта и тѣхъ и другихъ⁶⁷). Всѣ эти свидѣтельства, дополняя собою язычныя данныя, почерпнутыя изъ Румунскаго и Албанскаго языковъ, сообщаютъ значительную поддержку выводу, что языкъ Θракійцевъ былъ родственнымъ языкамъ Илировъ и Македоно-Эпиротовъ. Эти три племенные группы, съ незапамятныхъ временъ занимавшія Балканскій полуостровъ, были связаны самымъ близкимъ племеннымъ сродствомъ, были разными вѣтвями одного и того же народа, языкъ котораго и по нынѣ продолжаетъ жить въ языкѣ Шкипетаровъ.

Многочисленный нѣкогда народъ Θракійцевъ, а отчасти и единоплеменные съ ними Илиры и Македоно-Эпироты, раздѣлили участь исчезнувшихъ народностей. Къ этой участи они пришли частію путемъ постепеннаго вымиранія, частію же черезъ сліяніе съ иноплеменниками. Самый бѣглый очеркъ исторіи ихъ судебъ не оставляетъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Главнымъ дѣятелемъ въ разложеніи народности этихъ племенъ является прежде всего ихъ общественный бытъ, въ силу котораго они дробились на множество маленькихъ колѣнъ, непріязненно расположенныхъ другъ къ другу. И такъ крѣпка была, видно, ихъ мѣстная рознь, такъ сильно она поддерживала взаимную вражду между ними, что еще Геродотъ положительно увѣряетъ о невозможности соединенія ихъ во имя общаго блага⁶⁸). Служа источникомъ непрерывныхъ усобицъ, въ которыхъ эти колѣна взаимно истребляли другъ друга, этотъ раз-

⁶⁴) Alban. Stud. I, 219.

⁶⁵) Die Deutschen etc. S. 250.

⁶⁶) См. „Бѣлевскаго, „Rzut oka na dotychczasową pierwotną polską Historyą“. 71.

⁶⁷) *ἰσπόδες . . . . κατάσχετοι δ' ὁμοίως ταῖς ἄλλοις Ἰλλυριοῖς καὶ Θραξί.* Strtab. VII, с. 5—4.

⁶⁸) . . . . τοῦτο ἄπορόν σφι καὶ ἀμήχανον μὴ κοτε ἐγγένηται. Herod. V. 3.

розненный бытъ не далъ утвердиться между ними прочному государственному порядку, который бы обезпечилъ имъ само-бытное историческое развитіе. Послѣ Персидскихъ войнъ обнаружилось стремленіе къ созданію такого государственнаго строя; начинателями этого стремленія одновременно почти являются Фракійскіе Одризы и жители горной Македоніи. Князь Одризовъ, Тересъ (Γήρης), успѣлъ соединить подъ своею властью большую часть Фракійскихъ колѣнъ и оставилъ своему сыну, Ситалку (Σιτάλκης), значительное государство, которое могло выставить въ 431 году противъ Македонскаго Царя Пердики, полтора ста тысячъ войска⁶⁹⁾. При преемникѣ Ситалка, Сейѳѣ (Σεΐφης), оно достигло высшей степени могущества и простиралось съ юга на сѣверъ отъ Абдеры до Дуная, съ востока же на западъ отъ береговъ Босфора до Стримона⁷⁰⁾. Но вскорѣ по смерти Сейѳа эта могущественная держава рушится съ такою же быстротою, съ какою была воздвигнута. Только что вошедшія въ составъ ея колѣна снова возвращаются къ прежнему разрозненному общественному быту. Нѣсколько счастливѣе оказалась попытка Македоніи. Послѣ долгихъ усилій ей удалось соединить почти всѣхъ Фрако-Илировъ въ одно государственное цѣлое. Но и это объединеніе, достигнутое путемъ большихъ кровопролитій, оказалось призрачнымъ. Громкія побѣды Александра Великаго въ Азійи и Африкѣ, стоившія Фрако-Илирамъ многихъ жертвъ⁷¹⁾, ничего не сдѣлали для скрѣпленія внутреннихъ узъ этого политическаго тѣла, и оно рушится со смертію Александра. Насильственное призрачное объединеніе только еще болѣе раздуло въ средѣ этихъ племенъ духъ самоистребленія. На первомъ планѣ борьба за возвращеніе къ старымъ порядкамъ, война, сопровождаемая всѣми ужасами мщенія Македоніи, нарушительницѣ этихъ порядковъ. До какого ожесточенія доходила эта война, можно судить изъ мимоходомъ сдѣланнаго Полиемъ указанія на произведенную ею Илирій-

⁶⁹⁾ Thucid. II, 95. Curtius, „Griechische Geschichte. Berlin“, 1867, t. III, S. 392—393.

⁷⁰⁾ Thucid. II, 97.

⁷¹⁾ Извѣстно, что ядро войска, покорившаго Александру югозападную Азію и Египетъ, состояло изъ Македонянъ, Одризовъ, Трибаловъ, Пеоновъ и другихъ Фракійцевъ и Илировъ. Diodor. XVII, с. 17. Почти весь этотъ цвѣтъ населенія Балканскаго полуострова не возвращался болѣе на родину. Припомнимъ, что и во время Діадоховъ страна эта лашилась не одной тысяче своихъ храбрыхъ сыновъ, которыми собственно и держались соперники.

скую пустыню⁷²⁾. Въ то время, какъ ближайшія къ Македоніи колѣна продолжаютъ вести съ нею борьбу на жизнь и смерть, частию для возвращенія себѣ свободы, частию уже изъ мести, или изъ желанія поживиться ея богатствами, болѣе отдаленныя, раньше вышедшія изъ подъ ея опеки, колѣна вступаютъ въ менѣе гибельныя усобицы изъ-за старыхъ счетовъ, запутанныхъ ихъ насильственнымъ объединеніемъ. Одризы, составившіе особое государство подъ управленіемъ Лизимаха, ведутъ отчаянную борьбу съ Гетами, ни за что не хотѣвшими остаться подъ властью Лизимаха⁷³⁾. Трибаламъ въ этихъ усобицахъ удается распространить далеко свою власть на востокъ по Дунаю; съ ними вступаютъ въ борьбу храбрѣйшіе изъ Илировъ, Ауторіяты, и уничтожаютъ ихъ мощь, но и они, въ свою очередь, въ скоромъ времени, были раздавлены Кельтами—Скордисками⁷⁴⁾. Въ этѣхъ нескончаемыхъ усобицахъ сильно изнемогло и порѣдѣло населеніе Балканскаго полуострова. Припомнимъ и то, что населеніе это не отличалось прочною осѣдлостію; не смотря на свое ближайшее сосѣдство съ высоко образованнымъ народомъ, эти племена туго повдигались по пути гражданственности: Геродотъ засталъ еще у нихъ самый первобытный видъ осѣдлости. Драгоцѣнное по своимъ подробностямъ извѣстіе его о свайныхъ озерныхъ жилищахъ относится къ Фракіяцамъ, обитавшимъ у подошвы Пангея (нын. Парнари), на озерѣ Празіасѣ (нын. Такино), т. е., въ самой южной части Фракіи, не далеко отъ цвѣтущаго Греческаго поселенія, Амфиполя⁷⁵⁾. Что было въ сѣверной части, болѣе отдаленной отъ образованнаго міра, объ этомъ не трудно составить себѣ понятіе изъ того обстоятельства, что Римляне не застали тамъ никакихъ городовъ, въ смыслѣ торговыхъ или промышленныхъ средоточій⁷⁶⁾. Благодаря этой непрочной осѣдлости, Фрако-Илирійцы, въ случаѣ нужды, легко разставались съ своими жилищами, для отысканія себѣ новыхъ, и часто внѣ предѣловъ Балканскаго полуострова. Такъ, въ послѣдней чет-

⁷²⁾ . . . δια τῆς ἐρήμου καλουμένης Ἰλλυρίδος, ἣν οὐ πολλῶ χρόνῳι ἀνώτερον ἀνάστατον ἐποίησαν Μακεδόνας, δια τὸ δυσέργους ποιῆσαι τοῖς Δαρδανεῦσι τὰς εἰς τὴν Ἰλλυρίδα εἰσβολὰς. Polyb. XXVIII с. 8.

⁷³⁾ См. Мюлленгофа: „Geten“, въ „Allg. Encykl. von Ersch und Gruber“ t. 64, S. 454—599.

⁷⁴⁾ Strab. VII, с. 5, 12.

⁷⁵⁾ Herod. V, 16.

⁷⁶⁾ Маннертъ, „Geographie der Gr. und Römer“, VII, 74.

верти IV-го в. до Р. Хр. значительная часть Гетовъ, тѣснимыхъ, вѣроятно, возрастающимъ могуществомъ Македоніи, выселилась на лѣвый берегъ Дуная, гдѣ безъ особенныхъ усилій отвоевала себѣ обширныя и привольныя жилища, благодаря потрясенію въ той странѣ могущества Скиѳовъ походомъ Филиппа Македонскаго противъ стараго Скиѳскаго Царя, Атея (въ 399 г.)⁷⁷⁾. Часть Трибаловъ, потѣсненныхъ Александромъ Великимъ, удаляется, съ женами и дѣтьми, на близъ лежащіе острова Дуная, а позднѣе и все это племя, если вѣрить свидѣтельству Д. Кассія, тѣснимое Ауторіятами, выселилось изъ своей прародины на сѣверъ отъ Дуная и Савы⁷⁸⁾. Съ такою же легкостію двинулись туда же и Ауторіяты, уходя отъ тяжкаго ига Скордисковъ, подчинившихъ себѣ ихъ землю. Такимъ образомъ, кромѣ вымиранія отъ непрерывныхъ усобицъ, населеніе полуострова рѣдѣло еще отъ выселеній. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что выселенія эти никогда не принимали такого огромнаго размѣра, какъ обыкновенно думаютъ многіе, безъ всякаго основанія утверждающіе, что на сѣверъ, за Дунай, выселились тогда чуть ли не всѣ Тракійцы, а именно: все племя Гетовъ, да еще и Мизы, Кробизы, Коралы, Бессы, Одризы и проч.: имѣющіяся объ этомъ историческія свидѣтельства говорятъ только о выше помянутыхъ выселеніяхъ. Что касается остальной части Гетовъ, Мизовъ, Кробизовъ, Бесовъ, Одризовъ и проч., то достовѣрная исторія знаетъ ихъ въ ихъ прежнихъ жилищахъ до самаго покоренія ихъ Римлянами, подъ властію которыхъ не мыслимы уже такія огромныя выселенія Трако-Илировъ за Дунай.

Съ начала III-го в. до нашего лѣтосчисленія начинаются вторженія Кельтовъ, во время Александра Македонскаго придвинувшихся къ сѣверному берегу Адриатическаго моря⁷⁹⁾. Отряды ихъ проходятъ вдоль и поперекъ весь полуостровъ: одни, подъ начальствомъ Камбаула и Кератрія, побѣдоносно проходятъ землю Тракійцевъ, другіе, подъ предводительствомъ Болгія, нападаютъ на Илировъ. Бренъ Акихорій, раздавивъ Пеоновъ, вторгается въ Македонію, на голову поражаетъ ее войска и самаго Царя ея, Птолемея Керавна, оставляетъ на полѣ битвы, въ 279 г. Ограбивъ Македонію, Акихорій втор-

⁷⁷⁾ Мюлленгофъ, тамъ же, S. 452.

⁷⁸⁾ Dio Cass. II, 23.

⁷⁹⁾ Arrian. „De expedit. Alexandri“, I, с. 1.

гается въ Грецію, но Греки, хотя и съ большимъ урономъ для себя, остановили его при Дельфахъ, въ 279 г., и заставили отступить. Въ этомъ же самомъ году другой Кельтскій отрядъ, изъ 20,000 человекъ, подъ предводительствомъ Леонарія и Луторія, безпрепятственно проходитъ весь Балканскій полуостровъ, чтобы переправиться въ Малую Азію. Древнія повѣствованія объ этихъ происшествіяхъ на Балканскомъ полуостровѣ изображаютъ Кельтовъ, какъ людей великихъ тѣломъ, гордыхъ умомъ, не знавшихъ никакого страха, кромѣ боязни, чтобы не обвалилось надъ ними небо, какъ людей непомѣрной силы, жестокости и лютоści⁸⁰). Новые изслѣдователи принимаютъ на вѣру эти рассказы древнихъ о необыкновенныхъ качествахъ Кельтовъ, и ищутъ въ нихъ объясненія неимовѣрныхъ успѣховъ отрядовъ ихъ на Балканскомъ полуостровѣ⁸¹). Намъ кажется, что тайна этихъ успѣховъ заключается скорѣе въ крайнемъ изнеможеніи старожилевъ полуострова. На фонѣ этого изнеможенія обрисовалась такими необыкновенными чертами фигура Кельта, на самомъ дѣлѣ далеко не столь величественная, какою представлялась она Маннерту, Суровецкому, Шафарыку и другимъ, приписывающимъ Кельтамъ столь важное значеніе въ Славянскихъ древностяхъ. Смогла же до крайности истощенная Греція поры Діадоховъ остановить столь страшный для Фракійцевъ, Илировъ и Македонянъ отрядъ Акихорія! Принужденные очистить Грецію, дружинники Акихорія отправились во Фракію, гдѣ, на южномъ склонѣ Балканскаго хребта, основали государство съ столицею Тыле, просуществовавшее тамъ цѣлое почти столѣтіе⁸²). Гораздо важнѣе другое государство, основанное на полуостровѣ Кельтами-Скордисками и простиравшееся отъ сѣвернаго склона Шара (Scardus) до р. Дравы. Скордиски на долго тутъ сдѣлались злымъ гениемъ для сѣверо-западныхъ Фракійцевъ и Илировъ. По свидѣтельству разборчиваго въ своихъ источникахъ Страбона, „они такъ долго ихъ опустошали, пока земля ихъ не обезлюдѣла и не поросла густыми непроходимыми лѣсами на разстояніи нѣсколькихъ дней пути“⁸³). Могущественное нѣкогда въ этой странѣ ко-

⁸⁰) Онъ же тамъ же, с. 4.

⁸¹) Шафарика. „Starožitn.“ въ „Sebr. sp.“, I, 277; 425; въ Русскомъ перев. О. М. Бодянскаго I. кн. 2. стр. 176 и т. д.; Георгіевскаго, „Галлы въ эпоху Каія Юлія Цезаря“, стр. 357.

⁸²) Мюлленгофа, „Geten“, S 456.

⁸³) Strabo VII, с. 5, 13.

лѣно Ауроріатовъ было частію истреблено ими, частію же принуждено покинуть свои древнія жилища и переселиться въ отдаленную страну, въ Гетскую пустыню⁸⁴). Десареты и Гибріяны, жившіе на западъ отъ Шаръ планины, по теченію обонхъ притоковъ Дрина, а также и другія незначительныя колѣна, по свидѣтельству Страбона, были совершенно разорены Скордисками.

Въ то время какъ Илиры изнемогали подъ тяжкимъ гнетомъ Скордисковъ, Оракійцы дѣлаются добычей другихъ иноплеменниковъ: Бастарновъ, Скивовъ, Сарматовъ и Даковъ. Съ начала II-го вѣка до Р. Хр., когда Нѣмецкое племя Бастарновъ⁸⁵) появляется на нижнемъ Дунаѣ, между устьемъ его и Карпатами, о Гетахъ, основавшихъ тамъ довольно значительное государство, исчезаетъ всякая память изъ исторіи, и весьма близокъ къ истинѣ домысль Мюлленгофа⁸⁶), что они были смяты этимъ форпостомъ Нѣмецкихъ племенъ, которымъ суждено было долгое время играть весьма значительную роль на нижнемъ Дунаѣ. Около 175 г. мы находимъ Бастарновъ на Югѣ отъ Дуная въ кровавыхъ схваткахъ съ Оракійцами, занимавшими проходы Балканскаго хребта, черезъ которые они пытаются проложить себѣ путь далѣе на югъ. Попытка эта имъ не удалась, тѣмъ не менѣе, однако, они водворились въ странѣ, лежащей между Балканами и Дунаемъ, гдѣ ихъ застали уже Римляне. Римляне застали тутъ еще Скивовъ и Сарматовъ, которые безпрепятственно переправлялись съ лѣваго берега Дуная сюда, гдѣ находили привольную страну для своихъ кочевьевъ⁸⁷). Около половины I-го в. до Р. Хр., основатель могущественнаго государства Даковъ, знаменитый Биревиста или Бурвиста, какъ его называетъ Иорнандъ (с. 11), покорилъ себѣ и значительную часть Оракіи, страшно опустошилъ Илирію и отваживался вторгаться въ Македонію, тогда уже Римскую область. Такимъ образомъ, еще за долго до завоеванія полуострова Римлянами, число древнѣйшихъ обитателей его очень

⁸⁴) Appian., „De rebus Syricis,“ с. IV. Гетскою тустыней называлась страна, лежаща между устьемъ Дуная и Днѣстромъ. Strab VII, с. 3, 14.

⁸⁵) Шафарикъ причисляетъ и Бастарновъ къ Кельтамъ (см. „Sebr. spisy“ I, 432); въ Русскомъ перев. I, кн. 2, стр. 195 и слѣд.; но ихъ Нѣмецкое происхожденіе поставлено, кажется, Цейсомъ внѣ всякаго сомнѣнія. См. „Die Deutschen,“ u. s. w. 127.

⁸⁶) Geten, S. 456.

⁸⁷) Strab. VII, с. 3, 2.

умалилось. Порѣдѣвшее населеніе ихъ земли манило къ себѣ новыхъ жителей съ сѣвера, которые, какъ мы видѣли, и переселяются туда полчищами. Но эти переселенцы, сообщивъ населенію полуострова народописную пестроту, не возвратили ему той плотности, которая приводила Геродота въ изумленіе.

Завоеваніе Балканскаго полуострова Римлянами началось за 200 слишкомъ лѣтъ до Р. Хр., съ объявленія войны Тевтѣ, правительницѣ собственной Илиріи, и кончилось около половины перваго столѣтія нашего лѣтосчисленія⁸⁸⁾. Около 250 лѣтъ понадобилось Риму для окончательнаго водворенія своей власти въ этой сосѣдней странѣ, въ которой, спѣшимъ припомнить, Римскіе легіоны должны были бороться не только съ Илирами, Македоно-Эпиротами и Фракійцами, но также и съ водворившимися тамъ недавно свѣжими племенами: Скордисками, Бастарнами, Скиѳами и Сарматами, а въ первомъ вѣкѣ и съ Даками, противъ которыхъ Цезарь, передъ самою смертію своею (44 г.), готовилъ стотысячное войско. Лѣтописи этой долговременной войны представляютъ намъ примѣры рѣдкаго мужества со стороны подвергшихся нападенію. Сопrotивленіе Далматинцевъ было такой упругости, что въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ Далмація дѣлается практической военною школою для Римскаго юношества, и всякій разъ, когда Римляне не были заняты войною въ другихъ странахъ, они посылали свои войска въ Далмацію, для войны съ тамошними горцами⁸⁹⁾. Окончательное подчиненіе Паноновъ потребовало такого многочисленнаго войска, какого, по словамъ Веллея Патеркула, участвовавшаго въ этомъ походѣ, кромѣ междуусобной войны, Римляне никогда и нигдѣ не употребляли⁹⁰⁾. По свидѣтельству Светонія, для нея употреблено 15 легіоновъ и столько же вспомогательнаго войска⁹¹⁾. Противъ этой грамадной силы Паноны держались въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 6 по 9 послѣ Р. Х. Особенно упорно сопротивлялась крѣпость Ардубы: доведенные до отчаянія, жители ея подожгли свои жилища и предпочли игу добровольную смерть въ пламени, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Припомнимъ и трогательный разсказъ Тацита

⁸⁸⁾ Мизія обращена въ Римскую область при Тиберіи, Фракія же только при Клавдіи.

⁸⁹⁾ Маннертъ, „Geogr. der. Gr. und. R.“ VII.

⁹⁰⁾ Vell. Paterc. II. c. 110.

⁹¹⁾ In Tiberio c. 16.

о послѣднемъ дѣлѣ долговременной войны съ Фракійцами, т. е. о покореніи Одризовъ въ 26 г. по Р. Х. Отчаявшись въ защитѣ своей свободы, „всѣ (изъ Одризовъ) слабые лѣтами и поломъ, всѣ, кому жизнь была дороже славы, отдались въ руки неприятелю. Но молодые люди, раздѣлившись, на двѣ части, съ Тарсою и Турезисомъ во главѣ хотѣли умереть за свободу. Тарса предпочиталъ скорый конецъ, который бы разомъ рѣшилъ и надежды и опасенія, и подалъ примѣръ, пронзивъ себѣ грудь, за нимъ и другіе. Турезисъ же съ своимъ отрядомъ сталъ дожидаться ночи.“ Въ эту ночь они всѣ почти пали, но и Римлянамъ долго стоила смерть этихъ отчаянныхъ богатырей ⁹²⁾.

Какъ сильно сопротивлялись изъ новыхъ поселенцевъ полуострова Скордиски, покоренные только въ 35 г. до Р. Х. Октавіяномъ, на это указываетъ то, что Римскіе историки прозвали ихъ лютойшими изъ всѣхъ обитателей этого края ⁹³⁾.

Мы указываемъ на свойство отпора, даннаго жителями Балканскаго полуострова противъ Римскаго владычества, не только съ цѣлю ознакомленія съ тѣмъ, какихъ жертвъ стоила имъ эта отчаянная защита, но мы имѣли въ виду и другую цѣль, а именно: уясненіе причинъ, опредѣлившихъ свойство самаго владычества Рима въ этомъ краѣ. Извѣстно, что Римляне, въ видахъ обезпеченія за собою такихъ завоеваній, которыя выказали имъ особенное сопротивленіе, истребляли, или уводили въ неволю, всю мужественную и лучшую часть населенія ихъ и давали пощаду только тѣмъ, которые могли обрабатывать землю, но были не въ состояніи владѣть оружіемъ ⁹⁴⁾. Понятно, что, по отношенію къ Балканскому полуострову, эта жестокость, возведенная Римомъ въ политическое основоположеніе, должна была получить самое полное примѣненіе. Павелъ Эмилиій, по завоеваніи Македоніи, въ одинъ день разрушилъ въ Эпирѣ 70 городовъ, изъ жителей которыхъ 150,000 человекъ увелъ въ неволю ⁹⁵⁾. Паноны, по убіеніи и порабощеніи тѣхъ изъ нихъ, которые способны были носить оружіе, были

⁹²⁾ Лѣтопись Корнелія Тацита, пер. Кронеберга I, 228.

⁹³⁾ Saevissimi omnium Thracum.“ Florus III, 4.

⁹⁴⁾ Всего лучше изображаетъ этотъ приемъ Римской политики Д. Кассій въ разсказѣ о покореніи Ретійцевъ въ 12 г. до Р. Х. *τό τε κράτιστον καὶ τὸ πλείστον τῆς ἡλικίας αὐτῶν ἐξήγαγον, καταλιπόντες τοσοῦτους ἄσσοι τὴν μὲν χώραν οἰκεῖν ἱκανοί, νεοχρῆσαι δὲ τι ἀδύνατοι ἦσαν.* Срав. и у Страбона (IV, с. 6, 7) о продажѣ съ молотка всѣхъ Саласцевъ.

⁹⁵⁾ Liv. XLV, 34; Plutar. in Aem. Paul. 270.

переселены на сѣверъ отъ Савы, въ страну, получившую отъ нихъ свое названіе ⁹⁶). Другое особенно свободолюбивое Илирское колѣно, Ардеи, выселено было Римлянами съ берега Адриатическаго моря, которое безпокоило своими морскими разбоями, во внутреннюю землю, гдѣ эти моряки принуждены были заниматься земледѣліемъ. Имъ отведена, по словамъ Страбона, „земля каменистая, неплодная, неспособная къ воздѣлыванію, по этому они тамъ перемерли и почти что исчезли“ ⁹⁷). Этотъ, въ высшей степени добросовѣстный, писатель, современникъ окончательному подчиненію Римлянамъ занимающаго насъ полуострова, оставилъ намъ очень вѣрную картину западной части его, близко ему знакомой. Разсказавъ объ исчезновеніи цѣлаго племени Ардеевъ, онъ прибавляетъ: „Такая же участь постигла и другіе тамошніе народы, такъ какъ тѣ изъ нихъ, которые въ прежнія времена были очень могущественны, нынѣ совершенно унижены и исчезли.“ Такъ исчезли изъ Галловъ Бои и Скордиски, изъ Илировъ Ауторіаты, Ардеи и Дарданы, изъ Фракійцевъ же Трибалы. Всѣ эти племена съ чала воевали другъ съ другомъ, потомъ же были завоеваны Македонянами и Римлянами ⁹⁸).

„Въ прежнія времена,“ говоритъ Страбонъ въ другомъ мѣстѣ, „весь Эпиръ и Илирія, хотя они и каменисты и изрѣзаны горами, однако были очень населены; нынѣ же большая часть этихъ земель пустыня, да и въ обитаемыхъ частяхъ ихъ попадаются только деревушки да развалины“ ⁹⁹). Далѣе: „На Пиндѣ жили Талары и Ээики, къ которымъ, по словамъ поэта, были прогнаны Периоомъ Кентавры: говорятъ, они нынѣ исчезли“ ¹⁰⁰).

Есть основанія думать, что восточная половина полуострова, земля Фракійцевъ, представляла болѣе безотрадную картину разрушенія, но о ней мы напрасно бы стали искать вакихъ ни будь свѣдѣній у тогдашнихъ писателей ¹⁰¹).

⁹⁶) Маннертъ, „Germania,“ S. 501—505.

⁹⁷) Strabo VII, с. 5, 7.

⁹⁸) Онъ же, тамъ же. См. и Appian. „De rebus Illyric.“ с. 3, 4.

⁹⁹) Strab. VII, с. 7, 9.

¹⁰⁰) Онъ же, X, с. 5, 12.

¹⁰¹) A dark veil, замѣчаетъ Финлей, covers the history of the native proprietors of the soil in the countries between the Aegean sea and the Danube for many centuries. Histor. of the Byzant. and greck empire II, p. 279.

„Политика, считавшая уменьшение жителей вновь приобретаемых странъ необходимымъ условіемъ обезпеченія ихъ покорности, не могла не придумать дѣятельныхъ мѣръ для предотвращенія новаго ихъ возрастанія въ числѣ и въ благосостояніи“¹⁰²⁾, замѣчаетъ Финлей, подкрѣпля свое замѣчаніе многими данными изъ исторіи владычества Римлянъ въ Греціи. Древніе не сохранили намъ въ такой же подробности исторіи ихъ владычества и въ занимающей насъ странѣ, но и по тѣмъ отрывочнымъ извѣстіямъ, которыя дошли до насъ, можно себѣ представить до нѣкоторой степени положеніе дѣла. Ежегодно молодые подростки населенія отнимаемы были у страны и посылаемы въ отдаленные концы Имперіи. По смыслу одного извѣстія, находящагося въ Ватиканскихъ отрывкахъ изъ Географіи Страбона, Римляне, въ случаѣ нужды, могли набрать во Фракіи, хотя и чрезмѣрно разоренной, до 15,000 коннаго и 200,000 пѣшаго войска¹⁰³⁾. Въ замѣнъ этихъ свѣжихъ силъ, будущей надежды населенія, посылаемы были сюда на поселеніе ветераны, вольноотпущенники и всякаго рода преступники, которые, вмѣстѣ съ легіонами, постоянно разставленными въ сѣверной части полуострова, да съ многочисленными чиновниками всякаго рода, образовали новую народную стихію, стихію господствующую, которая съ удивительною скоростію поглотила въ себѣ, путемъ всосанія въ себя всего, чего не успѣли покончить прочіе дѣятели разложенія древняго населенія этой страны. Ходъ ороманенія тутъ пошелъ такъ быстро, что Финлей, для уясненія себѣ его успѣха, предполагаетъ въ языкѣ Фракійцевъ особенную способность сплоченія съ Латинскимъ языкомъ¹⁰⁴⁾. Еще во времена Плинія города Филиппополь, Дебельтъ, Флавіополь, Апруъ и др., были населены Римлянами¹⁰⁵⁾. Въ IV в. по Р. Х. въ городѣ Ремесіянѣ, лежавшемъ между Софіею и Нишемъ (н. Пиротъ), святительствовавъ на епископской каѳедрѣ Св. Никита, прославившійся евангельскою проповѣдью между Фракійцами, къ которымъ и

¹⁰²⁾ „Griechenland unter den Römern.“ Leipzig, 1861, S. 46.

¹⁰³⁾ Δύναται δὲ (ἢ Θράκη) στέλλειν, καὶ περὶ οὐσα περίσσωσ ἐκπεποννημένῃ, μίρους καὶ πεντακισχιλοῦς ἰππέας, πεζῶν δὲ καὶ εἴκοσι μυριάδας. Strab. ed. Didot, 22d. Это извѣстіе не будетъ казаться преувеличеннымъ, если припомнить, что было время, когда число регулярнаго войска (the regular force) Римской Имперіи достигало до 645,000. Гиббонъ, History of the decline and fall of the R. empire“. Leipsick, 1821, VII, p. 245.

¹⁰⁴⁾ History of the Byz. II, 280.

¹⁰⁵⁾ Тунманъ, „Untersuchungen“, 331.

самъ принадлежалъ по своему происхожденію. Отъ него мы имѣемъ нѣсколько сочиненій на Латинскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣлъ въ такомъ совѣршенствѣ, что возбуждалъ удивленіе и въ самомъ Римѣ¹⁰⁶). Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что Епископы города Маркіянополя (вѣроятно, позднѣйшій Прѣславъ) употребляли Латинскій языкъ въ письменныхъ сношеніяхъ своихъ съ Византійскими Императорами и Халкидонскимъ Соборомъ¹⁰⁷). Греческій писатель, Прискъ, проѣхавшій, въ V в., поперекъ всего Балканскаго полуострова, удостовѣряетъ, что на всемъ пространствѣ, заключающемся между морями Адриатическимъ, Эгейскимъ и Чернымъ, Латинскій языкъ былъ обыкновеннымъ органомъ сообщенія между разными племенами, и не только въ политическихъ сношеніяхъ, но и въ дѣлахъ частныхъ¹⁰⁸). Припомнимъ еще и множество надгробныхъ и другихъ надписей на Латинскомъ языкѣ, встрѣчающихся во всѣхъ частяхъ Балканскаго полуострова¹⁰⁹).

Мы остановились слишкомъ долго на древнѣйшемъ населеніи Балканскаго полуострова, но насъ побуждало къ этому не одно простое желаніе предпослать нашимъ розысканіямъ о расселеніи Славянъ въ этой странѣ нѣсколько болѣе обстоятельныхъ замѣтокъ о древнѣйшихъ ея обитателяхъ и ихъ исторической участи, нами руководила тутъ, главнымъ образомъ, другая цѣль, заключающаяся въ томъ, чтобы, уясненіемъ нѣкоторыхъ заброшенныхъ вопросовъ по древнѣйшей народописи и исторіи полуострова, вѣрнѣе выйти на встрѣчу извѣстному мнѣнію, по которому „Славяне искони обитали въ этой странѣ“. Послѣ сказаннаго нами о племенномъ составѣ древнѣйшихъ обитателей полуострова, о народности ихъ, объ ихъ исторической участи, объ народописной смѣнѣ, происшедшей

¹⁰⁶) Филар (та, „Святые Южныхъ Славянъ“, стр. 103.

¹⁰⁷) Гильфердинга, „Собраніе сочиненій“, I, стр. 179.

¹⁰⁸) „Excerpta e Prisci historia“, ed. Bonn. p. 190; Финлей, „History of the Byz. empire“, 280—281.

¹⁰⁹) Французскій, путешественникъ, А. Дюмонъ, въ письмѣ изъ Адрианополя (отъ 1 Ноября, 1868 г.), пишетъ, будто въ разныхъ частяхъ Фракіи нашли только шесть Латинскихъ надписей, тогда какъ Греческихъ найдено множество. На этомъ основаніи онъ заключаетъ, что во II в. по Р. Хр. во Фракіи господствовала Греческая гражданственность. См. „Roman. Stud.“ Рёслера, 135. Мы въ правѣ усомниться въ полнотѣ свѣдѣній ученаго путешественника о числѣ извѣстныхъ Латинскихъ надписей во Фракіи; позволяемъ себѣ усомниться также и въ томъ, будто всѣ извѣстныя Дюмону Греческія надписи во Фракіи принадлежатъ II вѣку, а не позднѣйшимъ временамъ, когда во Фракіи, дѣйствительно, Греческій языкъ возобладалъ надъ Латинскимъ.

въ этой странѣ около начала нашего лѣтосчисленія, намъ кажется излишнимъ останавливаться на подробномъ разборѣ этого мнѣнія: но, въ виду того, что въ послѣднее время это мнѣнія стало повторяться все чаще и чаще, мы считаемъ не лишнимъ подвергнуть разбору главнѣйшія его основанія¹¹⁰). Сторонники этого мнѣнія, сходясь въ главномъ своемъ выводѣ, а именно, что Славяне были старожилами на полуостровѣ, нѣсколько расходятся въ частности: одни (Бутковъ, Савельевъ-Ротиславичъ, Чертковъ) считаютъ Славянами только часть древнѣйшихъ обитателей этой страны, другіе же (Лелевель, Бѣлевскій) все древнѣйшее населеніе ея признаютъ Славянскимъ; наконецъ трети, считая это населеніе разноплеменнымъ, принимаютъ, что Славяне издавна обитали тамъ въ перемежку съ прочими разнородными племенами (Шафарикъ, Куно). Но главныя основанія, на которыя эти изслѣдователи опираются, у всѣхъ болѣе, или менѣе, одинаковы. Самое главное доказательство ихъ заключается въ нѣсколькихъ мѣстныхъ и племенныхъ названіяхъ, сообщаемыхъ древнѣйшей народописью и землеописаніемъ этой страны, названіяхъ, указывающихъ собою на Славянское происхожденіе и образованіе. Такихъ словъ насчитываютъ множество, не обращая вниманія на то, что многія изъ нихъ упоминаются впервые писателями V и VI вѣка нашего лѣтосчисленія; когда на полуостровѣ были уже другія этнографическія стихіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что названія: Βαδζάνια, Βάνες, Βάβας, Βέρζανα, Κάβρετζα, Κλεσρέσιτα, Δούλεβιν, Λάβουτζα, Μελίχιτζα, Μιλλάρεκα, Σκαπλίτζω, Στρέδηγ,

¹¹⁰) Довольно подробный списокъ приверженцевъ этого мнѣнія, начиная съ Длугоша (1415—1480) и до Катаичича (1750—1825), представленъ Шафарикомъ въ „Ueber die Abkunft der Slawen“. Ofen, 1828, 2—5. Списокъ этотъ въ настоящее время можно продолжить вписаніемъ въ него слѣдующихъ новѣйшихъ писателей: Данковскаго, „Homerus slavicus dialectis cognata lingua scripsit. Vindob. 1821—1831“; Лелевеля, „Dzieje Starozyt. W. Wilnie, 1818; Dzieje Polski, послѣд. изд. 1859; Polska wiekow srednich. Poznan, 1846—7, 1851—6; Histoire de Pologne. Paris, 1844“; Сенковскаго, „Библіотека для Чтенія“, 1838 т. XXVII, отд. 3; Буткова, „Оборона лѣтописи Русской Несторовой отъ навѣта скептиковъ“. Сиб. 1840; Савельева-Ротиславича, „Славянскій сборникъ“, Сиб. 1845; Черткова, „Очеркъ древней исторіи Протословенъ“. Москва 1851; Бѣлевскаго, Wstep krytyczny do Dziejow Polski: We Lwowie, 1850; Rzut oka na dotychczasową piervotną polską historyą. Warszawa, 1853; Prospetto cronologico della storia della Dalmazia con riguardo alle provincie slave contermini. Zara, 1863; Филарета, Архiep. Черниговскаго, „Святые Южныхъ Славянъ“. Черниговъ, 1865; Архим. Леонида, „О Бессахъ Славянахъ“, въ „Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос.“ 1871, кн. IV; I. Куно, „Forschungen im Gebiete der Alten Völkerkunde.“ t. I. Die Skythen. Berlin, 1871. Изъ Болгарскихъ и Сербскихъ писателей этого мнѣнія придерживались: Д-ръ Беронъ, Раковскій, Захаріевъ, Хаджитъ, Верковичъ и др.

Στρούας, Βέτζα, Βρατζίστα и т. п.¹¹¹), не подлежит сомнѣнію, говоримъ, что подобныя слова Славянскаго происхожденія. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что всѣ они упоминаются впервые у Прокопія, писателя VI в. нашего лѣтосчисленія, и что по этому нельзя, безъ нарушенія законовъ критики, на основаніи сихъ столь позднихъ данныхъ судить о составѣ древнѣйшаго этнографическаго образованія полуострова, разложеніе котораго началось, какъ мы видѣли, за четыре и болѣе вѣковъ до Прокопія. Вотъ по чему мы и ограничимся здѣсь приведеніемъ изъ длиннаго списка сихъ названій только тѣхъ, которыя, по своей древности, дѣйствительно принадлежатъ Орако-Илирійскому міру.

Племенные названія: Кровызы (Κρόβυζοι, Stobuzi) всѣми приверженцами разбираемой теоріи сближаются съ Русскими Кривичами, обитавшими, какъ извѣстно, по верховьямъ Волги, Западной Двины и Днѣпра; Мизы (Μυζί, Muzi), по Лелевелю — Мазіи, Мазовы, по Черткову — Мужи; Кораллы (Κόραλλοι)=Гораллы; Долонки (Δόλογκοι)=Доленцы; Пелагоны (Πελάγονοι)=Поляне; Трибаллы (Τριβάλλοι) у Лелевелия являются Древлянами, у Шафарика же Србали, Сербы; Бессы (Βήσσοι, Bessi) производятся отъ Славянскаго слова бѣсъ и сближаются съ Карпатскими Біесами (Βιέσσοι) Птолемея, которые, по всему вѣроятію, были Славянскимъ племенемъ; Одризы сближаются Чертковымъ съ Оботридами (Бодричами), Бѣлевскій же послѣднихъ производитъ отъ Ауторіятовъ; Линкесты (Λυγκήστοι), по мнѣнію Бѣлевскаго — предки Ляхитовъ, Ленхитовъ.

Названія рѣкъ: Стримонъ (Στρώμων), нынѣ Струма, сближается съ названіемъ притока Принети, Струмень, и съ Польскимъ словомъ strumień=ручей, потокъ; Нестось (Νέστος), нынѣ Места, сближается съ Русскою рѣкою Местюю, впадающею въ озеро Ильмень; Баргусъ (Bargus) производятъ отъ слова брѣгъ, Сирмусъ (Syrmus) отъ сыръ, сырой.

Названія городовъ: Доберъ (Δοβηρός) сближаютъ съ названіемъ Дебрьской области и съ городомъ Дебромъ, производя отъ Древне-Болг. дѣбрь; Былазора (Βυλάζωρα, Bylazoga) = Бѣлазоря; Ускудама (Uscudama) = Узкодомъ; Девельтъ (Δεῦλτος) сближаютъ съ Польскимъ городомъ Działow.

¹¹¹) Шафарика, „Ueber die Abkunft der Slaven. Ofen, 1826“, S. 138—150; Савельева-Ростиславича, „Славянскій сборникъ“ 258.

Но строго говоря, большая часть этихъ названій только съ большими натяжками приурочиваются къ Славянскому языку; помощію такихъ натяжекъ ихъ можно произвести изъ какого угодно языка. Что же касается до совпаденія нынѣшнихъ несомнѣнно Славянскихъ названій: Струма, Места, Дебрь, съ древними — Стримонъ, Нестось, Доберь, то совпаденіе это весьма естественно объясняется простымъ осмысленіемъ Славянами этихъ послѣднихъ, непоятныхъ для нихъ, названій, осмысленіемъ, примѣры котораго весьма перѣдки въ Славянскомъ землеописаніи и народописи. Такъ на примѣръ, Сардика, названіе города, лежавшаго въ землѣ Сардовъ и отъ нихъ, вѣроятно, получившаго свое имя, у Славянъ явился въ видѣ Срѣдецъ, яко бы Середецъ; Плотинополь въ Фракіи, несомнѣнно городъ Плотина, у Болгаръ преобразился въ Плодинъ градъ, Плоденъ, Пловдивъ.¹¹²⁾ Древній городъ Ульпіяна точно также преобразился въ Липлянъ, Пелагонія въ Пологъ и т. д. Такимъ образомъ, исключивъ изъ выше приведенныхъ древнихъ названій тѣ, которыя съ большими натяжками приурочиваются къ Славянскому языку, а также и тѣ, которыхъ совпаденіе съ нынѣшними Славянскими названіями тѣхъ же мѣстностей объясняется такимъ осмысленіемъ, мы получимъ только слѣдующія три: Кровызы, Бесы, Блара. которыя собственно и заслуживаютъ вниманія.

Относительно Кробызовъ или Кровызовъ, кромѣ внѣшняго созвучія названія ихъ съ названіемъ Русскихъ Кривичей, нѣтъ какихъ другихъ данныхъ, подтверждающихъ сродство ихъ съ послѣдними. Какъ было замѣчено уже, Кровызы, со временъ Геродота и до самаго покоренія ихъ Римлянами, не покидали Мизіи. Предположеніе, что они, въ теченіе этого времени, выселились на сѣверъ отъ Дуная, не оправдывается ни однимъ показаніемъ древнихъ. Прибавимъ къ этому, что, по весьма вѣроятному объясненію С. Микуцкаго, Русскіе Кривичи получили свое названіе по свойству мѣстности, ими занятой, отъ Литовскаго слова *kirba*, топъ, трясина,¹¹³⁾ и мы поймемъ всю

¹¹²⁾ Плотинополь былъ одинъ изъ пяти городовъ области Гемимонта. По мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ находился на мѣстѣ нынѣшняго Дезретхене, другіе же помѣщаютъ его въ окрестностяхъ Димотики. См. Smith, „Dictionary of gr. and rom.“ Болгаре перенесли осмысленное ими имя этого исчезнувшаго города на Филиппополь, который у нихъ извѣстенъ подъ именемъ Плодинъ градъ, Пловдивъ.

¹¹³⁾ Въ „Извѣстіяхъ II Отдѣленія Импер. Академіи Наукъ“, листъ 7-й.

безосновность сближенія ихъ съ Оракійскими Кробызами. Еще нагляднѣе мы можемъ доказать несостоятельность доводовъ разбираемой теоріи о Славянствѣ Бесовъ. Кромѣ того, что названіе этого Оракійскаго колѣна весьма легко производится отъ Славянскаго слова бѣсъ; кромѣ того, что это названіе повторяется и въ названіи Карпатскихъ Біесовъ, приверженцы разбираемаго мнѣнія подобрали въ пользу Славянства Бесовъ и другія, по ихъ мнѣнію, весьма убѣдительныя доказательства. Шафарикъ указываетъ на свидѣтельство житія Θεодосія Палестинскаго, что Бесы говорили особеннымъ языкомъ¹¹⁴⁾, Куно приводитъ свидѣтельство Юрнанда, что Дунай на языкѣ Бесовъ назывался Ister, а это слово, по мнѣнію нѣкоторыхъ, чисто Славянское. Онъ же, кромѣ того, указываетъ и на то, что въ странѣ Бессовъ протекали рѣки Bargas и Surtus, названія которыхъ, по его мнѣнію, суть также Славянскія (брѣгъ и сырѣ, сырой)¹¹⁵⁾. И до такой степени утвердилось убѣжденіе въ Славянскомъ происхожденіи Бесовъ, что нѣкоторые, считая уже это несомнѣннымъ, пошли еще далѣе. Такъ, Филаретъ Архіепископъ Черниговскій, указывая на Евангельскую проповѣдь Св. Никиты Ремесіянскаго между Бесами, заключаетъ изъ этого, что еще въ IV в. нѣкоторыя Славянскія племена исповѣдывали уже Христіанскую вѣру¹¹⁶⁾. Архимандритъ Леонидъ недавно еще, на основаніи свидѣтельства Житія Θεодосія Палестинскаго, что Бесы отправляли богослуженіе на своемъ языкѣ, утверждалъ, что еще въ V в. Славянскій языкъ былъ уже письменнымъ языкомъ и т. д.¹¹⁷⁾. А между тѣмъ намъ извѣстно, что въ странѣ, которую занимали нѣкогда Бесы, сохранилось указаніе, положительнымъ образомъ противопологающее народность ихъ Славянской народности, и такимъ образомъ обращающее въ пустыя мечты всѣ эти ученые выводы. У подошвы верхняго Родопа, недалеко отъ селенія Бѣлева, находится урочище, называемо сосѣдними Болгарами старо градище (старое городище). Весьма вѣроятно, что на этомъ же самомъ мѣстѣ находился главный городъ Бесовъ, Бесанара. Какъ бы то ни было, по между тамоншими Болгарами ходитъ преданіе, что въ названной мѣстности жили нѣкогда люди,

¹¹⁴⁾ См. выше.

¹¹⁵⁾ „Die Skythen“ 232.

¹¹⁶⁾ „Святые Южныхъ Славянъ“. стр. 103—109.

¹¹⁷⁾ „Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Древн. Рос.“ 1871, кн. IV, стр. 36.

именуемые Беша-фара т. е., Бесье племя (слово фара, по всему вѣроятію, Древне-Нѣмецкое *fağa* (*gone, Geschlecht*), существуетъ какъ въ Болгарскомъ, такъ и въ Албанскомъ и Румынскомъ языкахъ въ значеніи племени)¹¹⁸). Въ этомъ Славянскомъ преданіи безъ всякаго сомнѣнія мы имѣемъ весьма краспорѣчивый доводъ противъ Славянскаго происхожденія Бесовъ, и въ тоже самое время хорошее предостереженіе тѣмъ, кто слишкомъ увлекается внѣшнимъ созвучіемъ словъ¹¹⁹).

Послѣ всего сказаннаго въ распоряженіи разбираемой теоріи остается только одно названіе „Былазора.“ По словамъ Поливія, у котораго впервые встрѣчается это названіе, городъ Былазора лежалъ на сѣверной границѣ Македоніи, у самаго входа въ эту страну со стороны Дарданіи; отъ этого-то Македонскій Царь Филиппъ V, желая обезопасить свои владѣнія отъ вторженія Дардановъ, употребилъ всѣ старанія, чтобы занять этотъ городъ¹²⁰). Былазора дѣйствительно звучитъ по Славянски и помимо Славянскаго языка не поддается инымъ объясненіямъ. Но что значить это одно слово, въ виду хотя бы только и до сихъ поръ указанныхъ нами данныхъ, которыя прямо свидѣтельствуютъ противъ Славянскаго происхожденія древнихъ обитателей полуострова?

Другое основаніе приверженцевъ разбираемой теоріи заключается въ свидѣтельствѣ Польскихъ лѣтописцевъ и Нестора о расселеніи Славянъ съ Юга, съ Придунайскихъ странъ, на Сѣверъ. На объясненіе этихъ свидѣтельствъ, въ смыслѣ благопріятномъ для разбираемой теоріи, въ послѣднее время посвятилъ много труда и потратилъ большую ученость извѣстный Польскій писатель, Августъ Бѣлѣвскій¹²¹). Извѣстно, что въ 1-й книгѣ лѣтописи Краковскаго Епископа, Викентія Кадлубка (1160—1223), находятся рассказы о столкновеніяхъ древнихъ Поляковъ и Ляхитовъ съ Даками, Галлами (Кельтами),

¹¹⁸) Захаріева, „Описаніе на Тат.-Паз. кааза.“ Віена, 1870, стр. 56.

¹¹⁹) Ганъ сближаетъ названіе Бесовъ съ Албанскимъ словомъ *bes* м-а, означающимъ вѣру, вѣрность, Греч. *πίστις*. „*Alban. Stud.*“ I, 213. Сближеніе это тѣмъ основательнѣе, что названіе вѣрный, вѣрующій, весьма легко могло употребляться и въ смыслѣ благочестиваго, въ свидѣствіе чего оно очень идетъ служителямъ Вахха, которымъ собственно и принадлежало это имя, прежде чѣмъ оно стало означать все племя Сатровъ или Діевъ.

¹²⁰) Polyb. V, с. 20.

¹²¹) Этому вопросу посвящена вторая часть его сочиненія: „*Wstęp krytyczny do dziejów Polski*“, изданная въ сокращеніи особенной книжкой подъ заглавіемъ: „*Rzut oka na dotychczasową, pierwotną polską historią*.“ Варшава, 1853.

Александръ мѣ Македонскимъ, Римлянами и пр. Эти же самые рассказы съ нѣкоторыми передѣлками повторяются и у Дзѣржвы (Dzierzwa), другого Польскаго лѣтописца, жившаго въ XIII в. Долгое время историческая критика добивалась кагого ни будь историческаго смысла въ этихъ рассказахъ, которые Шлецеръ обозвалъ „чистыми нелѣпостями“ (wahren Unsinn)¹²²), и приходили къ разнымъ заключеніямъ. Осолинскій видѣлъ въ нихъ воспоминаніе о войнѣ Западныхъ Славянъ съ Франками, Аварами и пр.¹²³). Лелевель отличалъ въ этихъ рассказахъ три цикла: Сѣверный, Поморскій, въ которомъ, по его мнѣнію, сохранились преданія о столкновеніи Поморянъ съ Датчанами; Южный, который повѣствуетъ о столкновеніи Панонскихъ Славянъ съ Франками и Аварами, и наконецъ Ляшскій или Польскій передающій намъ древнѣйшія народныя преданія Ляховъ¹²⁴). Шейноха искалъ въ занимающихъ насъ рассказахъ подтвержденія своей теоріи о Скандинавскомъ происхожденіи Лехитовъ¹²⁵). По изслѣдованіямъ же Бѣлѣвскаго оказывается, что подъ Лехитами и Поляками, о которыхъ идетъ рѣчь въ этихъ рассказахъ, слѣдуетъ разумѣть Орако-Илировъ вообще, въ особенности же Линкестовъ и Ауторіатовъ, Славянское происхожденіе которыхъ онъ считаетъ доказаннымъ на основаніи выше помянутыхъ язычныхъ данныхъ. По мнѣнію Г. Бѣлѣвскаго, рассказы эти, въ которыхъ онъ видитъ историческое указаніе на то отдаленное время, когда предки Поляковъ, вмѣстѣ съ другими Славянскими племенами, обитали на Балканскомъ полуостровѣ подъ именемъ Линкестовъ и Ауторіатовъ, не выдуманы Кадлубкомъ, ни Дзѣржвой, котораго онъ называетъ Міоршей и Мерсва (Mierswa) и переноситъ изъ XIII-го в. въ XI-й, но почерпнуты послѣднимъ изъ какой-то древнѣйшей лѣтописи существовавшей будто въ Польшѣ въ началѣ XI в. и носившей заглавіе „Description Lechiticorum annalium.“ Она заключала въ себѣ исторію Илирскихъ племенъ вообще, въ особенности Линкестовъ (Λυγχιῆσται), переселившихся позднѣе въ Дакію, а оттуда и далѣе на сѣверъ, къ берегамъ Вислы. Въ этой лѣто-

¹²²) Nestor II, 217. Сравни. Шафарика, „Слав. Древности,“ II, кн. 2, стр. 116—135.

¹²³) Vincent Kadlubek, ein historisch-kritischer Beitrag zur slavischer Literatur. Warschau, 1822“.

¹²⁴) Mateusch herbu Cholewa. Сравни. и „Polska wiekow średnih.“ I, Poznań, 1840, стр. 8.

¹²⁵) Lechicki początek Polski,“ 1858.

писи старыя Славяне записали то, что узнали отъ просвѣщенныхъ народовъ о своемъ происхожденіи, или что слышали отъ своихъ предковъ объ этомъ же предметѣ ¹²⁶). Будучи составлена на основаніи народныхъ преданій и по не дошедшимъ до насъ сочиненіямъ древнихъ, она обстоятельно и связно излагала древнѣйшую исторію Поляковъ, но Дзѣржава (Міорша), пользуясь ею для своей книги, позволялъ себѣ разныя передѣлки: что рассказывалось въ ней о древнѣйшихъ временахъ и о древнѣйшей родинѣ Поляковъ, онъ приурочивалъ къ позднѣйшимъ временамъ и къ позднѣйшимъ жилищамъ этого народа. Объяснивъ такимъ образомъ происхожденіе тѣхъ несообразностей, которыя мы находимъ въ названныхъ рассказахъ Дзѣржавы (Міорши) и Кадлубка, нашъ изслѣдователь отваживается на весьма смѣлое дѣло, а именно: онъ пытается очистить эти сказанія отъ передѣлокъ Міорши и возстановить ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они находились въ предполагаемой имъ лѣтописи Лехитовъ. Плодомъ такой попытки является у него систематическое начертаніе древнѣйшей исторіи Поляковъ, которое можно представить въ слѣдующихъ словахъ ¹²⁷): Предки Поляковъ обитали съ незапамятныхъ временъ на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ были извѣстны подъ именемъ Ленхитовъ (*Λουχίσται*). Выгнанные оттуда въ III-мъ в. Кельтами (Скордисками и Боями), они выселились за Дунай, къ своимъ соплеменникамъ, Гетамъ, въ союзѣ съ которыми образуютъ тамъ грозную для Римлянъ Дакійскую Монархію. Основатель ея, Биревиста, есть не кто иной, какъ упоминаемый въ Польскихъ лѣтописяхъ Лешко II-й. По завоеваніи Дакии Траяномъ, жители ея, которые состояли все изъ переселенцевъ съ Балканскаго полуострова, удаляются на сѣверъ и даютъ начало Славянскимъ племенамъ: Ляхитамъ (отъ Линкестовъ), Оботри-тамъ (отъ Ауторіятовъ), Мазовшанамъ (отъ Мизовъ), Кривичамъ (отъ Кровизовъ) и пр. ¹²⁸). Это изслѣдованіе Бѣлѣвскаго, другими своими трудами заслужившаго себѣ въ ученой Польской Словесности весьма почтенную извѣстность, вызвало противъ себя весьма оживленную критику, которая разбила всѣ его основанія или, лучше сказать, обнаружила всю безоснова-

¹²⁶) „Rzut oka“ a t. d., str. 11.

¹²⁷) Тамъ же, стр. 69 и слѣд.

¹²⁸) Тамъ же, стр. 86.

тельность его¹²⁹). Данныя, на которыхъ изслѣдователь относитъ Дзѣржву къ XI в., считая его предшественникомъ Кадлубка, оказываются несостоятельными; предположеніе, что источникомъ занимающихъ насъ здѣсь разказовъ Кадлубка были не дошедшія до насъ сочиненія древнихъ и народныя преданія, опровергнуто самымъ положительнымъ образомъ Гутшмидтомъ и Цейсбергомъ, открывшими, что разказы эти заимствованы большею частію у извѣстныхъ Латинскихъ писателей. Самыя занимательныя для насъ мѣста въ этихъ разказахъ заимствованы цѣликомъ, иногда и дословно, у Юстина и Юлія Валерія¹³⁰), измѣнены только имена личныя и имена нѣкоторыхъ народовъ подмѣнены Поляками и Ляхитами. Прибавимъ къ этому еще и то, что Македонское племя Линкестовъ, мнимые предки Ленхитовъ или Ляхитовъ, которые собственно послужили исходной точкой для Бѣлѣвскаго въ его изслѣдованіяхъ, прибавимъ, что эти Линкесты никогда не покидали своихъ жилищъ въ верхней Македоніи, въ окрестностяхъ Охридскаго озера, чтобы переселяться въ Дакию, а оттуда на берега Вислы. Правда, переселились Ауторіяты на сѣверъ, но они, во первыхъ, не имѣютъ ничего общаго съ Линкестами. Жилища ихъ на Балканскомъ полуостровѣ отдѣлялись отъ жилищъ послѣднихъ горами: Скардомъ (Шаръ планиной), Керкиной (Карадагомъ), Скоміономъ (Курбетской планиной) и областями, которыя занимали Пеоны и собственные Илиры. Далѣе, имѣющіяся свидѣтельства о переселеніи Ауторіятовъ говорятъ, что они выселились въ Гетскую пустыню, простиравшуюся по берегу Чернаго моря, между устьями Дуная и Днѣстра, и по этому нѣтъ никакого основанія отождествлять ихъ съ Антарами, жившими во времена Юлія Цесаря по Тисѣ, на западной границѣ Дакии. Вспомнимъ и сказанное нами выше, что достоверная исторія не только не подтверждаетъ выселенія Мизовъ, Бесовъ, Кровизовъ и пр., отъ которыхъ Бѣлѣвскій производитъ Кривичей, Мазовшанъ, Карпатскихъ Біесовъ и пр., но прямо

¹²⁹) Бартошевичъ, „O pomyslach p. Aug. Bielowskiego.“ Варшава, 1852; Брандовскій, „O pomyslach lechickich p. Aug. Bielowskiego, и пр. Краковъ 1868; Гутшмидтъ, „Ueber die Fragmente des Pompejus Trogus und die Glaubwürdigkeit ihrer Gewartsmänner,“ въ „Jahrb. für Clas. Phil. von A. Fleckeisen, 2 Supplem. Bd. Leipzig., 1856—7; Цейсбергъ, „Vincentius Kadlubek und seins Chronik Polens. Wien, 1869“.

¹³⁰) „Julii Valerii res gestae Alexandri Macedonis, translatae ex Aesopo Graeco.“ См. у Цейсберга. S. 136.

свидѣтельствуеть противъ этого выселенія; прибавимъ къ этому и ни на чемъ не основанное убѣжденіе Бѣлѣвскаго, что нѣкоторыя собственныя имена, упоминаемыя въ извѣстныхъ разсказахъ Дзѣржавы и Кадлубка, суть частію исковерканныя, переименованныя Дзѣржавою Трако-Илирійскія имена, частію двойныя названія нѣкоторыхъ Тракійскихъ и Илирійскихъ героевъ (Такъ, на пр., *Vandalus Vandalioetae*, по его мнѣнію, надобно читать *Adrius Arpiotae*, *Graccus* (Кракъ) есть упоминаемый Цицерономъ Илирійскій разбойникъ *Bardulus*; *Leszko II* есть не кто другой, какъ знаменитый основатель Дакійской Монархіи, Биривистъ; Семовитъ, *Semovit* тождественъ съ Децебаломъ). Прибавимъ и эти, ни на чемъ не основанныя, поправки и отождествленія, и мы поймемъ всю несостоятельность попытки приурочить Трако-Илировъ къ предкамъ Славянъ на основаніи сказаній Польскихъ лѣтописцевъ, до того темныхъ и неопредѣленныхъ, что на основаніи ихъ можно приходиться къ самымъ противоположнымъ другъ другу выводамъ, какъ было уже сказано выше.

Гораздо опредѣленнѣе сказанія первой Русской лѣтописи, въ которыхъ Бѣлѣвскій совсѣмъ некстати видитъ не болѣе, какъ слабый отголосокъ Польскихъ сказаній. Исчисляя страны, доставшіяся въ удѣлъ колѣну Яфета, Русскій лѣтописецъ упоминаетъ Славянъ, Славянскую землю, между Илирикомъ и Лухитією, подъ которою слѣдуетъ разумѣть страну извѣстныхъ уже намъ Линкестовъ. Вотъ его слова: „Афетови же яся (досталась) полунощная страна и западная: Мидия, Ольванія, Армения.... Ипириноя (Эпиръ), Илурикъ Словене, Лухитія, Аньдриакія“ и пр.¹³¹⁾. Слово „Словене“ вставлено лѣтописцемъ, какъ приложеніе къ слову Илурикъ. Далѣе: „Отъ сихъ же 70 и дву языку бысть языкъ Словенскъ отъ племени же Афетова нарѣцаемѣи Норци, иже суть Словенѣ“¹³²⁾. По весьма основательному соображенію Добровскаго и Шафарика, вмѣсто Норци тутъ слѣдуетъ читать Илурци¹³³⁾. Непосрѣдственно за только что приведеннымъ мѣстомъ лѣтопись продолжаетъ: „По мнзѣхъ же временѣхъ сѣлѣ суть Словени по Дунаеви, где есть нынѣ Угорьская земля и Болгарьская. Отъ тѣхъ Словенѣ разидошася по земли и прозвашася имени своими, где сѣдше

¹³¹⁾ Лѣтопись по Ипатскому списку, изд. Археогр. Коммисіи, стр. 2.

¹³³⁾ „Ueber die Abk. d. Slawen,“ S. 154.

на которомъ мѣстѣ“. Но особенно любопытны для насъ слѣдующія слова, которыми лѣтописецъ заканчиваетъ свой рассказъ о первоучителяхъ Славянскихъ, свѣдѣнія свои о которыхъ онъ заимствовалъ изъ, такъ называемыхъ, Паннонскихъ Житій¹³⁴⁾, писанныхъ, по весьма обстоятельнымъ изисканіямъ О. М. Бодянскаго, Болгариномъ Климентомъ¹³⁵⁾. Назвавъ Меодія „на-стольникомъ“ (намѣстникомъ) Андрониковымъ“, онъ при-совокупляетъ: „тѣмъ же Словѣнску языку есть учитель Ан-дроникъ апостоль: Моравы бо (разночтеніе по другому списку: „и в. Моравы“) доходилъ и апостоль Павелъ и училъ ту; ту бо е Илирикъ, его же доходилъ апостоль Павелъ, ту бо бѣша Словѣни пѣрвѣе. Тѣмъ же Словѣнску языку учитель есть Павелъ, отъ него же языка и мы есме Русь: тѣмже и намъ Руси учитель есть Павелъ апостоль, понеже училъ есть языкъ Словѣнскъ, и поставилъ есть епископа и намѣстника по себѣ Андроника Словѣнску языку“¹³⁶⁾. Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ видно, что лѣтописецъ причисляетъ къ прародинѣ Славянъ и большую часть Балканскаго полуострова: Илирикъ и Болгар-скую землю вообще.

Приверженцы разбираемой теоріи не затрудняются видѣть въ этихъ сказаніяхъ Русской лѣтописи отголоски народнаго преданія, свидѣтельство самихъ Славянъ о первоначальномъ мѣстѣ своего жительства. Но классическія названія: Илирикъ, Илирійцы, встрѣчающіяся въ этихъ сказаніяхъ, обращеніе Сла-вянъ въ Христіанскую вѣру Апостоломъ Павломъ, все это отли-чаетъ въ нихъ другого рода источники, источники книжные. Эти черты роднятъ сказанія Русской лѣтописи съ другими, подобнаго же рода сказаніями, ходившими на Югѣ задолго до составленія первой Русской лѣтописи. Въ одной Болгарской повѣсти о Троянской войнѣ, писанной для Болгарскаго Царя Симеона (ум. въ 927 г.), читаемъ объ Ахилесѣ: „Сій Ахилеусъ, имый воя своя, иже нарицаху ся тогда Муръмидонесъ, нынѣ Болгаре“¹³⁷⁾. Въ этомъ отождествленіи Тессалійскихъ Мирми-донянь съ Болгарами сказывается взглядъ, что Славяне были старожилами не только Илирика, но и Тессалии, взглядъ еще

¹³⁴⁾ „О времени происхожденія Славянскихъ писемъ.“ Москва, 1855 стр. 40—45.

¹³⁵⁾ Сухомлинова, „О древней Русской лѣтописи, какъ памятникъ литера-турномъ.“ 73.

¹³⁶⁾ Лѣт. по Ипат. списку, стр. 16.

¹³⁷⁾ Калайдовичъ, „Іоаннъ Екзархъ Болгарскій“, стр. 178—188.

за двѣсти лѣтъ до Нестора существовавшей между Болгарами. Папа Іоаннъ X (914—929), въ посланіи своемъ къ Томиславу Хорватскому и Михаилу Захлумскому высказываетъ убѣжденіе, что Славяне, населяющіе Хорватію и Далматію, обращены въ Христіанскую вѣру Апостолами, и по этому они считаются между первыми насажденіями Церкви¹³⁸). Въ связи съ этими сказаніями стоитъ и ходящее издавна между Хорватами сказаніе, приписывающее изобрѣтеніе Славянской Глаголической азбуки Далматинцу Св. Іерониму (329—420), который по этому сказанію былъ родомъ Славянинъ¹³⁹). Сказаніе это впервые записано въ посланіи Папы Иннокентія IV къ Епископу Сеньскому отъ 1248 г.¹⁴⁰), но записано въ такомъ видѣ, который позволяетъ думать, что оно было въ ходу задолго до этого времени. Такого же рода и слѣдующія сказанія, находящіяся въ Сербскомъ Паралипоменѣ Зонары, писанномъ въ 1208 г. „Траианъ воинствова на Даки, сирѣчь, на Срьбле, и побѣди Среблѣ...“ „Максиміанъ остави Ликинія въ Болгарѣхъ съпротивитисе езыкомъ, озлобляющимъ Андрианополь, и яже окрестъ его“¹⁴¹). Такимъ образомъ задолго, за двѣсти лѣтъ еще до составленія первой Русской лѣтописи, между южными Славянами ходили сказанія о томъ, что предки ихъ были старожилами на Балканскомъ полуостровѣ. То обстоятельство, что подробнѣйшее сказаніе Нестора объ этомъ помѣщено имъ непосредственно послѣ его повѣствованія о первоучителяхъ Славянскихъ, свѣдѣнія свои о которыхъ, какъ было сказано, онъ почерпнулъ изъ сочиненія Болгарина, Св. Климента, обстоятельство это, говоримъ, нѣсколько освѣщаетъ намъ и историко-литературную связь между его сказаніемъ и тѣми, которыя задолго до него ходили между Болгарами и Сербо-

¹³⁸) „Quis enim ambigit Sclavinorum regna in primitiis apostolorum et universalis ecclesiae esse commemorata, cum a cunabulis escam (cibum) praedicationis Apostolicae ecclesiae perceperunt cum lacte carnis (fidei), sicut Saxones novo tempore a nostro antecessore piae memoriae Gregorio papa.“ Farlati, Illyr. Sacr., t. III, p. 95.

¹³⁹) Рачки, „Pismo Slovjensko.“ Загребъ, 1861, стр. 45—40.

¹⁴⁰) „Episcopo Sceniensi . . . Porrecta nobis tua petitio continebat, quod in Sclavonia est littera specialis. quam illius terre clerici se habere a beato Ieronimo asserentes, eam observant in divinis officiis celebrandis.“ Тейнеръ, „Vetera monum. Slavor. meridion., p. 78. Эрбена „Regesta“, p. 558.

¹⁴¹) По изданію О. М. Бодянскаго, въ „Чтеніяхъ въ Импер. Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ,“ кн. 1, стр. 68, 84.

Хорватами¹⁴²). Но мы не будемъ останавливаться на историко-литературной связи всѣхъ этихъ сказаній; ибо пошли ли они изъ одного источника, или возникли каждое отдѣльно, независимо отъ другихъ, это не такъ важно по отношенію къ занимающему насъ вопросу. Существенной важности для насъ то, что всѣ эти сказанія отличаются книжнымъ пошибомъ, носятъ на себѣ всѣ признаки домысла Средневѣковой учености. Не слишкомъ взыскательная, относительно своихъ основаній, она въ данномъ случаѣ очень легко могла разсматривать Славянъ на полуостровѣ, переселенія которыхъ не помнила и не знала, какъ старожиловъ этой страны. Здѣсь кстати припомнить замѣчаніе О. М. Бодянскаго на выше приведенныя мѣста изъ Сербскаго Паралипомена Зонары: „Эти Славянскія названія землямъ и народамъ не Славянскаго происхожденія, или имена народовъ иноплеменныхъ, новѣйшихъ, въ такое время, когда ихъ не было еще, переводчикъ, или даже переписчикъ, употребляютъ по тому же самому образцу, по какому Греческіе, Римскіе и Средневѣковые писатели употребляли древнія о новыхъ. Примѣръ взять и примѣненъ къ дѣлу на оборотъ“¹⁴³). При этомъ мы не отрицаемъ, что въ сказаніи древней лѣтописи находится и народная стихія. Имя Дуная, завѣтной рѣки Русской пѣсни, равно какъ и имя Волоховъ, издревле народное у Славянъ, эти народныя имена, встрѣчающіяся въ лѣтописномъ сказаніи, очень явственно обличаютъ въ немъ черты народнаго преданія¹⁴⁴). О значеніи этой народной стихіи въ сказаніи будетъ рѣчь еще впереди: здѣсь достаточно замѣтить, что нѣтъ никаго основанія распространять это значеніе и на земли, лежащія на правомъ берегу нижняго Дуная.

Считаемъ нужнымъ посвятить нѣсколько особыхъ словъ разбору мнѣнія Шафарика о Праславянахъ на Балканскомъ полуостровѣ. Въ своемъ сочиненіи о происхожденіи Славянъ, перечисливъ всѣ почти народописныя названія, за которыми

¹⁴²) Мы слышали, что покойный Князь М. А. Оболенскій напечаталъ уже свое изслѣдованіе о первомъ Русскомъ лѣтописцѣ, каковымъ опъ считаетъ Болгарина Григорія, но намъ не удалось и до сихъ поръ видѣть это любопытное изслѣдованіе (его нѣтъ еще въ продажѣ), чтобы познакомиться съ нимъ поближе. Вотъ по чему мы не можемъ воспользоваться этимъ мнѣніемъ. Если оно окажется справедливымъ, то связь между занимающимъ насъ здѣсь Русскимъ сказаніемъ и Южнославянскими сказаніями объяснилась бы сама собою.

¹⁴³) „Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.“, 1847, I, стр. VI.

¹⁴⁴) Срезневскаго, „Чтенія о древнихъ Русскихъ лѣтонисяхъ“, въ Прилож. къ II т. „Записокъ Академіи Наукъ“, № 4, стр. 21.

разобранная нами теорія признаетъ Славянское происхожденіе, и въ числѣ которыхъ находятся и такія, которыя встрѣчаются еще у Гомера, Шафарикъ заключаетъ, что Славяне искони (von jeher) обитали на полуостровѣ¹⁴⁵⁾. Тутъ онъ является сторонникомъ разобранной теоріи, такъ что сказанное нами противъ нея вообще, въ частности имѣетъ силу и противъ заключенія Шафарика. Въ „Древностяхъ“ же своихъ онъ значительно сѣзрилъ это заключеніе, связавъ первое появленіе Славянъ въ этомъ краѣ съ вторженіемъ Кельтовъ въ нынѣшнюю Угрію въ IV в. до Р. Хр. „Очень правдоподобно, замѣчаетъ онъ, что, по изгнаніи древнихъ Славянъ изъ нынѣшней Угрии Кельтами, нѣкоторыя вѣтви ихъ, удалившись въ глубину Θракіи и Иліріи, долго, въ тамошнихъ неприступныхъ горахъ, сохраняли свою народность“¹⁴⁶⁾. Но, видоизмѣнивъ такимъ образомъ свое прежнее мнѣніе объ этомъ предметѣ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ни сколько не измѣнилъ своего взгляда на нѣкоторыя данныя, изъ которыхъ было выведено это мнѣніе. Онъ даже приводитъ эти данныя въ подтвержденіе новаго своего заключенія. Въ слѣдствіе этого между новымъ его мнѣніемъ и доказательствами, которыми онъ пытается подтвердить это мнѣніе, является очевидный разладъ. Непосредственно за только что приведеннымъ мѣстомъ изъ его „Древностей“, въ которомъ говорится, что въ слѣдствіе Кельтскихъ движеній IV в. до Р. Хр. Праславяне впервые появились во Θракіи и Иліріи, мы читаемъ: „это подтверждають во первыхъ свидѣтельства древнихъ, увѣряющихъ, что въ тѣхъ краяхъ обитали люди, говорившіе разными языками¹⁴⁷⁾, потомъ названія нѣкоторыхъ народовъ, какъ-то: Кровизовъ, Кораловъ, Трибаловъ, Бесовъ и друг., которыя, кажется, находятся въ родствѣ съ именами извѣстныхъ Славянскихъ народовъ на Сѣверѣ: Кривичей, Гораловъ, Сербовъ, Бесовъ, и иныхъ“¹⁴⁸⁾. Шафарикъ тутъ совершенно

¹⁴⁵⁾ „Nehmen wir nun alles dieses zusammen, so werden wir wofern unser Ohr und Gemüth für Vernunftgründe nicht ganz verschlossen ist, in der Überzeugung bestärkt werden, dass die Äste grossen slowenischen Volksstämme in der grauesten Urzeit.... tief herab an das adriatische Meer reichten, und dass es die Kelto-Gallen eigentlich sind, welche diese südlichen von jeher mit thrakischen und epirotischen Völkeru vermischten slawenischen Stämme übertilgten, zum Theil flutheten, überwandten, unterdrückten und zum Theil vertilgten, zum Theil verdrängten.“ Ub. die. Abk. d. Slawen, 183.

¹⁴⁶⁾ „Слав. Древности“, I. кн. I, 422.

¹⁴⁷⁾ Здѣсь дѣлается ссылка на едипственное и далеко не древнее, какъ мы видѣли, свидѣтельство Житія Св. Θεодосія, жавшаго въ V в. по Р. Хр.

¹⁴⁸⁾ „Славян. Древности“, I кн. 1, 422.

упустилъ изъ виду, что Кровизы, Коралы, Трибалы и Бесы еще во времена Геродота, т. е. еще за сто лѣтъ и болѣе до вторженія Кельтовъ въ Угрію, обитали уже на Балканскомъ полуостровѣ¹⁴⁹⁾. Немного ниже, не въ исправленіе, однако, даннаго промаха, онъ говоритъ: „Сходство народныхъ именъ не всегда можетъ быть достаточнымъ доказательствомъ взаимнаго сродства между собою отдаленныхъ народовъ, по тому что оно можетъ быть случайно, или же только кажущееся“¹⁵⁰⁾. Въ другомъ мѣстѣ, касаясь опять Кровизовъ, онъ положительно утверждаетъ, что они Фракійскій народъ, что между ними и Славянскими Кривичами не было никакого племеннаго сродства¹⁵¹⁾. Все это достаточно свидѣтельствуеетъ, что у Шафарика не было твердо установленнаго взгляда относительно мнимыхъ Праславянъ во Фракіи и Илиріи. Мнѣнія его объ этомъ предметѣ опирались на шаткія основанія, въ слѣдствіе чего они такъ сбивчивы сами по себѣ и противорѣчивы другъ другу.

Выводимое изъ такихъ шаткихъ основаній мнѣніе о глубокой древности Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ противорѣчитъ всѣмъ даннымъ, которыя даетъ древнѣйшая этнографія и исторія этой страны. Мнѣніе это не находитъ себѣ никакого подтвержденія и въ позднѣйшей исторіи, которая хотя и безъ достаточной полноты, но все таки довольно ясно отмѣтила намъ на своихъ страницахъ время появленія Славянъ на полуостровѣ. Наконецъ это мнѣніе опровергается окончательно данными изъ языка, въ которомъ мы обладаемъ однимъ изъ достовѣрнѣйшихъ средствъ для проникновенія въ тотъ періодъ древности, откуда не дошло къ намъ уже никакихъ историческихъ извѣстій. Въ языкѣ Южныхъ Славянъ мы находимъ множество данныхъ, въ которыхъ ихъ народность очень крупными чертами выразилась, какъ совершенно противоположная народности древнѣйшаго населенія, отъ котораго досталась имъ занимаемая ими земля. О нѣкоторыхъ изъ этихъ данныхъ у насъ будетъ еще рѣчь впереди. Здѣсь же достаточно указать только на слѣдующія. Названія нѣкоторыхъ Фрако-Илирійскихъ колѣнъ и до сихъ поръ живутъ въ устахъ Болгаръ и Сербовъ, какъ однозначачія для обозначенія людей

¹⁴⁹⁾ Этотъ явный промахъ повторилъ и Рачки въ „Nacrt jugosl. pov.“ См. „Arkiv za pov. jugosl.“, IV, S. 238.

¹⁵⁰⁾ „Слав. Древн.“, тамъ же, стр. 428.

¹⁵¹⁾ Тамъ же, I, кн. 2, стр. 322.

загнанныхъ, людей низшей породы; таковы названія: Сапаевъ, Долоповъ, Бесовъ, Нороповъ. Имя Нороповъ въ Законникѣ Душана употребляется въ видѣ Неропхъ, Неропьси, и означаетъ мужика, подданнаго (*rusticus, subditus*)¹⁵²). Шопами у Болгаръ называются собственно жители верхней Струмы, окрестностей городовъ Радомира и Кюстендила, той самой страны, въ которой, по Фукидиду, жили настоящіе Сапаи или Синты¹⁵³). Далѣе, названіе Шопа употребляется какъ прозваніе, для обозначенія челоуѣка грубаго, дикаго, забитаго вообще. Точно въ такомъ же смыслѣ употребляется и названіе Долоповъ (Дулупъ)¹⁵⁴). Объ имени Бесовъ, сохранившемся въ словѣ „Беша-фара“, т. е. Бесье племя, которому Родопскіе Славяне противопоставляютъ свою народность, было уже сказано выше.

---

¹⁵²) „Славян.. Древн.“, I, кв. 2, стр. 320.

¹⁵³) *Výklad pomístn. jmen u Bulh.*“ 75.

¹⁵⁴) Объ этомъ сообщилъ мнѣ извѣстный Болгарскій писатель, Шишко-Михайловскій, который высказалъ при этомъ мнѣніе, что въ бранномъ Болгарскомъ словѣ „Дулупъ“ скрывается имя „Дулѣбовъ“, съ чѣмъ я не могу согласиться. Нѣтъ причины думать, что имя Дулѣбовъ могло получить у родственнѣхъ имъ Болгарскихъ Славянъ такое значеніе. Кромѣ того, слово „Дулѣбъ“ въ Новоболгарскомъ языкѣ звучало бы „Дулелъ“ или „Дулялъ“, но никакъ не „Дулупъ“; нѣтъ примѣра, чтобы въ этомъ языкѣ ѣ перешло въ у, тогда какъ съ гласной о это случается весьма часто.

Глава II.

Время появленія Славянъ.

Сказанное въ предыдущей главѣ не оставляетъ, какъ намъ кажется, никакого сомнѣнія въ томъ, что Славяне не исконные жители Балканскаго полуострова, а пришельцы, пришельцы очень поздніе, если мы не находимъ ихъ слѣдовъ въ этой странѣ до самаго покоренія ея Римомъ. Начало ихъ переселенія составляетъ вопросъ общей занимательности въ древностяхъ Славянскихъ, такъ какъ съ нимъ соединено первое столкновеніе Славянъ съ историческимъ міромъ, первое появленіе ихъ на исторической почвѣ. Не смотря, однако, на всю важность этого вопроса, въ наукѣ существуютъ весьма неопредѣленныя сами по себѣ и другъ другу противорѣчивыя рѣшенія его. Суровецкій высказалъ мнѣніе, что только п слѣ паденія Гунновъ Славяне приблизились къ Нижнему Дунаю, слѣдовательно, ихъ переходъ на правый берегъ этой рѣки могъ начаться не раньше послѣдней четверти V-го в.¹⁾ Это мнѣніе нашло себѣ ревностнаго поборника въ Шафарикѣ, который пытался подыскать нѣсколько новыхъ данныхъ для подтвержденія и полнѣйшаго развитія его. Византіецъ Прискъ, писавшій во 2-й половинѣ V в., рассказываетъ, что, по распаденіи царства Гунновъ, изъ-за Волги и съ Урала устремились на Западъ новые народы: Сарагуры, Уроги, Оногуры, Сабиры, и заняли страну, простирающуюся на сѣверъ отъ Азовскаго и Чернаго морей²⁾. По мнѣнію Шафарика этотъ приливъ новыхъ Азіатовъ заставилъ Славянъ покинуть свою древнюю родину и искать себѣ новыхъ жилищъ. Они двинулись сперва въ Дакію, откуда, около начала VI в., стали проникать и далѣе на югъ и западъ³⁾. Другіе твердятъ, что Гуннами Славяне увлечены

¹⁾ „Изслѣдованіе начала народовъ Славянскихъ“, въ „Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древн. Россійскихъ“ 1846, I, 3, стр. 10.

²⁾ Prisc. ed. Bonn p. 158.

³⁾ „Славян. древности“ II, кн. 1, стр. 8, 11, 21.

были къ Дунаю, откуда они мало помалу переселялись въ Мизію и Дарданію, а потомъ и въ Македонію⁴). Есть и такіе, которые, выдавая Гунновъ за нашихъ предковъ, ищутъ отвѣта на занимающій насъ вопросъ во вторженіяхъ Атилы въ Восточную Имперію (442—447) и въ переселеніяхъ нѣсколькихъ Гуннскихъ ватагъ въ ея предѣлы⁵). Всѣ означенныя мнѣнія основываются на однихъ соображеніяхъ, не имѣющихъ въ основѣ своей какихъ ни будь болѣе, или менѣе, опредѣленныхъ данныхъ. Единственное историческое указаніе, на которое ссылаются приверженцы перваго и втораго изъ этихъ мнѣній, есть слѣдующая приписка Болгарскаго переводчика Манассіиной лѣтописи: при антастасіи цари (491—518) начахъ болгаре поэмати землѣ сиа, т. е., Балканскій полуостровъ⁶). Но что въ этой припискѣ нѣтъ ни тѣни народнаго преданія, какъ полагаютъ⁷), мы можемъ доказать это самымъ положительнымъ образомъ. Въ Сербскомъ Паралипоменѣ Зонары, писанномъ болѣе, чѣмъ за столѣтіе до Болгарскаго перевода Манассіиной лѣтописи, мы читаемъ: „Въ царство его (Анастасія Дикора); изшедше Българе, плѣнише Фракію и Иллирико, еже не бысть првѣе никогда же“⁸). Связь между названной припиской и этимъ мѣстомъ очевидна, а послѣднее дословно мы находимъ въ подлинникѣ Зонары⁹). Всѣ эти соображенія, имѣющія цѣлію приурочить начало заселенія Балканскаго полуострова Славянами къ концу V, или началу VI вѣка, опровергаются цѣлымъ рядомъ довольно явственныхъ признаковъ присутствія

⁴) Рачки, „Nacrt jugosl. povjestn. do IX stol.“, въ „Arkiv za pov. jugosl.“ IV, 241.

⁵) Мнѣніе это съ особенною ревностію отстаивалъ Венеливъ въ своихъ „Историко-критическихъ изысканіяхъ“, Москва, 1829 г. Положенія его развивалъ и пытался подтвердить новыми соображеніями Савельевъ-Ростиславичъ, въ „Славянскомъ Сборникѣ“, Сиб. 1849. Въ послѣднее время это заброшенное мнѣніе снова появилось въ повѣйшемъ сочиненіи Болгарскаго ученаго Г. Крестовича: „Исторія Българска подъ име Унповъ“, Цариградъ, 1871 г. Въ нашемъ разборѣ этой книги мы указали отчасти на заблужденія Гуннской теоріи. См. „Періодич. списаніе на Б. книжново Дружество“, кн. V.

⁶) По Ватиканскому списку, л. 102, по Синодал. 78.

⁷) Шафарикъ, „Výklad pomístnych jmen Bulhar, въ „Serb. sp.“ III, 76; Рачки, „Nacrt jugoslav. pov“, 241; Чертковъ, „О переводѣ Манас. лѣтописи“, Москва, 1842, стр. 39—45.

⁸) Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1847, I, 92.

⁹) Κατὰ τούτους τὸς χρόνους ἱστορεῖται καὶ τὸ τῶν Βουλγάρων ἔθνος τὸ Ἰλλυρικὸν καὶ τὴν Θράκην καταδραμεῖν, μήπω πρὶν γινωσκόμενον. Zonar. ed. Paris. II p. 55. Зонара, по всему вѣроятію, заимствовалъ это извѣстіе у Θεοφана, у котораго читаемъ подъ 599 г.: Τούτῳ τῷ ἔτει καὶ οἱ καλούμενοι Βούλγαροι τῷ Ἰλλυρικῷ καὶ Θράκῃ ἐπιτρέχουσι πρὶν γινωσθῆναι αὐτούς. Theoph. ed. Bonn., p. 222.

Славянъ въ этой странѣ за долго до этого времени. Шафарикъ, которому были небезъизвѣстны эти признаки, которому даже Славянская наука обязана открытіемъ этихъ древнѣйшихъ слѣдовъ Славянства, не обратилъ должнаго вниманія на ближайшее опредѣленіе ихъ относительной древности. Въ одномъ и томъ же сочиненіи (въ Слав. Древ.) онъ высказываетъ два, совершенно противоположные и исключаютъ другъ друга, взгляда на этотъ предметъ: въ одномъ мѣстѣ онъ относитъ эти слѣды къ концу V вѣка нашего лѣтосчисленія, ища въ нихъ подтвержденія своему мнѣнію, что около этого времени начались Славянскія поселенія на полуостровѣ ¹⁰⁾; въ другомъ же мѣстѣ онъ признаетъ за ними глубочайшую древность, видитъ въ нихъ слѣды мнимыхъ Праславянъ, которые будто за долго еще до начала нашего лѣтосчисленія обитали на полуостровѣ и въ неприступныхъ горахъ его сохраняли свою народность до самаго наплыва туда новыхъ Славянскихъ переселенцевъ въ концѣ V вѣка. Мы уже имѣли случай указать на несостоятельность мнѣнія о Праславянахъ вообще, при чемъ, кажется, довольно обстоятельно разоблачили и несъобразность мнѣнія Шафарика объ этомъ предметѣ. Здѣсь же достаточно сказать, что эти признаки, въ доказательной силѣ которыхъ Шафарикъ не сомнѣвался, будучи, какъ вскорѣ увидимъ, гораздо древнѣе конца V в., явно говорятъ противъ несостоятельности и другого, разбираемаго здѣсь, его мнѣнія. Покойный Гильфердингъ, въ своихъ „Письмахъ объ исторіи Сербовъ и Болгаръ,“ высказалъ мнѣніе, что Гуннское нашествіе дало только толчекъ Славянамъ. Онъ предполагаетъ, что „уже Вестъ-Готы, уходя передъ Гуннами съ береговъ Днѣпра за Дунай, около 375 г., увлекли съ собою туда и нѣкоторыхъ Славянъ. Потомъ Атила, посылая безпрестанно свои войска въ Мизію и другія области Византійской Имперіи, открывалъ туда дорогу Славянамъ“ ¹²⁾. Но и этотъ изслѣдователь не привелъ, да, на сколько намъ извѣстно, и не могъ бы привести хоть сколько ни будь правдоподобныхъ доказательствъ въ пользу такого предположенія. Свидѣтельство Багрянороднаго, что Славяне въ 449 г. заняли страну между Дунаемъ и Адриатическимъ моремъ, это свидѣтельство, на ко-

¹⁰⁾ „Слав. Древн.“ II, кн. I, 259.

¹¹⁾ Тамъ же I, кн. I, 422.

¹²⁾ „Собраніе сочиненій“ I, 6.

торое онъ тутъ ссылается¹³⁾, не имѣеть въ себѣ, какъ это весьма основательно доказалъ Рачки, ни тѣни исторической правды¹⁴⁾; еще менѣе оправдывается такое предположеніе ссылкой на сказанія Діоклейскаго Пресвитера, сочинителя Хорватской лѣтописи, и Архидіакона Ѳомы, которые говорятъ, что Готы привели Славянъ съ Сѣвера въ Далматію и Илирикъ, и часто даже отождествляютъ Готовъ съ Славянами¹⁵⁾. Сказанія эти, не говоря уже о томъ, что они далеко не народныя¹⁶⁾, указываютъ на Ость-Готовъ, на ихъ передвиженія по распаденіи уже Гуннской Державы. Таковы данныя, на которыхъ основываясь Гильфердингъ утверждаетъ: „Не сомнѣненъ тотъ фактъ, что вторженія Готовъ въ страны Балканскаго полуострова потянули туда и Славянъ“. Какъ ни безосновно, скажемъ болѣе, какъ ни ошибочно и мнѣніе, высказанное Гильфердингомъ, оно, какъ увидимъ, болѣе другихъ приблизилось къ истинѣ, отодвинувъ начало занимающаго насъ Славянскаго движенія на цѣлое столѣтіе раньше того времени, къ которому приурочивали его Шафарикъ и другіе.

Этотъ краткій обзоръ, если не ошибаемся, достаточно разоблачаетъ несостоятельность перечисленныхъ мнѣній. При всей видимой взаимной противоположности ихъ, нельзя не замѣтить между ними и одной общей черты: расходясь въ пониманіи ближайшихъ причинъ, вызвавшихъ Славянское движеніе на югъ, представители всѣхъ этихъ мнѣній не сомнѣваются въ томъ, что названныя причины скрываются въ предѣлахъ времени, такъ называемаго, великаго переселенія народовъ. И мы едва ли не будемъ въ правѣ, сказавъ, что они приступаютъ къ изслѣдованію вопроса съ предвзятою мыслию, что онъ находится въ тѣсной связи съ событіями этого времени. Только такъ, по крайней мѣрѣ, можно себѣ объяснить ихъ осторожность, доходящую до боязни, не отрѣшиться отъ этой поры,

¹³⁾ Тамъ же.

¹⁴⁾ Рачки, „Ocjena starijih izvora za hrvatsku i srbsku pov.“ въ „Književn.“ god. 1, sv. 1, стр. 65; „Nacrt jugoslav. pov. 253.

¹⁵⁾ Гильфердингъ, „Сбр. соч.“ I, 6.

¹⁶⁾ По весьма основательнымъ изслѣдованіямъ Рачкаго, какъ Діоклеецъ, такъ и Хорватская Хроника, почерпали эти сказанія изъ одного и того же письменнаго источника, который Діоклеецъ называетъ „libellum Gothorum“, Ѳома же повторяетъ, въ сокращеномъ видѣ, ихъ пересказы, такъ что нѣтъ никакого основанія видѣть въ этихъ сказаніяхъ народныя преданія Далматинскихъ Славянъ, какъ полагалъ Гильфердингъ. См. Рачкаго „Ocjena starjih izvora“, 217, 224, 373.

не переходить за предѣлы, назначенные для нея, не заглядывать въ событія предшествовавшаго ей времени, хотя бы даже нѣкоторые признаки ясно возводили къ этимъ раннимъ событіямъ. Въ этомъ, по нашему крайнему разумѣнію, предвзятомъ стремленіи приурочить, во чтобы то ни стало, занимающее насъ событіе ко времени великаго переселенія народовъ и заключается, какъ увидимъ сейчасъ же, главная ошибка всѣхъ перечисленныхъ мнѣній.

Признаки присутствія Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ начинаются съ половины IV в., слѣдовательно, они предваряютъ не только упомянутыя движенія Гунновъ, за которыми Суровецкій, Шафарикъ, Рачки и другіе ведутъ на полуостровъ первыхъ Славянскихъ переселенцевъ, но и вторженіе Вестъ-Готовъ, которые, по мнѣнію Гильфердинга, потянули туда и Славянъ¹⁷).

Въ Іерусалимскомъ Дорожникѣ (*Itinerarium*), составленномъ, по всему вѣроятію, около половины IV в., встрѣчаются города или мѣстечки: *Beodizum*, *Beodizo*, во Фракіи, и *Berozica* или *Berozicha*, въ Родопѣ. Если припомнимъ фонетическое свойство нарѣчія Родопскихъ Болгаръ и Западныхъ Словинцевъ, свойство растягивать гласную о въ оа и ео¹⁸), то мы едва ли будемъ далеки отъ истины, предположивъ въ названіи *Beodizum* Славянское слово водица (у Западн. Словинцевъ воада, у Родопск. Болг. веодица). Славянскій характеръ втораго изъ этихъ названій, *Berozica* или *Berozicha*, не требуетъ доказательствъ. Въ другомъ Римскомъ Дорожникѣ, приписываемомъ Антонину Пію, но дошедшемъ до насъ въ редакціи отъ половины IV в.¹⁹), упоминаются слѣдующія мѣстныя названія, очевидно Славянскаго происхожденія: *Bricize* и *Brendice* (*Priendice*), такъ называетъ Дорожникъ Антонина Берициу Іерусалимскаго Дорожника; *Milolitus* не далеко отъ перваго, нынѣ Милолито; *Cosintus* на р. *Cossinites* (Елиджекарасу); *Ostudizus*, по мнѣнію нѣкоторыхъ, нынѣ Кулели; *Zernaе*, на Певтинг. Таб. *Zirinae*, у Стеф. Визант. *Ζειρινα* нынѣ Черна на рѣкѣ Марицѣ; *Burtudizus*, у Прок. *Βουρτοῦδυζις*, у Географа

¹⁷) Forbiger, „Handbuch der alten Geographie.“ Leipzig, 1842, S. 468; „Itiner. Antonini et Hierosolymitani, ed. Parthey et Pinder.“ Berolini, 1858, въ предисловіи; Parthey et Pinder, S. 270, 288.

¹⁸) Чолакова, „Български народенъ сборникъ“. Болградъ, 1872, стр. 114, 155, 156; Миклошича, „Lautlehre,“ S. 228.

¹⁹) См. у Форбигера I, 446, и предисловіе къ изданію Партея и Пиндера.

Равенскаго Burtizon, на Reut. Tab. Durtizus, по всему вѣроятію, нынѣ Баба Ески. Не смотря, однако, на столь явственный Славянскій характеръ всѣхъ этихъ названій, мы бы все таки и не остановились на нихъ, если бы они стояли одиноко, особнякомъ, если би Славянское ихъ происхожденіе не поддерживалось другими данными. Но за этими названіями идетъ цѣлый рядъ несомнѣнно Славянскихъ названій: мы разумѣемъ названія многихъ городовъ и укрѣпленій, которыя, въ началѣ царствованія Юстиніана, въ 527 году, лежали въ развалинахъ и были починены этимъ Императоромъ. Таковы въ Дарданіи Лабуца (Λάβουτζα), Миларѣка (Μιλάρεκα) Берзана (Βερζάνα), Клесвестита или Клещевица (Κλεσβέσιτα), Гриво (Γρίβο); въ Мизіи: Баданье (Βαδζιάνια) и пр. и пр.²⁰⁾ При Юстиніанѣ на Балканскомъ полуостровѣ было еще много городовъ и укрѣпленій, носившихъ подобныя, несомнѣнно Славянскія названія²¹⁾; но мы должны ограничиться здѣсь только указаніемъ на выше поименованныя, такъ какъ о нихъ только Прокопій свидѣтельствуетъ, что царствованіе Юстиніана застало ихъ очень ветхими, развалившимися. Не подлежитъ сомнѣнію, что и названія ихъ были также стары, какъ и они, а это даетъ намъ полное право возводить ихъ начало къ тому времени, отъ котораго донеслись къ намъ родственныя съ ними названія: Веодица, Берозица, Черна, Остудица и пр.

Личныя имена Славянскаго происхожденія появляются въ Византійской Имперіи и, при томъ въ высшихъ слояхъ ея населенія, еще съ начала V-го вѣка. Въ 469 г. начальники Имперскихъ войскъ, стоявшихъ во Фракіи, назывались Анагастомъ (Ἀναγάστος) и Острымъ (Ὀστρουῖ)²²⁾. Въ этомъ году они имѣли на Дунаѣ стычку съ сыномъ Атилы Дингизикомъ. Анагастъ, безъ сомнѣнія Славянское имя: по своему образованію и окончанію оно совершенно сходно съ именами извѣстныхъ Славянскихъ вождей: Андрагаста, Ардегаста, Пирегаста, Калегаста и пр. Діоклейскій Пресвитеръ свидѣтельствуетъ, что одна изъ жупъ Далматинскихъ Славянъ называлась zurania Onagoste²³⁾ (нынѣ Никшичъ въ Герцеговинѣ, на Черногорской границѣ).

²⁰⁾ Прокопій, „De aedificiis.“

²¹⁾ Подробное перечисленіе всѣхъ этихъ названій, вмѣстѣ съ соображеніями, относительно ихъ производства и значенія, см. въ „Ueber die Abkunft der Slaven“ Шафарика, стр. 160—180.

²²⁾ Prisc., „Excerpt. de legat.“ с. 21.

²³⁾ У Лучича, „De regno Dalmatiae,“ 1666, р. 293.

Славянинъ Анагастъ или Онегостъ не былъ варваромъ, перешедшимъ изъ какой ни будь варварской страны на службу Имперіи: онъ былъ гражданиномъ ея, принадлежалъ ей по своему происхожденію, и оберегалъ ее, какъ свою родину. Исторія сохранила намъ и имя его отца, который также былъ полководцемъ Византіи и начальствовалъ надъ войсками ея, сражавшимися съ Аттилой при Маркианополѣ въ 447 г. Его называютъ то Арнегискломъ, то Аргилискомъ, Аргискломъ, Арагискломъ, именемъ, слѣдовательно, не Греческимъ и не Латинскимъ²⁴). Затрудняясь въ передачѣ этого варварскаго имени, писатели не дѣлаютъ ни какого намека на то, чтобы полководецъ, посившій его, былъ варваромъ. Напротивъ, они какъ бы съ гордостью указываютъ на него и на его сына, Анагаста²⁵). И мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что и онъ, подобно своему сыну, былъ гражданиномъ Имперіи по рожденію, которое надобно относить къ IV в. За этими двумя именами идетъ цѣлый рядъ другихъ именъ, въ Славянствѣ которыхъ едва ли можетъ быть какое сомнѣніе. Мы разумѣемъ прежде всего имена, которыя носили члены двухъ семействъ, жившихъ въ Дарданіи, въ с. Ведрянѣ (Βεδραριάνα) и давшихъ имперіи двухъ Императоровъ: Юстина и Юстиніана. Родная сестра Юстина называлась Бегленицей (Βιγλενίτζα), жена же его Лупкиней (Λουπκίνη). Юстиніанъ въ своемъ семейномъ кругу назывался Управдой (Οὐπράουδα), отца же его звали Истокомъ²⁶). Укажемъ еще и на нѣкоторыхъ изъ знаменитыхъ полководцевъ Юстиніана: Хильбудъ (Χιλβούδιος), назначенный, въ 531 г., начальникомъ Фракійскихъ войскъ, охранявшихъ Дунай отъ варваровъ, былъ, по всей вѣроятности, Славянинъ. По свидѣтельству Прокопія, это имя было въ употребленіи между Славянами Восточной или Антской вѣтви²⁷). Природными Славянами были и вожди: Доброгостъ, Всегордъ и Сварунъ, отличившіеся въ войнѣ Юстиніана съ Персами и Мизиміанами въ 555 г. Послѣдняго изъ нихъ, Сваруна, лѣтописецъ Агаѳій прямо называетъ Славянскимъ мужемъ. О Доброгостѣ же онъ

²⁴) Ком. Марцеллинъ называетъ его Arnegisclus, Теофаль 'Αργήλισκον, 'Αργίσκλον и 'Αραγίσκλον.

²⁵) Иоаннъ Биклярскій упоминаетъ подъ 572 г. о какомъ-то Анагастѣ Патриціѣ (Anagastus Patricius). Boncall. Vetust. Chr. II, 387.

²⁶) См. у Шафарикъ „Слав. Древн.“ II, кн. I, 258.

²⁷) „De bello Goth.“ III, 14.

свидѣтельствуесть, что происходилъ изъ племени Антовъ²⁸). Наконецъ и великій полководецъ Юстиніана, славный Велизарій, былъ, безъ всякаго сомнѣнія, Славянскаго происхожденія. Велизарій родился около 490 г. недалеко отъ того мѣста, гдѣ была воздвигнута Юстиніаномъ крѣпость Скоплица (Σκαπλίτζω), происходилъ, слѣдовательно, изъ той же Дарданіи откуда вышли семейства Юстина и Юстиніана. Всѣ эти Славяне дѣйствовали въ первой половинѣ VI в., но по рожденію своему они принадлежатъ V-му в. Старшій изъ нихъ, Юстинъ, дядя Юстиніана по Бегленицѣ, родился еще въ 450 г.; но что Славянской родъ, произведшій его, жилъ за долго до этого времени въ Дарданскомъ селѣ, Ведрянѣ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Будь этотъ родъ пришлымъ туда недавно изъ какой ни есть варварской страны, этимъ обстоятельствомъ не преминулъ бы воспользоваться составитель „Анекдотовъ,“ тщателью выставлющій намъ до мелочей все, что только могло бы содѣйствовать униженію рода Юстиніана и его дяди, Юстина. Такъ, на примѣръ, онъ не преминулъ указать, что жена Юстина, Лупкиня, была раба варварка²⁹). Объ Юстинѣ же онъ не нашелъ ничего сказать другого, какъ только то, что онъ, въ царствованіе Императора Льва I-го, пришелъ молодымъ земледѣльцемъ пѣшкомъ изъ Ведряны въ Константинополь, и при томъ пришелъ туда съ одной сумой только, въ которой, кромѣ черстваго хлѣба, взятаго изъ дому на дорогу, ничего больше не было, и что происходилъ отъ бѣдныхъ Илирійскихъ поселянъ (Ἰλλυριοὶ γένος)³⁰). Въ послѣднемъ выраженіи мы имѣемъ и положительное указаніе, что составитель „Анекдотовъ“ смотрѣлъ на предковъ Юстина и Бегленицы, какъ на старожиловъ Дарданіи. А какъ важно тутъ его указаніе, это доказывать было бы излишне. Достаточно припомнить, что этотъ писатель, былъ ли онъ дѣйствительно Прокопій, какъ обыкновенно думаютъ, или кто другой, писалъ свой пасквиль въ царствованіе Юстиніана, зналъ близко его домашнюю и частную

²⁸) Σουαρούνας τις ὄνομα Σκλάβος ἀνὴρ.—Δαβραγέζας, Ἄντης ἀνὴρ, ταξίαρχος. Agath. ed. Bonn., p. 136.

²⁹) Γυναικὶ δὲ ὄνομα Λουπικίνῃ ξυμφέει. Αὕτη δὲ δούλη τε καὶ βάρβαρος οὖσα τοῦ πρόθεν αὐτῆν ἐωνημένου πολλακὴ γέγονε. Anecdota c. VI.

³⁰) Δέοντος ἐν Βυζαντίῳ τὴν αὐτοκράτορα ἀρχὴν ἔχοντος νεανίαι τρεῖς, Ἰλλυριοὶ γένος, Σίμαρχος τε καὶ Διτύβιστος, καὶ Ἰουστίνος ὁ ἐκ Βεδεριανῆς.... πεζῇ βαδίζοντες εἰς Βυζάντιον ἦσαν, σισύρας ἐπὶ τῶν ὤμων αὐτοὶ φέροντες, ἐν αἷς δὲ ἄλλο οὐδὲν ὅτι μὴ διπύρους ἄρτους οἰκοθεν ἐμβεβλημένοι, ἀφίκοντο. Anecdota c. VI. Σισύρας тутъ означаетъ мѣшокъ, сума, а не тулупъ, какъ перевелъ Гильфердингъ.

жизнь, знавалъ хорошо и Юстина. Вотъ на какомъ основаніи мы осмѣливаемся утверждать, что Славянскіе роды въ Дарданіи, произведшіе на свѣтъ, въ 484 г., Юстиніана, и еще въ 450 Юстина, обитали, по крайней мѣрѣ, съ половины IV в. въ Дарданіи³¹⁾, если современникъ Юстина и Юстиніана смотрѣлъ на нихъ, какъ на Илирійскіе крестьянскіе роды, какъ на старожиловъ Дарданіи.

Такъ далеко восходятъ явственные признаки присутствія Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ, признаки, сохранившіеся въ мѣстныхъ названіяхъ и именахъ личныхъ: они выводятъ насъ за нижній предѣлъ времени великаго переселенія народовъ. Идя по слѣдамъ этихъ признаковъ, мы естественно, должны отрѣшиться отъ этой поры, должны вознестись ко временамъ предшествовавшимъ ей и въ нихъ производить поиски.

Мы это сдѣлаемъ тѣмъ охотнѣе, что тамъ намъ представляется нетронутая почва, по многимъ признакамъ подающая благія надежды на вознагражденіе нашихъ трудовъ. Отношенія варварскаго міра на нижнемъ Дунаѣ къ Римской Имперіи въ пору, предшествовавшую великому переселенію народовъ, а именно во II-мъ, III-мъ и въ первой половинѣ IV-го в., племенной составъ этого міра, взаимныя отношенія народописныхъ стихій, составлявшихъ его, вотъ на чемъ мы должны сосредоточить свои изслѣдованія.

Въ 105 г. Римлянамъ наконецъ удалось завоевать столь опасное для ихъ владѣній на Балканскомъ полуостровѣ Дакійское Государство и пріобрѣсти новую область, простиравшуюся съ запада на востокъ отъ Тисы почти до Днѣстра, и съ юга на сѣверъ, отъ нижняго Дуная до сѣвернаго хребта Карпатскихъ горъ. Съ пріобрѣтеніемъ этой области Балканскій полуостровъ былъ прикрытъ отъ вторженій враговъ. Это обстоятельство доставило ему внѣшній миръ, который ни разу не былъ нарушаемъ при первыхъ двухъ преемникахъ Траяна. Время Адріяна и Антонина Пія считается лучшимъ временемъ владычества Римлянъ въ этой странѣ: появилось въ ней много новыхъ городовъ, проложены новыя дороги, закипѣла дѣятельная жизнь. Но счастливая эта пора, обусловивавшаяся главнымъ образомъ внѣшнимъ миромъ, кончилась со смертію Антонина

³¹⁾ Утвержденіе Шафарика, что родъ Юстиніана только въ концѣ V в. поселился въ Дарданіи, противорѣчить истинѣ.

Ця, послѣдовавшею въ 161 г. Съ самаго начала царствованія Марка Аврелія (161—180) начинаются грозныя нападенія варваровъ на Имперію, и при томъ одновременно на всѣхъ почти границахъ ея: на Рейнѣ, Дунаѣ и Евфратѣ. Всего опаснѣе были варвары, дѣйствовавшіе на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ. Не довольствуясь уже громленіемъ Даки, они проникаютъ и на Балканскій полуостровъ, простираютъ свои набѣги даже до Греціи³²). Движенія этихъ варваровъ занимали цѣлую жизнь благороднѣйшаго и умнѣйшаго изъ Римскихъ Императоровъ. Война, которую онъ велъ съ ними, эта знаменитая война, съ которой обыкновенно начинаютъ исторію паденія Римской Имперіи, называется обыкновенно, по имени одного Нѣмецкаго племени, Маркоманской войной, но, кромѣ Маркомановъ и родственныхъ съ ними Квадовъ, Вандаловъ и т. п., въ этой войнѣ принимали участіе еще Буры и Астинги, Нѣмецкое происхожденіе которыхъ весьма сомнительно. Были тутъ еще и такія племена, о которыхъ положительно извѣстно, что они не принадлежали къ Нѣмецкому племени; таковы, на примѣръ: Языги, Даки, Костобоки, Аланы, Роксоланы и пр. Эти послѣнія племена своимъ удалствомъ, упорствомъ, жестокостію превосходили самихъ Маркомановъ. Такъ Костобоки прошли поперекъ весь Балканскій полуостровъ и проникли въ Греческую область Фокиду, гдѣ, по свидѣтельству Павзанія, осаждали гор. Элатею³³). О роли, какую играли Языги въ этой войнѣ, можно судить уже по тому, что они продолжали воевать и тогда, когда Маркоманы, Квады и прочія Нѣмецкія племена, помирились съ Императоромъ и положили оружіе. Они одни долго еще противостояли всѣмъ силамъ Имперіи, и хотя и принуждены были наконецъ тоже заключить миръ, но заключили его на болѣе выгодныхъ для себя условіяхъ, чѣмъ Квады и Маркоманы³⁴). Императоръ согласился удовлетворить всѣ ихъ требованія, чтобы только умиротворить ихъ. По словамъ Діона Кассія, онъ очень жалѣлъ, что не удастся ему совсѣмъ истребить этотъ народъ, который внушалъ ему важныя опа-

³²) Pausan. IX, 34.

³³) Τὸ δὲ Κостоβόκων τῶν λησιτικῶν τὸ κατ' ἐμὲ τὴν Ἑλλάδα ἐπιδραμὸν ἀφίκετο καὶ ἐπὶ τὴν Ἑλλάτιαν. Pausan. IX 34. Принимая въ соображеніе, что Павзаній писалъ около конца II-го в., мы смѣло можемъ связать это вторженіе Костобоконъ въ Елладу съ движеніемъ Придунайскихъ варваровъ во время Марка Аврелія.

³⁴) Dio Cass. I, 71, с. 16, 18.

сенія и по заключеніи съ нимъ мира³⁵). Читая у Діона Кассія, современника этой войны и единственнаго источника для исторіи ея, какую значительную роль играли въ ней не Нѣмецкіе народы, нельзя не удивляться односторонности тѣхъ Нѣмецкихъ историковъ, которые, называя эту войну Нѣмецкою войною (*der Deutsche Krieg*)³⁶), присвоиваютъ всю, такъ сказать, славу ея однимъ Нѣмецкимъ племенамъ. Костобочками, Языгами и вообще не Нѣмецкими племенами они пренебрегаютъ совсѣмъ, или раздаютъ имъ какія-то безсмысленныя роли, дѣлая изъ нихъ, если позволено такъ выразиться, прихвостней, такъ называемаго, Маркоманскаго союза.

Не смотря на необыкновенную дѣятельность, которую Маркъ Аврелій выказалъ на Дунаѣ, на храбрость и самоотверженность его воиновъ, своими подвигами напомнившихъ лучшія времена военной славы древняго Рима, напоръ варваровъ не былъ отбитъ: имъ уступили значительную часть владѣній Имперіи на лѣвомъ берегу Дуная³⁷); многимъ отведены были земли для поселенія и на правомъ берегу этой рѣки: въ Панноніи, Мизіи и даже въ сѣверной Италіи³⁸). Со смертію Марка Аврелія открывается новый періодъ въ Римской исторіи, періодъ своеволія войска, обнимающій весь почти III-тій вѣкъ, ознаменованный непрерывными вторженіями варваровъ въ области Балканскаго полуострова. Изъ Нѣмецкихъ племенъ тутъ первостепенная роль принадлежитъ Готамъ, впервые появившимся на Дунаѣ въ правленіе Каракаллы, ок. 215 г. Ихъ вторженія, продолжавшіяся до страшнаго избіенія ихъ Клавдіемъ при Нишѣ, въ 269 г.³⁹) и послѣдовавшаго, въ слѣдъ за этимъ, примиренія ихъ съ Авреліаномъ, въ 271 г., слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы останавливаться на нихъ. Мы должны остановиться на другихъ народахъ, отъ которыхъ Балканскій полуостровъ въ это печальное для Имперіи время терпѣлъ не менѣе, чѣмъ отъ Готовъ. Въ царствованіе Максима и Бальбина, 237—238, впервые упоминается о вторженіи народа Карповъ въ Мизію⁴⁰); о расправѣ съ ними Римлянъ

³⁵) Dio Cass. I, 71, с. 16.

³⁶) Веберъ, „Allgemeine Weltgeschichte“, IV, 292.

³⁷) D. Cas. I. 71, с. 11, 15.

³⁸) Ibid. с. 11.

³⁹) По словамъ современниковъ, около 50,000 Готовъ погибло въ этомъ бою. См. у Гиббона II, 9—10.

⁴⁰) „Sub his (Maximo et Balbino) pugnatum a Carpis contra Moesos.“ Capitol. in Maximo et Balb. с. 16.

при этомъ намъ ничего не извѣстно. Только немного времени спустя мы узнаемъ, что они, завидуя Готамъ, получавшимъ тогда отъ Рима ежегодную дань, обратились къ Правителю Мизіи, Туллію Менофилу (238—240) съ требованіемъ и себѣ такой же дани, подкрѣпляя свое требованіе простымъ указаніемъ на свое удалство, которымъ, по ихъ собственнымъ словамъ, они превосходили Готовъ⁴¹). Когда же это требованіе ихъ было оставлено безъ удовлетворенія, они не замедлили возобновить свои вторженія въ Мизію, которую долгое время продолжали опустошать, какъ видно изъ разсказа Зосимы о походѣ противъ нихъ Императора Филиппа въ 244 г.⁴²).

Въ царствованіе Галла (251—253) мы знакомимся съ двумя новыми Придунайскими народами. а именно: Боранами и Уругундами (*Βορανοὶ Οὐρουγοῦνδοι*), которые своею отвагою затмили Готовъ⁴³). Пользуясь крайнимъ замѣшательствомъ и беззащитностію Имперіи, они, вмѣстѣ съ извѣстными уже Карпами и Готами, безнаказанно грабили ея области на полуостровѣ, проникая и на южный склонъ Балканскаго хребта. Изъ повѣствованія Зосимы мы узнаемъ, что ими въ это время былъ взятъ и городъ Филиппополь, изъ жителей котораго многіе Евпатриды были захвачены въ плѣнъ и уведены въ неволю. Галлъ обѣщаль этимъ варварамъ ежегодную дань, согласился уступить имъ и всѣхъ захваченныхъ ими въ плѣнъ Евпатридовъ⁴⁴), но этой уступчивостію онъ только обнаружилъ передъ ними безсиліе Имперіи и побудилъ ихъ къ новымъ нападеніямъ на ея города. При Валеріанѣ и, соправителѣ его, Галліенѣ (253—260) эти же самые Бораны, Готы, Карпы и Уругунды не оставили, по выраженію Зосимы⁴⁵), ни одного мѣста въ Илиріи и Италіи (разумѣй верхнюю Италію, съ прилежащими къ ней областями) цѣлымъ отъ опустошеній. Втор-

⁴¹) Καὶ δότω ἡμῖν τοσαῦτα ἡμεῖς γὰρ κρείττορες ἐκείων (Готовъ) ἐσμέν. Petri Patricii Historia, in excerpt. de legatt., ed. Venet., p. 18.

⁴²) Αὐτὸς ἐπὶ Κάρπους ἐστράτευε ἤδη τὰ περὶ τὸν Ἰστρον ληϊσαμένους. Zosim. I, 20.

⁴³) Зосимъ и Григорій Неокесарійскій, которымъ мы обязаны своими свѣдѣніями о вторженіяхъ Борановъ въ области Имперіи, смотрятъ на нихъ, какъ на лютейшихъ изъ враговъ Римлянъ. См. Цейса, „Die Deutschen und die Nachbarst.“ S. 694, 695.

⁴⁴) Καὶ τοὺς αἰχμαλώτους, οἱ μάλιστα τῶν εὐπατριδῶν ἦσαν ἐνέδιδου κατ' ἐξουσίαν ἀπαγαγεῖν, ὧν οἱ πλείους ἐκ τῆς ἐν Θράκῃ Φιλιππουπόλεως ἀλοῦσης ἔτυχον εἰλημένοι. Zosim. I, с. 21.

⁴⁵) Βορανοὶ δὲ καὶ Γόθοι καὶ Κάρποι καὶ Οὐρουγοῦνδοι, γένη δὲ ταῦτα περὶ τὸν Ἰστρον αἰκλιόντα, μέρος οὐδὲν τῆς Ἰταλίας ἢ τῆς Ἰλλυρίας καταλιπόντες ἀδύνατον διετέλουν. Zosim. I, 31.

женія ихъ въ это время простерлись до береговъ Архипелага, какъ видно изъ разсказа Зосимы объ осадѣ Солуня въ 253 г.⁴⁶⁾ Въ 271 г. Императоръ Авреліанъ заключилъ съ Готами миръ, по условіямъ котораго Дакия Траяна уступлена этимъ варварамъ. Многіе изъ Нѣмецкихъ историковъ слишкомъ поспѣшно заключаютъ изъ этого, что всѣ земли, входившія въ составъ Траяновой Дакии, перешли тогда во власть Готовъ⁴⁷⁾, а нѣкоторые ни сколько не затрудняются утверждать, что Готы тогда основали тутъ обширное Царство, которое простиралось отъ Тисы въ Угріи до Дона и Чернаго моря. Но такое пониманіе дѣла, отъ котораго еще Нибуръ предостерегалъ своихъ близорукихъ соотечественниковъ⁴⁸⁾, опровергается само собою при малѣйшемъ вниманіи къ положенію дѣлъ въ Дакии въ предшествовавшее этой уступкѣ время. Мы видѣли, что уже во время, такъ называемой, Маркоманской войны значительная часть этой области отошла къ варварамъ, и преимущественно къ варварамъ не Нѣмецкаго происхожденія, т. е. къ Сарматамъ. А послѣдовавшія за этой войной вторженія Готовъ, Карповъ, Борановъ, Уругундовъ и пр. въ области, лежавшія на правомъ берегу нижняго Дуная, куда эти варвары проникли все черезъ Дакию, ясно свидѣтельствуютъ о совершенномъ паденіи въ ней господства Римлянъ. Секстъ Руфъ и прямо указываетъ на то, что задолго до Авреліана вся эта область не принадлежала болѣе Риму⁴⁹⁾. Какимъ же образомъ Валеріанъ могъ дарить Готамъ столь обширную страну, которая на дѣлѣ ему не принадлежала? Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ уступилъ Готамъ только притязанія, только мнимое право Рима на эту страну, а смогли ли они, вооружившись этимъ правомъ, осуществить его, т. е. могли ли подчинить себѣ варваровъ, успѣвшихъ устроиться въ ней, это другой вопросъ, которому имѣющіяся отъ того времени историческія свидѣтельства, какъ увидимъ, показываютъ, что и по умиротвореніи Готовъ, Карпы, Бораны, Уругунды и другія племена, извѣстныя писателямъ подъ именемъ Сарматовъ, долго еще продолжаютъ свои вторженія на Балканскій полуостровъ, куда, какъ было

⁴⁶⁾ Zosim. I, 29.

⁴⁷⁾ Веберъ, „Allgem. Weltg.“ IV, 428, 483.

⁴⁸⁾ Vortäge über die römische Geschichte“, III, 284.

⁴⁹⁾ „Dacia Galieno imperatore amissa est et per Aurelianus translatis exinde Romanis duae Daciae in regionibus Moesiae et Dardaniae factae sunt.“ См. Рёслера „Roman. Stud.“ 67.

замѣчено уже, они проникали все изъ Дакіи. А это было бы немислимо, если допустить, что подружившіеся съ Римлянами Готы дѣйствительно воцарились во всей этой странѣ и покорили себѣ всѣ племена, обитавшія между Тисой и Дономъ. Въ 273 г., слѣдовательно, два года спустя по заключеніи мира съ Готами, Карпы уже разоряли Римскія владѣнія, и Императоръ Валеріанъ долженъ былъ идти отражать ихъ⁵⁰). Пробъ, царствовавшій отъ 276 по 282 г., употребилъ не мало усилій для обузданія грабежей Сарматскихъ племенъ, которыя все еще оставались при своемъ страшномъ могуществѣ⁵¹). Преемникъ его, Каръ, долженъ былъ выступить противъ нихъ самъ съ большимъ войскомъ. Не далеко отъ нижняго Дуная онъ встрѣтился съ огромными ихъ полчищами и успѣлъ нанести имъ страшное пораженіе: 16,000 варваровъ остались на полѣ битвы, число взятыхъ въ плѣнъ доходило до 200,000⁵²). Всѣ они были размѣщены главнымъ образомъ по областямъ Балканскаго полуострова, надѣлены землею и всѣмъ необходимымъ для обработыванія ея⁵³). Не смотря на понесенное пораженіе, варвары эти вскорѣ возобновили свои набѣги, какъ видно изъ того, что въ первую половину своего царствованія, отъ 284 по 292 г. Императоръ Діоклитіанъ долженъ былъ постоянно воевать съ ними. Только новое устройство, данное Имперіи этимъ Императоромъ въ 292 г., положило предѣлъ вторженіямъ непримиримыхъ враговъ. По этому устройству Балканскій полуостровъ получилъ особенное, какъ гражданское, такъ и военное, управленіе, средоточіе котораго находилось въ городѣ Сирміумѣ на Дунаѣ. Этимъ дана была возможность слѣдить за всѣми движеніями варваровъ и во время предупредить всякія попытки ихъ къ новымъ вторженіямъ. Соправитель Діоклитіана, Галерій, которому ввѣрено было управленіе этой части Имперіи, могъ предпринять теперь и наступательную войну противъ Задунайскихъ варваровъ. Намъ извѣстно, что онъ предпринималъ нѣсколько удачныхъ походовъ противъ нихъ, забиралъ ихъ въ плѣнъ цѣлыми толпами и переводилъ на поселеніе въ

⁵⁰) „Pacato Oriente in Europam Aurelianus rediit victor, atque illic Carporum copias afflixit.“ *Vopisc. in Aureliano* c. 30.

⁵¹) Гиббонъ II, 64.

⁵²) Тамъ же, р. 79.

⁵³) Такое обращеніе съ военноплѣнными варварами вошло въ обыкновеніе со времени Императора Проба (276—282), который первый прибѣгнулъ къ этой мѣрѣ для заселенія опустошенныхъ областей. Гиббонъ ч. II, р. 70.

опустошенныя области Имперіи⁵⁴). По словамъ Аврелія Виктора, все племя Карповъ было переведено тогда на Римскую почву, преимущественно въ нижнюю Мизію⁵⁵). Не довольствуясь этими мѣрами для возстановленія безопасности со стороны Придунайскихъ варваровъ, правительство Діоклитіяна искусственными мѣрами натравляло ихъ другъ на друга, доставляя такимъ образомъ своимъ подданнымъ отрадное зрѣлище того, какъ эти страшные враги погибали въ своей собственной крови⁵⁶). Отъ панегирика Мамертина, прославившаго эту политику Діоклитіяна, мы узнаемъ, между прочимъ, что, благодаря дѣйствию ея, и Готы вступили около 290 г. въ страшную войну съ Бургундіями, которые нашли поддержку въ Аланахъ⁵⁷). Здѣсь мы должны замѣтить, что эти Бургундіи не суть извѣстные Нѣмецкіе Бургунды, какъ обыкновенно думали и думаютъ многіе изслѣдователи. Тотъ же Мамертинъ знаетъ и Бургундовъ, которыхъ онъ называетъ Бургундионами (Burgundiones). Они, по свидѣтельству его занимали тогда Алеманскія поля, прилежавшія къ Рейну, тогда какъ Бургундіи, о которыхъ идетъ рѣчь, обитали гдѣ-то на сѣверъ отъ нижняго Дуная, гдѣ помѣщались тогда и Готы, вступившіе, по наущенію Діоклитіяна, съ ними въ ожесточенную войну. Что въ этихъ Бургундіяхъ Мамертина мы имѣемъ Уругундовъ Зосимы, не имѣющихъ ничего общаго съ Нѣмецкими Бургундами, мы вскорѣ будемъ имѣть случай убѣдиться и изъ другихъ свидѣтельствъ. Такимъ образомъ, благодаря преобразованіямъ Діоклитіяна и строгой бдительности его соправителя, Галерія, которому ввѣрено было охраненіе сѣверной границы полуострова, страна эта отдохнула отъ вторженій въ нее варваровъ, вторженій, почти непрерывно продолжавшихся въ теченіе всего III-го вѣка. Послѣдовавшія за отреченіемъ Діоклитіяна (въ 305 г.) усобицы между правителями Имперіи побудили варваровъ къ новымъ вторженіямъ въ Мизію и Θракію. Есть извѣстіе, что ихъ хищническіе набѣги въ это время достигали даже Адрия-

⁵⁴) „Carpis et Bastarnis subactis, Sarmatis victis, quarum nationum ingentes captivorum copias in Romanis finibus locaverunt.“ Eutrop. IX, 15.

⁵⁵) „Carpiorum et Bastarnarum gentes in Romanum solum translatae sunt.“ Chron. Euseb. in „Roncalli Vetust. lat. scr.“ I, p. 456. Aurel. Vict. de Caesar. c. 9. Амміанъ Марц. упоминаетъ о городѣ Carpi въ Мизіи; Прокопій знаетъ городъ Καρποδακμων во Θρακίи.

⁵⁶) „Ruunt omnes in sanguinem suam populi, quibus non contigit esse Romanis, obstinataeque feritatis poenas nunc sponte persolvunt.“ См. у Гиббона v. II, 109.

⁵⁷) Цейсъ, „Die Deutschen,“ 695.

нополя⁵⁸), но, къ счастію для Имперіи, усобицы ея правителей кончились торжествомъ Константина Великаго, который отбросилъ варваровъ за Дунай, внушивъ имъ уваженіе къ Римскому оружію. Не задолго до своей смерти, послѣдовавшей въ 337 г., Константинъ былъ вовлеченъ въ войну съ этими варварами⁵⁹), во время которой онъ пустилъ въ Имперію 300,000 Сарматовъ, Языговъ (въ 334 г.), которымъ отведены были земли для поселенія во Фракіи, Малой Скиѣи (Добручѣ), Македоніи и Италіи⁶⁰).

Мы довели нашъ историческій очеркъ отношеній варварскаго Придунайскаго міра къ Имперіи до половины почти IV в. Только два, или три, десятилѣтія отдѣляютъ насъ здѣсь отъ прихода В-стѣ-Готовъ на Балканскій полуостровъ въ царствованіе Валента, т. е., отъ того событія, которое обыкновенно ставятъ во главу великаго переселенія народовъ. Сообразуясь съ задачей настоящей главы нашего изслѣдованія, мы должны прервать здѣсь свой историческій рассказъ, чтобы войти въ изслѣдованія о народности Языговъ, Костобоковъ, Карповъ, Борановъ и Уругундовъ, т. е., о народности тѣхъ, не Нѣмецкихъ племенъ, которыя не менѣе Маркомановъ, Готовъ и другихъ Нѣмцевъ громили и разоряли Придунайскія области Имперіи въ теченіи болѣе одного столѣтія, селились въ нихъ добровольно и насильно были переселяемы. Начнемъ съ Уругундовъ.

Уругунды, какъ и, дѣйствовавшіе за одно съ ними, Карпы и Бораны, по словамъ Зосимы, обитали гдѣ-то за Дунаемъ (на лѣвомъ берегу нижняго Дуная)⁶¹); ихъ знаетъ тамъ, какъ мы замѣтили уже, и современникъ ихъ вторженіямъ въ Имперію, Мамертинъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что это тотъ самый народъ, который Птолемей называетъ Оругундіонами

⁵⁸) Въ Древне-Сербскомъ переводѣ Паралипомена Зопары читаемъ. „Максиміанъ же приобщи и Ликиніа на царство, и остави его въ Българѣхъ (во Фракіи) съпротивитисе езыкомъ, озлобляющимъ Андрианополь и яже окрестъ его.“ *Итени* въ *Общ. Ист. и Др.* 1847, I, 84.

⁵⁹) Гиббонъ III, 103—107.

⁶⁰) „*Servi Sarmatorum adversus omnes dominos rebellarunt: quos pulsos Constantinus libenter accipit et amplius trecenta millia hominum mixtae aetatis et sexus per Thraciam, Scythiam, Macedoniam Italiamque divisit.*“ *Anonymus Valesii* у Цейса, 692. Срав. Евсевія, „*De vita Const.*“ IV, 6.

⁶¹) Γέννη δὲ ταῦτα περὶ τὸν Ἰστρὸν οἰκούντα. *Zosim.* I, с. 31.

и помѣщаетъ на сѣверовосточномъ склонѣ Карпатскихъ горъ⁶²). Весьма близокъ къ истинѣ домысль Цейса, что и Урги Страбона, равно какъ Уроги Приска, послывшіе, около 465 г., посольство въ Константинополь, суть тотъ же самый народъ⁶³). По мнѣнію Цейса, въ названіи, которое даетъ этому народу Старбонъ и къ которому болѣе приближается названіе его у Приска, мы имѣемъ, можетъ быть, и болѣе правильную форму, которую Нѣмцы преобразили, придавши ей Нѣмецкое окончаніе, въ Вургундъ, Уругундъ⁶⁴). Изъ позднѣйшихъ писателей Уругундовъ знаютъ: Агаѳій (во 2-й половинѣ VI в.) и Павелъ Діаконъ (ум. въ 799 г.); первый называетъ ихъ Буругундами (*Bourouγονδοι*), причисляя къ племенамъ, обитавшимъ надъ сѣверо-западнымъ берегомъ Чернаго моря⁶⁵); второй говоритъ только о землѣ, ими занимаемой, называя ее Вургунтаибомъ (*Wurgunthaib*), который, какъ увидимъ, находился надъ сѣвернымъ склономъ Карпатскихъ горъ⁶⁶).

Такимъ образомъ, по единогласному свидѣтельству всѣхъ выше поименованныхъ писателей, начиная съ Страбона и до Павла Діакона, Уругунды обитали въ Прикарпатскихъ странахъ. Мы уже имѣли случай указать на ошибочность мнѣнія, отождествляющаго этотъ исконный Прикарпатскій народъ съ Нѣмецкими Бургундами. Кромѣ приведеннаго уже нами свидѣтельства Мамертина, это мнѣніе опровергается еще и свидѣтельствами Птолемея, Агаѳіа и Павла Діакона, которые, зная и Нѣмецкихъ Бургундовъ, не только не смѣшиваютъ ихъ съ занимающимъ насъ здѣсь народомъ, но еще и говорятъ о нихъ какъ о совершенно особенномъ народѣ: Птолемей называетъ ихъ Бургунтами (*Βουγουντοι*), Агаѳій Бургузіонами. При столь убѣдительныхъ данныхъ нельзя не согласиться съ заключеніемъ Цейса, что занимающій насъ народъ Уругундовъ

⁶²) Φρουγουνδιωνες, εἶτα Ἀδαρηνοὶ παρὰ τὴν κεφαλὴν τοῦ Οὐιστοῦλα ποταμοῦ. Ptol. III, с. 5. Еще Цейсъ замѣтилъ, что тутъ буква φ „ist entweder falsch...“ oder verschrieben für ο.“

⁶³) „Die Deutsch.“ 695.

⁶⁴) Еще Тунманнъ отождествлялъ Уроговъ Приска съ Буругундами Агаѳіа и видѣлъ въ этихъ двухъ названіяхъ одно и то же слово, являющееся у Агаѳіа усложненнымъ приставкою у н д. Въ подтвержденіе этого мнѣнія онъ указываетъ на Оногуровъ Приска, которыхъ позднѣйшіе писатели: Никифоръ, Теофанъ и Багрянородный, называютъ Оногундурами. „Untersuchungen,“ 32.

⁶⁵) Οἷτοι δὲ ἅπαντες κοινῇ μὲν Σκύθαι καὶ Οἰνοὶ ἐπωνομάζοντο: ἰδίᾳ δὲ κατὰ γένη, τὸ μὲν τι αὐτῶν Κοτρίγυροι, τὸ δὲ Οὐτίγυροι, ἄλλοι δὲ Ολτίγυροι, καὶ ἄλλοι Βουρούγυνοι. Agathias I, V, с. 11.

⁶⁶) „De gest. Longob.“ I, I, с. 13.

не имѣлъ ничего общаго съ Нѣмецкими Бургундами, не принадлежалъ даже къ Нѣмецкой семьѣ⁶⁷⁾. Цейсъ отнесъ ихъ къ Сарматамъ, но едва ли нужно указывать, что названіе Сарматовъ, какъ и названіе Скивовъ, есть слишкомъ общій и неопредѣленный этнографическій терминъ, который древніе придавали самымъ разнороднымъ племенамъ, обитавшимъ, или появлявшимся, въ великой восточной равнинѣ Европы. Вотъ по чему причисленіе Уругундовъ къ Сарматамъ не даетъ намъ еще никакого понятія объ ихъ народности, и мы, для уясненія себѣ этого вопроса, должны отискивать другія данныя. Прежде всего мы должны остановиться на извѣстїи Павла Дїякона о положенїи земли этого народа, которую онъ называетъ Вургунтаибомъ. Изъ сказанїя его видно, что Вургунтаибъ непосредственно граничилъ съ странами, именуемыми Антаибомъ и Бантаибомъ (Anthaiб, Banthaiб)⁶⁸⁾ (лежавшими на югъ отъ Голанды, т. е. Голяди)⁶⁹⁾, и находился на югъ отъ нихъ, а именно по верхнему теченію Вислы, т. е., по сѣверному склону Карпатскихъ горъ⁷⁰⁾. Прежде нежели выведемъ свои заключенїя изъ этого указанїя Павла Дїякона, мы почитаемъ необходимымъ указать на одно весьма ошибочное мнѣніе о Вургунтаибѣ и его жителяхъ; мы разумѣемъ мнѣніе, впервые высказанное Тунманомъ и занесенное Шафарикомъ въ „Славянскія Древности“. По этому мнѣнію Вургунтаибъ получилъ свое названіе отъ Буругундовъ Агаѳїа, которые будто только въ V в. по Р. Хр. пришли въ эту страну изъ-за Волги и Приуральскаго края и принадлежали къ Угорскому племени, какъ выражается Тунманъ, или, по словамъ Шафарика, къ Чудскому. А подъ Буругундами Агаѳїа, какъ Тунманъ, такъ и Шафарикъ, ни сколько не затруднялись разумѣть Болгарь⁷¹⁾, народность и время прихода въ Европу которыхъ такимъ образомъ опредѣлялись сами собою. Но эти изслѣдователи упустили

⁶⁷⁾ „Die Deutschen“, 695.

⁶⁸⁾ „Egressi itaque Langobardi de Mauringa, applicuerunt in Gollanda, ubi aliquando tempore commorati dicuntur: post haec Anthaiб, Banthaiб pari modo et Wurgunthaiб per annos aliquot possedisse, quae nos arbitrari possumus esse vocabula pagorum seu quorumcunque locorum.“ I. L., с. 13.

⁶⁹⁾ Соловьева, „Исторїя Россїи“ I, стр. 81 и прим. 129.

⁷⁰⁾ Уваровъ, „De Bulgar. utror. origine“, р. 17.

⁷¹⁾ „Aber wer waren diese fast eben so unbekanntten Burugunder? Bulgaren waren sie, Geschlechtgenossen der Kutriguren, und also vom Ugrischen Stamme.“ Тунманъ, „Untersuchungen“, 33. Это объясненїе, замѣчаетъ Шафарикъ, заносъ его въ свои „Древности“, такъ умно и такъ согласно съ самымъ дѣломъ, что съ нимъ никакъ нельзя не согласиться. „Слав. Дрен.“ I, кн. 1. 219.

тутъ изъ виду, что Агаѳіевы Буругунды совсѣмъ не новые пришельцы въ Прикарпатскія страны, а тотъ же самый народъ, который Зосима называетъ Уругундами, Мамертинъ—Бургундіями, и который еще во время Птолемея обиталъ въ странѣ, называемой Павломъ Діакономъ *Wurgunthaib*. Этотъ явный недосмотръ ихъ тѣмъ непростительнѣе, что дѣло шло у нихъ не только о народности жителей Вургунтаиба, но еще и о рѣшеніи вопроса о происхожденіи Болгаръ и о времени прихода ихъ въ Европу, вопроса, надъ которымъ немало потрудились какъ Тунманъ, такъ и Шафарикъ. При столь очевидномъ тождествѣ Буругундовъ Агаѳія съ занимающими насъ здѣсь Уругундами, если согласиться съ Тунманомъ и Шафарикомъ, что первые суть Болгаре, то ученіе о приходѣ Болгаръ въ Прикарпатскія страны изъ-за Волги въ V в. лишается своей существенной основы; ибо достовѣрная исторія еще съ II-го в., со времени Птолемея, знаетъ Уругундовъ или Буругундовъ въ Прикарпатскихъ странахъ. Вмѣстѣ съ этимъ само собою рушится и ученіе объ Угорской или, какъ выражается Шафарикъ, Чудской народности Болгаръ?⁷²).

Отправляясь отъ несомнѣннаго, какъ намъ кажется, положенія, что Вургунтаибъ Павла Діакона есть не что иное, какъ земля занимающихъ насъ Уругундовъ, тожество которыхъ съ Буругундами Агаѳія не подлежитъ ни какому сомнѣнію, мы надѣемся уяснить себѣ съ большею вѣроятностію народность этого племени. Прежде всего мы должны указать на свидѣтельство Павла Діакона, что Вургунтаибъ непосредственно граничилъ съ Антаибомъ или Бантаибомъ, былъ какъ бы южнымъ продолженіемъ этой области, подъ которою, безъ всякаго сомнѣнія, слѣдуетъ разумѣть землю Антовъ, или Вендовъ, т. е., область, населенную Славянами. Уже одно это обстоятельство приближаетъ жителей Вургунтаиба, Уругундовъ, къ Славянскимъ племенамъ. Далѣе, свидѣтельство Павла удостовѣряетъ насъ, что еще въ V в. по Р. Хр. это племя обитало въ той же самой странѣ, гдѣ, какъ было уже сказано, его знаютъ Мамертинъ, Птолемей и даже Страбонъ; другими словами, мы

⁷²) Исходя изъ этого положенія о тождествѣ Болгаръ съ Буругундами Агаѳія, и Уваровъ, съ своемъ изслѣдованіи (*De bulgarorum utrorumque origine et sedibus antiquis*), весьма послѣдовательно пришелъ къ заключенію, что Болгаре издревле дѣлились на Восточныхъ и Западныхъ, изъ коихъ послѣдніе ископѣ вѣковъ обитали въ Прикарпатскихъ странахъ, никогда не бывали на Волгѣ, гдѣ помѣщались Восточные Болгаре, и были Славянскаго происхожденія.

удостоверяемся, что это не Нѣмецкое племя еще въ V вѣкѣ оставалось на сѣверномъ склонѣ Карпатскихъ горъ, гдѣ его зналъ еще Птолемей, писавшій во II-мъ в. по Р. Хр. А въ тѣ времена какія другія племена, кромѣ Славянскихъ, могли раздѣлять съ Нѣмцами обладаніе сѣверо-западнымъ склономъ Карпатскихъ горъ? Немаловажное значеніе для насъ имѣетъ и то обстоятельство, что Уругунды являются въ этихъ свидѣтельствахъ прочно осѣвшимися племенемъ, въ теченіе болѣе четырехъ столѣтій не мѣнявшимъ мѣста своего жительства. А изъ всѣхъ обитателей восточной Европы только Славяне тогда отличались такою прочною осѣдлостію, только они, по выраженію Тацита, строили себѣ, подобно Германцамъ, постоянныя жилища, тогда какъ сосѣды и сожители ихъ, собственные Сарматы и Финны, вели бродячую жизнь, перекочевывали съ мѣста на мѣсто⁷³). Прибавимъ къ этому и то, что Уругунды выступаютъ на историческое поприще вмѣстѣ съ Карпами и Боранами и долгое время дѣйствуютъ за одно съ этими несомнѣнно Славянскими племенами. Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ Славянское происхожденіе Уругундовъ дѣлается болѣе чѣмъ вѣроятнымъ.

Борановъ, союзниковъ Уругундовъ и отважнѣйшихъ изъ варваровъ, безпокоившихъ Имперію со стороны нижняго Дуная въ теченіе III-го вѣка, Шафарикъ также уступаетъ Нѣмцамъ. И ихъ, какъ и Уругундовъ, онъ относитъ къ тѣмъ мнимымъ „Нѣмецкимъ полчищамъ“, которыя, по его словамъ, около половины III-го вѣка въ неслыханномъ множествѣ устремились къ Черному морю и нижнему Дунаю⁷⁴). Въ этихъ выраженіяхъ великаго Славяниста ясно сказывается заблужденіе, распространенное ультра-Нѣмецкой исторической школой, которая во всѣхъ, опасныхъ для Римской Имперіи, сѣверныхъ варварахъ видѣла однихъ только Нѣмцевъ⁷⁵). Трезвый отъ этого

⁷³) „Hi (Venedi) tamen inter Germanos potius referuntur, quia et domos figunt et scuta gestant et pedum usu ac pernecitate gaudent, quae omnia diversa Sarmatis sunt, in plastro equoque viventibus. Fennis mira feritas, foeda paupertas: non arma, non equi, non Penates: victui herba, vestitui pelles, cubile humus“. Tacit. „De German. morib“ с. 46.

⁷⁴) „Въ это время, замѣчаетъ онъ, а частью и нѣсколько прежде, неслыханное множество Нѣмецкихъ народовъ, Буровъ или Борановъ, Буругундовъ...., прельщенныхъ разсказами о подвигахъ Готовъ и надеждой на богатую добычу... двинулись одни на Эвксинское Поморье, а другіе въ пылѣющую верхнюю Угрію, соединились съ Готами и, съ удвоенными силами, начали нападать со всѣхъ сторонъ на ослабѣвшую Римскую Имперію.“ Слав. Древн. I, кн. 2, стр. 247.

⁷⁵) „Die Deutschen,“ 624.

предубѣжденія, основательнѣйшій изслѣдователь Древне-Нѣмецкой этнографіи, Цейсъ вычеркнулъ и Борановъ изъ списка Нѣмецкихъ племенъ и, не безъ основанія видя въ нихъ родичей Уругундовъ, отнесъ ихъ къ Сарматамъ, къ которымъ, какъ было замѣчено уже, онъ относилъ и послѣднихъ, т. е., Уругундовъ⁷⁵). Мы говорили уже, что по свидѣтельству Зосимы Бораны жили на сѣверъ отъ нижняго Дуная, гдѣ этотъ писатель помѣщаетъ и ихъ союзниковъ, Уругундовъ. Птолемей, помѣщающій послѣднихъ по верхнему теченію Вислы, говоритъ, что подлѣ нихъ сидѣли Буланы (*Βούλανες*)⁷⁶). Изъ этого обстоятельства Цейсъ весьма основательно, какъ намъ кажется, заключаетъ, что подъ Буланами Птолемея слѣдуетъ разумѣть занимающихъ насъ Борановъ. А что Буланы были Славянами, и что въ названіи ихъ мы имѣемъ не что иное, какъ Готское произношеніе Славянскаго слова Поляне, это поставлено внѣ всякаго сомнѣнія изслѣдованіями Шафарика. Достаточно указать только на слѣдующій изъ его доводовъ: „Познанскіе Поляне, о которыхъ говорятъ Дитмаръ, Адамъ Бременскій и проч. (*Poleni, Polani, Pulani*), въ Древне-Нѣмецкихъ глоссахъ отъ IX по XII в. называются Боланами (*Volanen, Volanu, Volanin*)“⁷⁷). Въ одномъ только мы не можемъ согласиться здѣсь съ Шафарикомъ, въ томъ именно, будто Булановъ Птолемея должно отождествлять непременно съ этими Познанскими Полянами. По смыслу словъ Птолемея, Буланы жили южнѣ Познани, ближе къ Карпатскимъ горамъ. А отъ чего же, если были Поляне на Днѣпрѣ и въ Познани, если и теперь они существуютъ между Болгарами (Поляне, Поленци въ Дебрѣ, Полянинъ въ южной Македоніи)⁷⁸), между Словинцами и Хорватами (Полянцы на р. Мурѣ, Полянцы на Дравѣ)⁷⁹), отъ чего же, говоримъ, не допустить, что могли быть Поляне также и на равнинахъ, окаймляющихъ Карпатскій хребетъ⁸⁰)?

⁷⁶) *Εἴτα Βούλανες, ὑφ' οὗς Φρουρουδιώνες.* Ptol. III, с. 5.

⁷⁷) „Слав. Древн.“ I, кн. I, 341.

⁷⁸) Верковича „Описаніе быта Македонскихъ Болгаръ,“ въ „Извѣстіяхъ Москов. Университета“, 1868, № 3.

⁷⁹) „Juhoslov.“ 17, 27.

⁸⁰) Оно такъ и есть: Земля Львовская слыветъ издавна у Галичанъ „Опѣльемъ.“ О. Б. — Шафарикъ отождествляетъ съ Боранами Буровъ, которые, какъ мы видѣли уже, принимали участіе въ войнѣ Языговъ съ М. Авреліемъ. „Слав. Древн.“ I, кн. II, 208. Если это справедливо, то и въ Буряхъ мы въ правѣ видѣть Славянъ.

О Карпахъ не безъ основанія заключалъ Цейсъ, что это тотъ самый народъ, который Птолемей помѣщаетъ между сѣверозападнымъ берегомъ Чернаго моря и Карпатскими горами, называя его Арпіями (Ἀρπίοι) и Карпіянами (Καρπιανοί)⁸¹). По мнѣнію Катанчича, они обитали въ нынѣшней Молдавіи, по рѣкѣ Быстрицѣ, лѣвому притоку Серета, Шафарикъ же отводитъ имъ Восточную Галицію⁸²). Онъ не безъ основанія видѣлъ въ названіи ихъ испорченное Греко-Латинскимъ произношеніемъ имя Хрватовъ (Хорватовъ), обитателей Хрбовъ (Хребтовъ) или, по Греко-Латинскому произношенію, Карпатовъ⁸³). Излишне было бы приводить всѣ доводы Шафарика, или отыскивать новыя данныя, для подтвержденія Славянской народности Карповъ: въ ихъ Славянскомъ происхожденіи въ настоящее время не сомнѣваются болѣе почти всѣ Славянскіе ученые, а также и нѣкоторые изъ Нѣмецкихъ. Въ ученой Нѣмецкой литературѣ, однако, преобладаетъ мнѣніе, причисляющее это племя къ Θракійцамъ. Мнѣніе это, впервые высказанное, на сколько намъ извѣстно, Цейсомъ, опирается исключительно на то, что въ одномъ мѣстѣ у Зосимы имя Карповъ встрѣчается въ сложеніи съ именемъ Даковъ, Карподаки (Καρποδάκαι)⁸⁴). Цейсъ заключилъ изъ этого, что Карпы были одно изъ племенъ Даковъ, которыхъ онъ, въ свою очередь, отождествляетъ съ Θракійскими Гетами. Вотъ на какомъ основаніи и какимъ путемъ Карпы произведены въ Θракійцевъ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Зосима упоминаетъ о Карподакахъ по поводу вторженія ихъ въ Имперію вмѣстѣ съ Гуннами и Скирами въ царствованіе Θεодосія, т. е., спустя болѣе столѣтія послѣ раздробленія племени Карповъ, изъ коихъ, какъ было замѣчено, значительная часть была переселена въ Мизию и Паннонію. Всего вѣроятнѣе, что Зосима названіемъ Карподаковъ хотѣлъ отличить оставшихся въ Дакии Карповъ, которые только и могли вторгаться въ Имперію, отъ тѣхъ, которые уже обитали въ Мизии и Панноніи. Можетъ быть также, что этимъ сложнымъ названіемъ онъ хотѣлъ указать и на смѣшеніе этихъ, оставшихся въ Дакии, Карповъ

⁸¹) „Die Deutsch.“ 698.

⁸²) „Слав. Древн.“ I, кн. I, 354. Недавно I. Куно высказалъ мнѣніе, что Карпы жили въ западной части Дакии. „Die Skythen,“ 355.

⁸³) Куно по чему-то нѣ понравилось такое производство названія Карповъ: онъ производитъ его отъ „крѣпъ, крѣпкій.“ Тамъ же 355.

⁸⁴) „Die Deutsch.“ 699.

съ другими народностями, смѣшеніе, которое весьма естественно предполагать при незначительномъ остаткѣ Карповъ въ Дакіи и при тѣхъ народныхъ передвиженіяхъ, которыя произведены были въ этой странѣ вторженіемъ въ нее Гунновъ. Какъ бы то ни было, но изъ этого названія всего менѣе слѣдуетъ, что Карпы были Дакійское племя. Но если даже и согласиться съ этимъ, то все же Тракійское происхожденіе Карповъ остается еще далеко не доказаннымъ; ибо новѣйшая наука совсѣмъ отвергаетъ тождество Даковъ съ Гетами⁸⁵⁾, а этимъ самымъ и вѣра въ Тракійское происхожденіе ихъ сильно поколеблена. Такъ неосновательно и такъ невѣрно мнѣніе, оспаривающее Тракійское происхожденіе Карповъ противъ мнѣнія, что они были Славянами: не нужно доказывать, что при такомъ соперникѣ это послѣднее мнѣніе получаетъ несомнѣнную силу. Также неосновательно Цейсъ⁸⁶⁾, а за нимъ и многіе другіе⁸⁷⁾, относили къ Тракійцамъ и Костобокъ, которые, какъ было замѣчено уже, около конца II-го в. вторгались на Балканскій полуостровъ, гдѣ набѣги ихъ достигали даже Греціи. Птолемей называетъ ихъ Кистобокъ (*Κιστοβῶχοι*), отводя имъ жилища по сосѣдству съ Уругундами, и мы едва ли не будемъ болѣе въ правѣ, если причислимъ и ихъ къ Славянамъ⁸⁸⁾.

Обращаясь теперь къ опредѣленію народности Языговъ, мы должны прежде всего замѣтить, что древніе отличаютъ два народа этого наименованія, а именно: Восточныхъ и Западныхъ Языговъ. Первые обитали, по Птолемию, на сѣверъ отъ Азовскаго моря, по Страбону—на Бугѣ (*Ἰπτανίς*), Овидій же знаетъ ихъ на Черномъ морѣ, недалеко отъ устьевъ Дуная. Западные Языги помѣщались въ нынѣшней Угріи, между Дунаемъ, Тисой и Карпатскими горами⁸⁹⁾. Намъ должны занимать только эти послѣдніе; ибо о нихъ шла рѣчь въ нашемъ историческомъ обзорѣ отношеній Придунайскаго варварскаго міра къ Имперіи. Не возможно опредѣлить, имѣли ли эти два одноименные, но отдѣленные другъ отъ друга цѣлою Дакіею, народа какую ни будь связь между собою. Шафарикъ и другіе, считающіе Западныхъ Языговъ выходцами съ востока, съ Черно-

⁸⁵⁾ Мюленгофъ, „Die Geten“, въ „Allg. Encyklop. von Ersch und Gruber,“ t. 83.

⁸⁶⁾ „Die Deutsch.“ 696.

⁸⁷⁾ Рёслеръ, „Romän. Studien.“

⁸⁸⁾ Шафарикъ, „Слав. Древн. I, кп. 1, 346; Куно, „Die Skyth.“ 330.

⁸⁹⁾ Ptolem. III, с. 7.

морья, не могутъ представить въ пользу этого предположенія никакихъ убѣдительныхъ данныхъ; ибо эпитетъ *μετανασταί*, который придаетъ имъ Птолемей, далеко не оправдываетъ такого предположенія. Еще менѣе оправдывается оно свидѣтельствомъ Плинія, что Языги повыгнали Даковъ изъ равнинъ и заставили ихъ удалиться въ горы за Тису⁹⁰). Вотъ по чему намъ кажется справедливымъ сомнѣніе Іоанна Куно, чтобы эти Языги были поселеніемъ Черноморскихъ Языговъ⁹¹). Первыя наши извѣстія о западныхъ Языгахъ восходятъ къ половинѣ перваго столѣтія нашего лѣтосчисленія. По свидѣтельству Тацита⁹²), Квадъ Ванній, около 50 года по Р. Христовѣ, съ помощію наемныхъ Языговъ, старался упрочить свою власть въ Свевской области, лежавшей между рѣками Моравою и Вагомъ, въ округѣ Пресбургскомъ⁹³). Въ 70 г. Намѣстникъ Панноніи, Корнелій Фускъ, приглашалъ Языговъ на помощь Веспасіану, во время войны его съ Вителліемъ⁹⁴). Свидѣтельства эти не оставляютъ никакого сомнѣнія, что занимающіе насъ Языги еще около половины перваго столѣтія обитали уже на лѣвомъ берегу средняго Дуная къ Тисѣ, т. е., занимали уже ту же самую страну, гдѣ ихъ находимъ во II, III и IV вѣкѣ, когда, какъ было уже замѣчено, около 300,000 душъ изъ нихъ выселились на Балканскій полуостровъ. Это было выселеніе только одной части Языговъ, другая же часть осталась въ своихъ прежнихъ жилищахъ, гдѣ упоминается еще и въ V вѣкѣ⁹⁵). Такимъ образомъ мы имѣемъ достовѣрнѣйшія извѣстія, что Языги, въ теченіе слишкомъ 4-хъ столѣтій, постоянно оставались въ равнинѣ, простирающейся между Дунаемъ и Тисой. Въ этой странѣ мы встрѣчаемъ въ это время слѣдующія мѣстныя названія, несомнѣнно Славянскаго происхожденія и образованія. Патисъ (*Pathissus*), такъ называетъ Плиній рѣку Тису или скорѣе прилежащую къ ней страну.

⁹⁰) Плиній замѣчаетъ только: „*Campos et plana Jazyges Sarmatae, montes vero et saltus pulsati ab his Daci ad Pathissum amnem.... tenent.*“ Но когда проследило это и откуда явились Языги, объ этомъ онъ не говоритъ ни слова.

⁹¹) „*Die Skythen*“, 333.

⁹²) „*Ipsi Vannio manus propria pedites, eques a Sarmatis Jazygibus erat.*“ *Annal. Tacit. XII, 29.*

⁹³) Палацкій, „*Dějiny nar. Českého.*“ Praha, 1862, I, 61, 62.

⁹⁴) . . . „*principes Sarmatorum Jazygum, penes quos civitatis regimen, in commilitium asciti. Plebem quoque et vim equitum, qua sola valent, offerebant.*“ *Tacit. Historia III, 5.*

⁹⁵) Юрнандъ, „*Goth.*“ с. 55.

По весьма вѣроятному объясненію Шафарика, это — Славянское Потисье, составленное этимологически по аналогіи съ извѣстными словами: Порѣчье, Поморье, Полѣсье и пр.⁹⁶). Пистра (Pistra у Ам. Марц.), по всему вѣроятію Славянское Быстра, какимъ именемъ называются и теперь нѣсколько селъ въ Нижней Угріи. Берсовія (Bersovia на Пейтинг. Табл. и у геогр. Равенск.), по Шафаріку, нынѣшняя деревня Берзава или Брзава на рѣчкѣ того же названія въ Банатѣ. Пессіумъ (Πεσσιον у Птолемея) нынѣшній Пештъ. Недалеко отъ рѣки Тисы, въ концѣ прошлаго вѣка найдена древняя Греческая надпись, въ которой два раза повторяется слово ζοαπλν, явственно обличающее въ себѣ Славянское Жупань⁹⁷). Основываясь на этихъ, а также и на нѣкоторыхъ другихъ данныхъ, многіе изслѣдователи, каковы: Маннертъ, Катанчичъ, Нибуръ, Перцъ, Я. Гриммъ, Каульфусъ, Куно, Шембера, не сомнѣваются, что эти Сарматы-Языги были Славянское племя⁹⁸). Шафарикъ въ своемъ сочиненіи: „о происхожденіи Славянъ“ былъ тоже такого мнѣнія, въ „Древностяхъ“ же онъ нѣсколько измѣнилъ этотъ свой взглядъ. Отправляясь отъ свидѣтельства нѣкоторыхъ древнихъ писателей, отличающихъ между Языгами два сословія: свободныхъ и рабовъ (Sarmatae liberi, Sarmatae servi), онъ пришелъ къ заключенію, что тутъ обитали два разноплеменные народа, изъ коихъ одинъ искони населялъ эту страну, другой же, пришедши туда позднѣе, покорилъ себѣ туземцевъ, господствовалъ надъ ними⁹⁹). По мнѣнію Шафарика, только подчиненные (Sarmatae servi) были Славянскаго происхожденія, другіе же, свободные, господствующіе (Sarmatae liberi), принадлежали дѣйствительно къ собственнымъ Сарматамъ, были Мидійское племя. Не отрицая нѣкоторой важности за свидѣтельствами древнихъ, подавшими поводъ Шафаріку усомниться въ единоплеменности этихъ двухъ сословій, мы, при невозможности подвергнуть эти свидѣтельства обстоятельному повѣрочному разбору, не можемъ согласиться, чтобы свободные Языги, въ теченіе слишкомъ трехъ сотъ лѣтъ господствовавшіе между Тисой и Дунаемъ, были Мидійцы, и скорѣе согласимся съ

⁹⁶) „Ueber die Abk. d. Slawen,“ 172. Птоломей упоминаетъ о городѣ Παρτισκον, на Тисѣ; тамъ же и Ам. Марцеллинъ называетъ г. Partiscus. По всему вѣроятію, и въ этихъ названіяхъ слѣдуетъ видѣть Patissus=Потисье.

⁹⁷) „Слав. Древн.“ I, кн. 2, 121.

⁹⁸) Шембера, „Západní Slované v Pravěku.“ Ve Vidni, 1868, str. 190.

⁹⁹) „Слав. Древн.“ I, кн. 1, 415.

Я. Гриммомъ, Каульфусомъ, Куно, Шемберой, отстаивавшими противъ этого мнѣнія Славянскую народность свободныхъ Сарматовъ¹⁰⁰).

Племена, отмѣченныя нами въ этомъ обзорѣ, какъ Славянскія, обитали, какъ на сѣверъ отъ нижняго Дуная, по восточному и сѣверному склону Карпатскихъ горъ, такъ и по среднему теченію этой рѣки, въ нынѣшней Угріи. Тутъ жили Языги, земля которыхъ граничила съ восточной стороны Тисою, съ западной же среднимъ Дунаемъ. Но что Славяне, кромѣ этой области, населяли еще задолго до Р. Хр. и сосѣднія съ ней страны, на эти имѣются весьма убѣдительныя данныя, тщательно собранныя и изслѣдованныя Шафарикомъ¹⁰¹). Но не сомнѣваясь въ исконной древности Славянъ въ этихъ краяхъ, въ земляхъ Придунайскихъ, Шафарикъ усиливался доказывать, что они были вытѣснены оттуда въ IV-мъ вѣкѣ до Р. Хр. Кельтами за Карпатскія горы, откуда 800 лѣтъ спустя, а именно, около начала VI-го вѣка по Р. Хр., снова возвратились въ свою прародину. По нашему крайнему разумѣнію, мнѣніе это совершенно ошибочно: оно основывается на преувеличенномъ представленіи о могуществѣ и численности Кельтскихъ полчищъ, вторгнувшихся въ IV-мъ вѣкѣ въ Придунайскіе края, и опирается на невѣрное примѣненіе извѣстнаго свидѣтельства первой Русской лѣтописи объ изгнаніи Славянъ изъ Придунайскихъ странъ Волохами, въ которыхъ Шафарикъ ни сколько не затруднялся видѣть Кельтовъ. Мы уже касались нѣсколько этого вторженія Кельтовъ, и изъ ихъ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ имѣли случай убѣдиться, что мощь ихъ въ сущности далеко не соотвѣтствовала тѣмъ громкимъ выраженіямъ, которыми изображали ее древніе повѣствователи и которыя Шафарикомъ понимались въ буквальномъ смыслѣ. Здѣсь же намъ представляется случай самимъ дѣломъ опровергнуть ни на чемъ не основанное убѣжденіе Шафарика, что Кельты наводнили будто всю Среднедунайскую низменность, распространились и на востокъ отъ нея даже до устья Днѣстра¹⁰²).

¹⁰⁰) Kaulfuss, „Die Slawen in den ältesten Zeiten bis Samo.“ Berlin, 1842, S. 25, 26; Grimm, „Geschichte der Deutsch. Sprache.“ Leipz. S. 120.

¹⁰¹) Данныя эти заключаются въ мѣстныхъ названіяхъ сихъ странъ. „Свидѣтельство ихъ, замѣчаетъ Шафарикъ, такъ неопровержимо, что даже и тотъ, кто неохотно въ историческихъ изслѣдованіяхъ прислушивается къ филологическимъ доводамъ, долженъ почувствовать силу и важность его, и волею, неволею, обратить на него вниманіе. Слав. Древн.“ I, кн. 1, 407.

¹⁰²) „Слав. Древн.“ I, кн. 1, 441, 442.

Въ первомъ вѣкѣ до Р. Хр. жившіе на лѣвомъ берегу нижняго Дуная племена, въ виду опасности, угрожавшей имъ со стороны приближавшагося къ нимъ владычества Римлянъ, вступаютъ въ тѣсный союзъ между собою, создаютъ обширное государство, основателемъ котораго считается знаменитый Дакиецъ Бурвиста или Биривиста¹⁰³). Бурвиста распространяетъ далеко предѣлы этой новой державы, до самаго Днѣстра на востокъ, а на западъ до Тисы, и на всемъ этомъ пространствѣ онъ нигдѣ не наталкивается на Кельтовъ. Только на западномъ берегу Тисы, тамъ, гдѣ нѣсколько позднѣе встрѣчаемъ Языговъ, это новое государство встрѣтилось съ Кельтами, изъ чего ясно, что только до этой черты простиралось тогда владычество Кельтовъ. Владѣнія самой восточной вѣтви ихъ, Боевъ, простирались только до Тисы¹⁰⁴): на западъ отъ Боевъ простирались владѣнія Таврисковъ, упирившихся въ Норійскіе Альпы, на югъ отъ нихъ, отъ рѣки Дравы и до Скадрскихъ Албанскихъ горъ, господствовали Скордиски. Вотъ и всѣ государства, основанныя Кельтами въ этой странѣ. Могущество ихъ оставалось въ полномъ цвѣтѣ, и ни что не даетъ повода предполагать, что господство ихъ простиралось до этого времени и за Тисою. Для отраженія наступательнаго перехода Бурвисты за Тису всѣ Кельты: и Бои, и Тавриски и Скордиски, вступаютъ въ тѣсный союзъ, къ которому, волею или неволею, должны были пристать и нѣкоторыя Илирійскія племена. Вся сила Кельтовъ ополчилась противъ Бурвисты, но, не смотря на это, онъ нанесъ имъ страшное пораженіе и подчинилъ себѣ значительную часть земли, надъ которой они господствовали. Бои послѣ этого пораженія были принуждены оставить эту страну и потѣсниться на западъ, къ Альпійскимъ горамъ. Изъ этого мы удостовѣряемся, что Кельты никогда и не проникали на востокъ отъ Тисы, въ нынѣшнюю восточную Угрію и въ страну, прилежащую къ лѣвому берегу нижняго Дуная, а, слѣдовательно, и не могли выгонять оттуда никого. Западную часть Угріи они дѣйствительно наводнили и господствовали въ ней довольно долгое время, откуда только они и могли выгонять Славянъ; но едва

¹⁰³) Strab. VIII, c. 3, 11.

¹⁰⁴) Предположеніе, что Бастарны и Певкины, упоминаемые на нижнемъ Дунаѣ, принадлежали къ Кельтскому племени, основано на весьма шаткихъ основаніяхъ. Это предположеніе, по нашему мнѣнію, и совершенно устранено изслѣдованіями Цейса, приведшаго гораздо болѣе убѣдительные доводы въ пользу Нѣмецкой народности этихъ племенъ. „Die Deutsch“. 127—130.

ли такое изгнание могло имѣть мѣсто; ибо, допустивъ его, мы этимъ лишаемъ себя возможности объяснить себѣ столь раннее присутствіе Славянъ между Дунаемъ и Тисой, т. е., въ странѣ, гдѣ господствовали Бои. Сейчасъ, по удаленіи Боевъ, тамъ мы находимъ Славянъ, о которыхъ говорится какъ о старожилахъ этой страны¹⁰⁵).

Такимъ образомъ мнѣніе объ изгнаніи Славянъ Кельтами съ Дуная оказывается совершенно невѣрнымъ въ своемъ основаніи. Помянутое же свидѣтельство Нестора, которымъ Шафарикъ думалъ подтвердить это мнѣніе, какъ увидимъ вскорѣ, сюда не относится.

Что Славяне дѣйствительно не были изгоняемы изъ этихъ странъ въ IV вѣкѣ до Р. Хр., чтобы снова возвращаться въ нихъ въ концѣ V, или началѣ VI, вѣка по Р. Хр., какъ утверждалъ Шафарикъ, это, кромѣ присутствія Славянъ на среднемъ Дунаѣ около начала нашего лѣтосчисленія, доказываютъ еще и слѣдующія данныя. Прискъ, посѣтившій въ 448 г. восточную Угрію, въ качествѣ члена посольства Θεодосія II къ Атиллѣ, замѣчаетъ, что туземцы этой страны говорили особеннымъ языкомъ, стличавшимся отъ языка Гунновъ, Готовъ и Авсонійцевъ (Римлянъ)¹⁰⁶). Къ счастью, до насъ дошли и два, три слова отъ этого языка. Тотъ же Прискъ говоритъ, что въ селеніяхъ, черезъ которыя случалось имъ проѣзжать, имъ доставляли свѣстные припасы: „вмѣсто пшеничнаго хлѣба просо (*κέγχρος*), вмѣсто вина другой напитокъ, называемый жителями медомъ (*μέδος*)¹⁰⁷). Изъ Юрнандова описанія похоронъ Атиилы, происходившихъ въ окрестностяхъ нынѣшняго Токая,

¹⁰⁵) Мы разумѣемъ Языговъ въ Потисѣ вообще. Въ Славянскомъ происхожденіи Языговъ служебныхъ, какъ было замѣчено уже, не сомнѣвался и Шафарикъ.

¹⁰⁶) Εὐνκλυδες ὄντες (οἱ Σκύθαι) πρὸς τῇ σφετέρᾳ βαρβάρῳ γλώσσῃ ζηλοῦσιν ἢ τὴν Οὐννων ἢ τὴν Γότθων, ἢ καὶ τὴν Αὐσονίων, ἕσοις αὐτῶν πρὸς Ῥωμαίους ἐπιμίξαι. Excerpt. e Prisci Historia, ed. Bonn., p. 190.

¹⁰⁷) Ἄντι μὲν σίτου κέγχρος, ἀντι δὲ οἴνου ὁ μέδος ἐπιχωρίως καλούμενος. Prisc. p. 183. Былъ въ употребленіи въ этой странѣ и другой напитокъ, который Прискъ называетъ *κάμος*. Ἐχορίζοντο δὲ καὶ οἱ ἐπόμενοι ἡμῖν ὑπέρεται κέγχρον καὶ τὸ ἐκ κριθῶν χορηγούμενοι πόμα κάμον οἱ βάρβαροι καλοῦσιν αὐτό. Ibid. Нѣкоторые изслѣдователи, въ томъ числѣ и Гильфердингъ, видятъ въ этомъ словѣ Славянское „квась“, что намъ кажется натяжкой. Напитокъ этотъ, по свидѣтельству Приска, употребляли слуги, которые были даны посламъ въ проводники, и по всему вѣроятію были изъ Гунновъ. Отсюда является возможность предполагать, что камось былъ Гуннскій напитокъ, вѣроятно кумысъ. Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что Императоръ Маврикій называетъ просо (*κέγχρος*, *milum*) растеніемъ, преимущественно разводимымъ Славянами. Тоже самое утверждаетъ и Ибнъ-Дада. См. у Хвольсона стр. 30.

мы узнаемъ, что онѣ завершены были большимъ пиршествомъ на могилѣ, называемымъ у туземцовъ стравой (strava)¹⁰⁸). Это слово тоже чисто Славянское: оно и до сихъ поръ употребляется у Поляковъ, Чеховъ, Словаковъ, Малоруссовъ и Великоруссовъ въ значеніи пищи, ѣды, изживенія¹⁰⁹).

Такимъ образомъ „медъ и трава,“ единственные слова, дошедшія до насъ изъ Дакии отъ половины V-го вѣка, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что языкъ, который употреблялся въ этой странѣ, и который Прискъ, въ отличіе отъ Гуннскаго, Готскаго и Латинскаго языковъ, называетъ Скиѳскимъ языкомъ, былъ Славянскимъ. Шафарикъ, знавшій обо всѣхъ этихъ Славянскихъ признакахъ въ Дакии, оговариваетъ свое утвержденіе объ изгнаніи Славянъ отсюда Кельтами слѣдующими словами: „Впрочемъ, какъ обыкновенно случается въ такихъ переселеніяхъ, нѣкоторыя части ихъ, (Славянъ), оставшись въ южныхъ оконечностяхъ Карпатъ, въ окрестностяхъ Вага, Грона, Исла, Шаявы, Гернада, Торысы, Ондавы и верховьяхъ Тисы, и оградясь безчисленными горами отъ нападеній свирѣпыхъ неприятелей, проводжали, въ этихъ Аркадскихъ долинахъ, жизнь пастырскую и земледѣльческую мирно и покойно до самаго прибытія прочихъ братій съ сѣвера“¹¹⁰). Но такая оговорка, помощію которой Шафарикъ пытается объяснить существованіе явственныхъ признаковъ присутствія Славянъ въ этой странѣ и послѣ предполагаемаго ихъ изгнанія отсюда Кельтами, такая оговорка, говоримъ, допускающая остатки Славянъ въ горныхъ странахъ, теряетъ всякое значеніе, если припомнить, что всѣ признаки, подавніе поводъ къ ней, появляются на равнинахъ. На равнинѣ обитали Языги, Славянство которыхъ признаетъ и самъ Шафарикъ; жители равнинъ почитвали Приска „медомъ“¹¹¹); на равнинѣ же справлялась и „страда“ по Атилѣ. Припомнимъ и то, что, по смыслу свидѣтельства Приска, языкъ, который онъ называетъ Скиѳскимъ, былъ языкомъ кореннаго населенія этой страны, языкомъ множества, и мы поймемъ всю несостоятельность оговорки Шафарика.

¹⁰⁸) „Postquam talibus lamentis est defletus, stravam super tumulum ejus, quam appellant ipsi ingenti comessatione concelebrant. Jorn. с. 49.

¹⁰⁹) Котляревскаго, „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ“, стр. 36.

¹¹⁰) „Слав. Древн.“ I, кн. 1, 413.

¹¹¹) Prisc., ed. Bonn. 183.

Наше положеніе о непрерывномъ пребываніи Славянъ въ этой странѣ и послѣ предполагаемаго Кельтскаго нашествія на нее вплоть до временъ Атиллы встрѣчаетъ, по видимому, важное противорѣчіе въ двухъ весьма крупныхъ эпизодахъ изъ исторіи Подкарпатскаго края: мы разумѣемъ владычество Дакійцевъ и смѣнившее его, со временъ Императора Траяна, господство Римлянъ. Мы останавливаемся надъ устраненіемъ этого кажущагося противорѣчія тѣмъ охотнѣе, что тутъ представляется намъ случай указать нѣкоторыя новыя данныя въ пользу нашего мнѣнія. Дакійское государство, во время послѣдней борьбы его съ Римлянами, простиралось отъ Днѣстра до Тисы и отъ нижняго Дуная до сѣвернаго хребта Карпатскихъ горъ. Въ этой обширной странѣ, полагаютъ, обитали тогда Даки, которыхъ обыкновенно отождествляютъ съ Гетами, и такимъ образомъ относятъ къ Фракійскому племени, которому мы отказываемъ въ Славянскомъ происхожденіи. Прежде всего мы должны указать на то, что такой взглядъ на населеніе Дакии и на народность Дакійцевъ основывается на предпологаемомъ выселеніи всего племени Гетовъ съ праваго берега нижняго Дуная на лѣвый, чего на дѣлѣ не было. По весьма основательному и всестороннему изслѣдованію этого вопроса Мюлленгофомъ не подлежитъ болѣе ни малѣйшему сомнѣнію, что только часть Гетовъ выселилась на сѣверъ отъ нижняго Дуная. А немыслимо, чтобы частичка одной изъ многочисленныхъ частицъ, на которыя, какъ мы видѣли, дробилось Фракійское племя, немыслимо, говоримъ, чтобы горсть людей могла населить собою всю Дакію и основать тамъ столь могущественное государство, которое еще при основателѣ его, Бурвистѣ, могло выставить противъ Римлянъ 200,000 чловѣкъ¹¹²⁾. Также неосновательно и отождествленіе Даковъ съ Гетами. Послѣдніе, какъ и слѣдовало ожидать, по свидѣтельству Страбона, обитали по берегу Чернаго моря, отъ устьевъ Дуная до Днѣстра, гдѣ находилась въ послѣдствіи Гетская пустыня, Даки же жили ближе къ Германіи и къ верховьямъ Дуная¹¹³⁾. Немыслимое дѣло, чтобы Геты, хотя бы даже и допустить, что

¹¹²⁾ Strabo. VII, с. 3, 11. Извѣстно, что передъ смертію свсею Ю. Цезарь замышлялъ походъ противъ Даковъ съ стотысячнымъ войскомъ. Рёслера, „Romän. Stud.“ 30.

¹¹³⁾ Γέτας μὲν τοὺς πρὸς τὸν Πόντον κεκλιμένους καὶ πρὸς τὴν ἕω, Δάκους δὲ τοὺς εἰς τὰναντία πρὸς Γερμανίαν καὶ τὰς τοῦ Ἰστροῦ πηγὰς. Strab. VII, с. 3, 12.

туть было все колѣбно Гетовъ, могли распространиться такъ далеко, отъ Чернаго моря до истоковъ Дуная. Діонъ Кассій, жившій нѣкоторое время на границѣ почти Дакии въ качествѣ Правителя Панноніи, говоря о Дакахъ, замѣчаетъ: „Я ихъ называю Даками, какъ они сами себя называютъ и какъ ихъ зовутъ Римляне, не смотря на то, что нѣкоторые изъ Грековъ, справедливо, или нѣтъ, называютъ ихъ Гетами“¹¹⁴). Мы имѣемъ и положительныя указанія на то, что въ этой обширной странѣ, гдѣ возникло Дакійское государство, просуществовавшее около полутора столѣтій, жилъ не одинъ народъ; укажемъ прежде всего на Анкирскую надпись, которая говоритъ о Дакійскихъ народахъ (*Daciae gentes, τὰ Δακῶν ἔθνη*)¹¹⁵). По свидѣтельству Діона Кассія Императоръ Траянъ имѣлъ дѣло въ Дакии съ разными племенами, изъ коихъ, какъ самое могущественное, онъ отмѣчаетъ Буровъ, отъ которыхъ, по всему вѣроятію, получилъ свое названіе городъ Бурридава (*Burrídaυα*), нынѣ *Rothen Thurm*¹¹⁶). Разноплеменность населенія Дакии подтверждается и барельефами Траяновой колонны, представляющими это населеніе въ разнородныхъ одѣяніяхъ и въ разнородномъ вооруженіи. Послѣднее невольно заставило описателей колонны предположить, что въ войскѣ Децебалла, кромѣ Даковъ, находились още люди другого племени, которыхъ Чьяконе называетъ Сарматами¹¹⁷). Мы хотимъ сказать, что существованіе въ занимающей насъ странѣ обширнаго государства, основаннаго Дакійцами около начала нашего лѣтосчисленія ни сколько не исключаетъ возможности совмѣстнаго сожителства съ ними въ этой странѣ другихъ племенъ. Мы имѣемъ всѣ основанія утверждать, что во все время существованія этого государства тамошніе Славяне, въ качествѣ ли союзниковъ Дакійцевъ, или въ качествѣ ихъ подданныхъ, оставались въ прежнихъ своихъ жилищахъ. Да и сами Даки, которыхъ тождество съ Гетами новѣйшая наука отвергаетъ, и Фракійское происхожденіе коихъ болѣе чѣмъ сомнительно, да и сами Даки, говоримъ, едва ли

¹¹⁴) Dio Cass. I. 67, с. 6.

¹¹⁵) „*Tabulae Ancyrae*“ см. у Катанчича.

¹¹⁶) Στρατηγόσαντι δὲ τῷ Τραϊανῷ κατὰ τῶν Δακῶν καὶ ταῖς Τάπαϊς, ἔνθα ἐστραπέδευον οἱ βάρβαροι, πλησιάσαντι μύκης μέγας προῖσεκομισθῆ, γράμμασι λαπίνοις λέγων, ὅτι ἄλλοι τὲ τῶν συμμαχῶν καὶ Βουρβῆροι παρανοοῦσι Τραϊανῷ ὀπίσω ἀπιέναι καὶ εἰρηγήσαι. D. Cass. I. 63, с. 8.

¹¹⁷) Bartoli, „*Colonna Traiana*“. См. снимки въ Приложеніи къ Очерку древн. истор. Протословенъ Черткова.

не были Славянами¹¹⁸). Мы не намѣрены останавливаться тутъ на этомъ вопросѣ, не можемъ, однако, не высказать надежды, что если бы наши ученые приступили къ изслѣдованію вопроса о народности Даковъ, освободившись предварительно отъ вѣры въ тождество ихъ съ Гетами, то едва ли этотъ вопросъ не былъ бы рѣшенъ въ нашу пользу. Они бы могли выставить въ пользу Славянской народности Даковъ несравненно болѣе законныхъ основаній¹¹⁹), чѣмъ основанія, на которыхъ Я. Grimmъ высказалъ мнѣніе, что они были Нѣмцы, мнѣніе, которое, не смотря на многократное разооблаченіе его ошибочности, все еще находитъ себѣ поклонниковъ въ ученой Нѣмецкой литературѣ¹²⁰).

Другое противорѣчіе, которое, по видимому, можетъ встрѣтить наше положеніе о непрерывной родовой (генетической) преемственности между Славянами, которыхъ мы находимъ въ Дакии въ V вѣкѣ нашего лѣтосчисленія, и тѣми, которые обитали тамъ еще до Р. Хр., заключается, какъ было замѣчено уже, въ господствѣ Римлянъ въ этой странѣ, заступившемъ, въ началѣ II вѣка, собою мѣсто господства Дакійцевъ. Предполагаютъ, что во время господства Римлянъ древнее населеніе Дакии какого бы племени оно ни было, подверглось ороманенію, подобно тому, какъ это случилось и съ населеніемъ Галліи, Испаніи и пр. Такое предположеніе подтверждаютъ указаніемъ на семимилліонный Румунскій народъ, который и по нынѣ обитаетъ въ древней Дакии и который обыкновенно

¹¹⁸) Въ такомъ случаѣ замѣчаніе Сербскаго переводчика Пиралипомена Зонары, что Траянъ воевалъ съ Сербами, что Дековалъ былъ „начальникъ Сръпскыи“, оказалось бы вѣрнымъ.

¹¹⁹) То обстоятельство, на примѣръ, что до возникновенія Дакійскаго государства въ этой странѣ обитали Славяне, которые продолжаютъ жить тамъ и по распаденіи этого государства, когда о Дакахъ не находимъ болѣе никакихъ упоминаній. Всѣ инородцы, которыхъ въ позднѣйшее время встрѣчаемъ тамъ, между Славянами, были позднѣйшіе переселенцы, которыхъ народность, равно какъ и время прихода, болѣе, или менѣе, извѣстны. Припомнимъ и то, что у Западныхъ Славянъ между колѣнами Чешской вѣтви были и Даціане (Daciane). О нихъ упоминается въ грамотѣ Генриха IV, отъ 29 Апрѣля, 1086 г., при исчисленіи границъ Пражской Епархіи: „Occidentem versus . . . Lucsane, Daciane . . . Ad Aquilonem . . . Psouane, Crouati et altera Chrouati Zlasane, Trebouane, Boborane etc.“ Erben, „Regesta“, p. 73.

¹²⁰) Противъ этого мнѣнія Гримма возражали Кассель, Зибель, Вайтцъ и Мюлленгофъ. Весьма основательное опроверженіе этой теоріи на Русскомъ языкѣ представилъ недавно покойный Гильфердингъ въ своей статьѣ: „Древнѣйшій періодъ исторіи Славянъ“. Нельзя не пожалѣть, однако, что онъ принялъ свидѣтельство Страбона о тождествѣ Даковъ съ Гетами за несомнѣнно вѣрное и не стесалъ нужнымъ останавливаться на провѣркѣ его.

считаютъ потомкомъ ороманеннаго населенія древней Дакии. Такимъ образомъ порывается защищаемая нами преемственность. Но этотъ взглядъ, къ сожалѣнiю, очень распространенный, не выдерживаетъ ни малѣйшей повѣрки. Прежде всего слѣдуетъ поставить на видъ, что между господствомъ Рима въ этой странѣ и господствомъ его въ Галліи, Испаніи и проч., нѣтъ ничего общаго. Тутъ оно было очень кратковременно и никогда не отличалось такою прочностью. Правда, по приобрѣтеніи Дакии, Траянъ озаботился наполнить ее Римскимъ населеніемъ, которое переселяли сюда со всѣхъ концовъ Имперіи¹²¹⁾, озаботился и защитою ея отъ вторженій, облежавшихъ ее отовсюду, варваровъ, чему доказательствомъ служить знаменитый Траяновъ валъ; но уже при преемникѣ его, Адріянѣ, начинаются въ ней возстанія, къ которымъ присоединились еще вторженія сосѣднихъ варваровъ. Мостъ Траяна на Дунаѣ облегчалъ варварамъ набѣги и на Южно-Дунайскія области; по этому Адріянъ приказалъ разрушить его. Положеніе дѣлъ въ Дакии убѣдило его въ невозможности удержать за Римомъ эту новопріобрѣтенную область. По свидѣтельству современника, онъ задумывалъ отказаться отъ нея, и если не сдѣлалъ этого, то единственно изъ состраданія къ несчастной участи, которая неминуемо должна была постигнуть поселившихся въ ней Римскихъ гражданъ¹²²⁾. Со времени Адріянова наслѣдника, Антонина Пія, также донеслись до насъ вѣсти о возстаніяхъ въ Дакии. А какъ быстро стало падать въ ней господство Рима со времени Марка Аврелія, это мы уже имѣли случай наблюдать въ очеркѣ вторженій варваровъ на Балканскій полуостровъ въ концѣ II-го вѣка¹²³⁾. Мы вынесли изъ этого очерка довольно вѣрное убѣжденіе, что Дакиа еще въ первой половинѣ III вѣка перестала принадлежать Римлянамъ, господство которыхъ, продолжавшійся въ ней не болѣе одного столѣтія, не могло произвести тутъ такихъ послѣдствій для ея населенія, какія мы находимъ въ Галліи и въ Испаніи. Въ 271 г., какъ уже было замѣчено, Авреліанъ вывелъ изъ Дакии, уже за долго до него потерянной для Рима, Римскихъ поселенцевъ, которыхъ пере-

¹²¹⁾ „Trajanus, victa Dacia, ex toto orbe Romano infinitas eo copias hominum transtulera ad agros et orbes colendos.“ Eutrop. VIII, 6.

¹²²⁾ D. Cass. I. 68, с. 13.

¹²³⁾ Во время Марка Аврелія Дакию опустошали: пѣкто Торбъ, владѣтель какого-то сосѣдняго народа; Астинги и, выселившіеся при Траянѣ изъ своей родины, Даки. D. Cass. I. 71, с. с. 11, 12, 13.

селишь на правый берегъ Дуная, въ Мизию¹²⁴). Это событіе, въ справедливости котораго мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться, доказываетъ, что Римскіе поселенцы не могли отуземиться въ Дакии, пребывали тамъ особнякомъ между враждебнымъ имъ населеніемъ, которое держало ихъ въ постоянномъ страхѣ. При столь кратковременномъ и непрочномъ господствѣ Римлянъ въ Дакии, немисливо ороманеніе ея древняго населенія, и мнѣніе о происхожденіи Румуновъ отъ ороманенныхъ Дакійцевъ есть пустая мечта, ни на чемъ не основанное соображеніе. Нѣтъ основанія производить ихъ и отъ Римскихъ поселенцевъ въ Дакии, такъ какъ они вскорѣ принуждены были выбратся изъ этой страны. Всего вѣроятнѣе производить ихъ отъ ороманенныхъ Оракійцевъ Балканскаго полуострова, переселившихся сюда въ позднѣйшую пору. Можно не соглашаться съ мнѣніемъ Миклошича, что переселеніе это имѣло мѣсто въ V вѣкѣ нашего лѣтосчисленія¹²⁵); еще менѣе можно согласиться и съ Рёслеромъ, что Румуны появились въ Дакии только въ XIII вѣкѣ¹²⁶), но несомнѣнно то, что они народъ пришлый въ эту страну¹²⁷) и не возникнувшій въ ней. При такомъ, смѣемъ сказать, правильномъ взглядѣ на господство Римское въ Дакии, оно нисколько не можетъ протворѣчь защищаемому нами мнѣнію о пребываніи Славянъ въ этой странѣ и во время господства въ ней Римлянъ. Мало того, въ немъ мы находимъ и новое подтвержденіе нашему мнѣнію. Въ народныхъ преданіяхъ нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ, и именно тѣхъ, которыхъ предки обитали въ Дакии и по близости къ ней, мы находимъ очень явственные намеки на то, что нѣкоторыя Славянскія вѣтви находились болѣе, или менѣе, продолжительное время подъ властію Римлянъ, имѣли столк-

¹²⁴) „Daciam a Traiano constitutam sublato exercitu et provincialibus reliquit, desperans eam posse retineri, abductosque ex ea populos in Moesia conlocavit.“ Flav. Vopisc. in „Aurel.“ 39. — „Dacia Gallieno Imperatore amissa est et per Aurelianum translatis exinde Romanis“ etc. См. Рёслера, „Rom. Stud.“ 67.

¹²⁵) „Die slavisch. Elem. im Rumun.“ 4.

¹²⁶) „Romän. Stud.“ 65 sqq.

¹²⁷) Тѣмъ, которые бы стали утверждать, что немисливо выселеніе съ Балканскаго полуострова шестимилліоннаго народа, мы напомнимъ не упускать изъ виду, что Румуны достигли этого почтеннаго числа уже въ новой своей родинѣ, втянувъ въ себя ея прежнее населеніе, состоявшее преимущественно изъ Славянъ. Укажемъ и на слѣдующее замѣчаніе Г. Коринка о Румунахъ: „Rumuni jsou v národním ohledě nad miru houževnati a kromě toho slynou neobyčejnou plodnosti. Jich počet rozmnožuje se v učíhledě, ba stalo se porekladem, že jedna Rumunca dovede porumunštit celou Maďarskou a hlavně Slovanskou vesnici.“ — См. „Matice lidu,“ 1867, № 1, стр. 16.

новенія съ ними, столкновенія, имѣвшія мѣсто именно въ этой странѣ и въ пору покоренія ея Траяномъ. Прежде всего мы укажемъ на столь важный въ языческомъ мѣсяцесловѣ Славянъ праздникъ, называемый Колядой, одинаково распространенный между Болгарами, Сербо-Хорватами и Словинцами, Русскими и Поляками. Предположеніе, что въ реченіи „коляда“ скрывается „коло, колесо“ (символь солнца), равно какъ и сближеніе этого реченія съ Славянскимъ словомъ „клада, колода,“ намъ кажется совершенно излишней натяжкой, ибо есть возможность съ осызательною точностію добратъся до истиннаго происхожденія этого реченія. Буква я въ Русскомъ названіи праздника коляды, по свойству Русскаго звукословія, заступаетъ мѣсто ѡ, что подтверждается названіемъ этого праздника у прочихъ Славянъ: у Болгаръ коледа и коленде (пѣсни Милад.), у Сербовъ коледа и коланда (Микали), у Поляковъ koleða (Линде), въ памятникахъ Древне-Славянскои письменности колѡда и каланда; сравн. и Румунское коллиндъ. Можно смѣло утверждать, что слово это произошло отъ Латинскаго calendae, въ чемъ, кромѣ очевиднаго этимологическаго сходства этихъ словъ, удостовѣряетъ и слѣдующее историческое указаніе. Шестой Вселенскій Соборъ (691 г.) строго запретилъ христіанамъ отправлять языческіе праздники Латинскаго происхожденія, а именно: Вота, Брумалія и сице глаголемына колѡды¹²⁸⁾ (τὰς οὐτω λεγόμενας καλάνδας). Въ толкованіи на 62 постановленіе Собора, заключающее въ себѣ этотъ запретъ, читаемъ: каланди соутъ пьрвѣи въ коіемъждо мѣци днѣе, въ нихъ же ѡбычѣи вѣ ѡлиномъ творитѣ жертвы¹²⁹⁾. Въ особенной чести изъ всѣхъ календъ были Генварьскія, противъ которыхъ былъ поставленъ особенный запретъ: аще кто въ ѡ днь еноуарѣа на колѡдоу идеть, такоже пьрвое поганин творѣахоу и пр.¹³⁰⁾. И нѣтъ сомнѣнія, что наша коляда, коланда, получила свое названіе отъ этихъ самыхъ Генварьскихъ календъ, съ празднованіемъ которыхъ совпадалъ Славянскій языческій праздникъ, замѣнившій, на основаніи этого совпаденія, свое древнее народное названіе названіемъ Латинскимъ. Замѣна эта предполагаетъ прямое столкновеніе Славянъ съ

¹²⁸⁾ Буслава, „Историч. христоматія Церковно-Славян. и Русск. яз.“ стр. 382 (изъ Кормчей книги по списку 1282 г.).

¹²⁹⁾ Тамъ же, 383.

¹³⁰⁾ См. въ Словарѣ Миклошича подъ словомъ: колѡда.

Древне-Римскимъ міромъ, непосредственное знакомство съ нимъ. Положимъ, что для Южныхъ Славянъ знакомство это могло имѣть мѣсто уже на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ они дѣйствительно застали довольно значительную Римскую стихію. Но если въ этой странѣ Римскія календы впервые проникли въ Славянскій языкъ, то какъ объяснить существованіе ихъ въ языкѣ Прикарпатскихъ и Сѣверо-Восточныхъ Славянъ? Не возможно допустить, чтобы Христіанскіе проповѣдники занесли къ нимъ этотъ терминъ языческаго календаря. Мы полагаемъ, что занимающее насъ реченіе могло быть заимствовано Славянами только въ Дакии и ея окрестностяхъ, и именно въ то время, когда нѣкоторыя изъ тамошнихъ Славянскихъ племенъ приведены были во временную зависимость отъ Римлянъ Траяномъ.

Имя Императора Траяна играетъ весьма видную роль въ народныхъ преданіяхъ Славянъ: Русскихъ, Болгарскихъ и Сербскихъ. Въ „Хожденіи Богородицы по мукамъ,“ извѣстномъ по рукописи XII вѣка, Траянъ причисленъ къ сонму Славянскихъ боговъ: Хорса, Велеса и Перуна: то сѣтънкіе и члѣкчъ окамената оутрина трогана хърса, велеса, пероуна, на въі вбратиша¹³¹⁾. Въ „Откровеніи Святыхъ Апостоль,“ изданномъ по рукописи XVI вѣка, читаемъ: мнѣше когы многы: пероуна и хорса дыа и трогна, и инѣи мнози¹³²⁾. Правописаніе послѣдняго памятника обнаруживаетъ въ немъ Болгарское происхожденіе; такого же происхожденія и первый изъ этихъ памятниковъ, не смотря на чисто Русское его правописание: въ этомъ увѣряетъ обиліе въ немъ словъ и оборотовъ, свойственныхъ исключительно Болгарскому нарѣчію (таково, на примѣръ, въ приведенномъ нами мѣстѣ слово сѣтънкіе). Въ одной Болгарской пѣснѣ¹³³⁾ воспѣвается Царь Траянъ, владѣтель несмѣтныхъ сокровищъ золота и серебра: въ царствѣ его находятся семьдесятъ водоемовъ, въ коихъ течетъ жженое золото и чистое серебро. Пѣсня сталкиваетъ этого „проклетя царя“ Траяна съ Св. Георгіемъ, но не съ мученикомъ Геор-

¹³¹⁾ Тихоцравова, „Памятники отреченной литературы.“ Москва, 1863, 2, стр. 23. Сравни. и Срезневскаго, „Древніе памятники Русскаго языка и письма.“ Спб. 1863, стр. 205.

¹³²⁾ См. „Лѣтописи Русской литературы и древностей,“ кн. 5-я, въ отдѣлѣ матеріаловъ, стр. 5. Приведенное нами мѣсто изъ этого памятника обнародовано впервые Востоковымъ въ его „Словарѣ Церк.-Сл. языка,“ т. 2, 232.

¹³³⁾ „Български народни пѣсни, собр. отъ брат. Миладиновци,“ стр. 38—41.

гѣмъ, пострадавшимъ отъ Діоклитіяна, а съ тѣмъ покровителемъ Болгарскихъ орачей и пастуховъ (свети Герги), который, по другому Болгарскому преданію¹³⁴), звуками своего мѣднаго рога сзываетъ всѣхъ звѣрей и, подобно Егорию Храброму, запираетъ всю эту живую „дивину“, чтобы она не могла причинять вреда людямъ, ни ихъ стадамъ. Сербская сказка также знаетъ Царя Траяна, котораго она изображаетъ съ козыми ушами. Онъ боится солнца; ибо оно можетъ его растопить, а по тому выѣзжаетъ только по почамъ¹³⁵). Профессоръ Буслаевъ, разобравъ народныя сказанія Болгаръ и Сербовъ о Царѣ Траянѣ, замѣчаетъ, что Царь этотъ „есть существо мнѣическое, изъ той породы стихійныхъ существъ, къ которой относятся вилы, русалки, Нѣмецкіе альфы или эльфы, свѣтлые духи и подземные карлики, хранители золота и серебра, духи мрака, не терпящіе лучей свѣта“¹³⁶). Слова уважаемаго Профессора увѣряютъ насъ, что характеризуеммы имъ такимъ образомъ преданія донеслись къ намъ отъ весьма глубокой древности, когда народное творчество Славянъ, не смущаемое давленіемъ на него Христіанскихъ воззрѣній, било еще свѣжею мнѣическою струею. И едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что въ этихъ преданіяхъ мы имѣемъ обломки мнѣовъ о томъ же самомъ Троянѣ, котораго выше приведенныя письменныя свидѣтельства причисляютъ къ Славянскимъ божествамъ. Мы не можемъ, однако, согласиться съ мнѣніемъ, что этотъ Траянъ есть исключительно мнѣическое существо, олицетвореніе какихъ ни будь стихій¹³⁷), представитель какихъ ни будь отвлеченныхъ понятій. Что въ мнѣическомъ образѣ его скрывается историческая личность, имѣвшая большое значеніе въ судьбахъ Славянъ, и именно личность Императора Траяна, на это мы находимъ очень явственныя указанія въ занимающихъ насъ преданіяхъ. Какъ было уже замѣчено, въ „Хожденіи Богородицы“ Траянъ отнесенъ къ члвчкъ окамената оутрина; въ Болгарской пѣснѣ, равно какъ и въ сказкѣ Сербской, онъ

¹³⁴) Чолакова, „Български народенъ Сборникъ.“ Болградъ, 1872, стр. 115.

¹³⁵) См. въ „Словарѣ Сербскаго языка,“ Караджича, подъ словомъ „Троянъ.“

¹³⁶) Буслаева, „Историч. Очерки“ I, 385.

¹³⁷) Такой взглядъ на Трояна былъ высказанъ недавно Г. Квашиннымъ-Самаринимъ въ его „Очеркѣ Славянской мѣологии.“ „Имя Троянъ, читасмъ въ этой статьѣ, „первоначально значило то же, что Триглавъ, и приписывалось верховному Богу, владыкѣ трехъ стихій: воздуха, воды и земли.“ Бесѣда, 1872, кн. IV, стр. 242.

названъ Царемъ; Царемъ называетъ его и „Откровеніе Святыхъ Апостолъ,“ прибавляя при этомъ, что **Троянь** **быше** **цркъ** **въ** **Римѣ**. Историческую основу выше помянутыхъ преданій о Троянѣ всего яснѣе обнаруживаетъ намъ „Слово о пльку Игоревѣ,“ которое также знаетъ имя Траяна, и въ четырехъ мѣстахъ упоминаетъ о немъ¹³⁸). Вотъ эти мѣста:

1. О Бояне, соловію стараго времени, абы ты сіа плькы ущекоталъ, скача, славію, по мыслену древу, летая орломъ подь облака, свивая, славію, оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню, чресъ поля на горы¹³⁹).

2. Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были пльци Олговы, Олга Святославлича¹⁴⁰).

3. Встала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню¹⁴¹).

4.... Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи на седьмомъ вѣцѣ Трояни¹⁴²).

Въ 1, 2 и 4-мъ изъ этихъ мѣстъ Профессоръ Тихонравовъ, вмѣсто „Трояни,“ читаетъ „Бояни,“ оставляя такимъ образомъ „Трояни“ только въ одномъ мѣстѣ „Слова“, именно, въ приведенномъ у насъ подь № 3. Позволяемъ себѣ не согласиться съ доводами уважаемаго Профессора въ пользу этой замѣны¹⁴³). При довольно явственномъ отличіи начертанія словъ „Трояни“ и „Бояни,“ трудно допустить, что первые издатели, такъ тщательно работавшіе надъ изученіемъ текста этого памятника, могли бы смѣшать ихъ и прочесть „Трояни“ вмѣсто „Бояни,“ тѣмъ болѣе, что и съ тѣмъ и съ другимъ изъ этихъ именъ имъ приходилось встрѣчаться въ „Словѣ“ по нѣскольку разъ. Карамзинъ, по словамъ Тимковскаго, слычавшій первое изданіе „Слова“ съ подлинникомъ и обратившій при этомъ особенное вниманіе на провѣрку занимающихъ насъ мѣстъ, какъ свидѣтельствуеетъ предложенная имъ въ одномъ

¹³⁸) Сродство Трояна „Слова о пльку Игоревѣ“ съ Трояномъ Южно-Славянскихъ сказаній достаточно выяснено Г. Буслаевымъ въ его „Истор. Очеркахъ,“ I, 385, 390. — Давно высказанное и недавно повторенное Профессоромъ Веселовскимъ мнѣніе, что выраженія Слова: „вѣчи Трояни, трола Трояня“ и пр. указываютъ на мионическую Трою и Троянцевъ, не выдерживаетъ никакой повѣрки.

¹³⁹) Изд. Пушк., стр. 6. Сл. 2-е изд. Тихонравова стр. 2.

¹⁴⁰) Пушк. 14, Тихонр. 4.

¹⁴¹) II. 19, Т. 5.

¹⁴²) II. 35, Т. 10.

¹⁴³) См. его 2-е изд. „Слова“ стр. 27, 28, 34, 43.

изъ нихъ поправка (сѣчи Трояни, вмѣсто вѣчи Трояни), на-
 шель, что слово „Трояни“ прочтено издателями вѣрно ¹⁴⁴). За
 общепринятое чтеніе „Трояни“, вмѣсто предлагаемаго
 Г. Тихонравовымъ „Бояни“ стоитъ и Екатерининскій списокъ
 „Слова“, въ которомъ только въ одномъ изъ приведенныхъ
 выше мѣстъ, вмѣсто „Трояни“, читается „Зояни“ ¹⁴⁵). Но и
 эта явная описка переписчика говоритъ противъ замѣны Трояна
 Бояномъ. Въ почеркахъ XVI вѣка, которому, по весьма осно-
 вательнымъ соображеніямъ Г. Тихонравова, принадлежалъ ори-
 гиналъ этого списка, буквы *Тр*, особенно въ началѣ собствен-
 ныхъ именъ, не рѣдко изображаются вязью, дающею знакъ,
 который неопытный глазъ весьма легко можетъ принять за
 букву *З*, тогда какъ начертаніе *Б*, какого бы характера оно
 ни было, всегда рѣзко отличается отъ начертанія *З*.

По нашему крайнему разумѣнію, отъ замѣны Трояна
 Бояномъ немного выигрываетъ и уясненіе занимающихъ насъ
 мѣстъ, въ видахъ котораго замѣна эта предлагается. Только
 для одного изъ нихъ, именно, для предложенія „рища въ
 тропу Трояню“, помощію этой замѣны придумано Г. Тихо-
 нравовымъ весьма удовлетворительное на видъ и весьма остро-
 умное объясненіе; но за то въ двухъ остальныхъ мѣстахъ:
 „вѣчи Бояни“ и „на седьмомъ вѣцѣ Бояни“, поправка
 его, нарушая логическую послѣдовательность изложенія „Слова“,
 возбуждаетъ недоумѣнія, оставленные безъ достаточнаго уяс-
 ненія ¹⁴⁶). Предложенное имъ для выраженія „рища въ тропу
 Трояню“, объясненіе, какъ мы уже замѣтили, заслуживаетъ
 полнаго вниманія. При всемъ томъ, въ виду того, что оно
 постигнуто значительною, но недостаточно доказанною, по-
 правкою текста, мы не можемъ признать его точнымъ, тѣмъ
 болѣе, что смыслъ какъ этого выраженія, такъ и прочихъ
 мѣстъ „Слова“, въ которыхъ встрѣчается имя Трояна, по
 нашему крайнему разумѣнію, достаточно ясенъ и помимо вся-
 кихъ поправокъ этихъ мѣстъ.

Намъ кажется, что толкователи „Слова“ вообще дѣлали
 ошибку, принимая реченіе „тропа“ въ современномъ Русскомъ
 его значеніи, именно, въ значеніи „дороги, пути.“ Реченіе
 это существуетъ во всѣхъ почти Славянскихъ нарѣчіяхъ въ

¹⁴⁴) Тамъ же, въ предисловіи, стр. IV.

¹⁴⁵) Тамъ же, стр. 10, прим. 6.

¹⁴⁶) См. ниже, примѣч. 148.

формѣ или совершенно тождественной съ Русской (въ Польск. и Чешскомъ), или же съ удержаніемъ въ корнѣ первоначальной гласной *и* (въ Болгарскомъ и Сербскомъ). Словинцы употребляютъ и обѣ этѣ формы, произнося въ нѣкоторыхъ областяхъ „*tror, troplja*“, въ иныхъ „*trar, trarplja*“. По значенію своему реченіе это видоизмѣняется по разнымъ Славянскимъ землямъ, не удаляясь, однако, до совершеннаго отрѣшенія отъ первоначальнаго представленія, въ немъ скрывающагося. Польское „*tror*“, Чешское *tror*, Словинское *tror, troplja* и *trar, trarplja* означаютъ слѣдъ (*stopa w ziemi wyrazona*)¹⁴⁷; Далматинское *trar* — ровъ (*solum, alte fossum*), *trapiti* — копать, рыть землю (*lavorare un terreno a fondo*)¹⁴⁸; Боснійское *trar* — копанье, *trapiti* — копать (*sarculare*)¹⁴⁹; Караджичъ *трап*, *трапа* переводитъ *fovea adservandis gapis* (ровъ, канава), Болгарское *трапъ* — яма, ровъ вообще, въ особенности ровъ, вырытый съ военною цѣлію (*tranchée*)¹⁵⁰. Нельзя не замѣтить, что во всѣхъ этихъ словахъ, равно какъ и въ русскомъ *тропа*, скрывается одно и то же представленіе, а именно, представленіе углубленія въ землѣ, глубины, представленіе, всего яснѣе выступающее въ Сербскомъ и Болгарскомъ нарѣчіяхъ, сохранившихъ, вмѣстѣ съ древнѣйшею формою этого реченія, и первоначальное его значеніе ямы, рва. Мы полагаемъ, что въ семъ послѣднемъ, древнѣйшемъ, значеніи, именно, въ значеніи рва, употреблено это слово и хорошо знакомымъ съ „старыми словесы“ пѣвцомъ Игоя, и что подъ его „тропою Трояней“ разумѣется ровъ, вырытый вдоль знаменитаго Троянова вала и вмѣстѣ съ нимъ тянувшійся на протяженіи ста и болѣе верстъ¹⁵¹). Принимая во вниманіе, что „тропа Трояня“ упомянута въ „Словѣ“ подлѣ словъ: „чресъ поля, на горы“, словъ изображающихъ ширину и высоту Бояновыхъ замысленій, весьма естественно предположить и въ ней такое метафорическое значеніе въ этомъ мѣстѣ, именно, антитезу горѣ, изображеніе глубины этихъ же замысленій. Предположеніе это тѣмъ возможнѣе, что Трояновъ ровъ, надъ которымъ возвышался хорошо укрѣпленный валъ,

¹⁴⁷) См. „Польскій Словарь“, Линде.

¹⁴⁸) Ardelio della Bella, „Dizionario Italiano-Lat-Ilirico.“

¹⁴⁹) Микали, „Blago jezika Slovinskoga.“

¹⁵⁰) Богорова, „Българо-Френски рѣчникъ.“

¹⁵¹) См. Рёслера, *Romänische Stud.* 46.

весьма легко могъ у Славянъ, населявшихъ выпѣшнюю Южную Россію, страну ровную, совершенно гладкую почти прослѣть за непроходимый оврагъ, а со временемъ быть обобщеннымъ до значенія недоступной, недосыгаемой, глубины вообще. Что въ „Трояновой тропѣ“ „Слова“ скрывается указаніе на знаменитый ровъ Римскаго Императора, это подтверждается еще и упоминаніемъ этого памятника о „землѣ Трояней,“ подъ которою, безъ всякаго сомнѣнія, разумѣется земля, лежащая за этимъ ровомъ и обращенная Императоромъ Трояпомъ въ Римскую область, т. е., Дасія Траяана. „Слово“ помнить и время, когда страну эту постигла такая участь; это время отмѣчено въ немъ словами „вѣчи Трояни,“ которые оно относитъ къ древнѣйшему періоду исторіи Славянъ¹⁵²⁾ и отъ которыхъ ведетъ свое лѣтосчисленіе.

Были, стало быть, „вѣчи Трояни,“ очень памятные для Славянъ вѣка; были, слѣдовательно, и Троянъ, имѣвшій великое вліяніе на судьбы Славянъ. Этого-то грознаго для нашихъ предковъ Римскаго Императора Сербская пѣсня представляетъ съ козыми ушами; его клянетъ Болгарская пѣсня; онъ-то и попалъ въ число боговъ Юго-Восточныхъ Славянъ, не какъ хорошій, надобно полагать, богъ, а по всему вѣроятію, какъ олицетвореніе общественнаго и политическаго зла.

Наконецъ мы должны указать еще и на свидѣтельство первой Русской лѣтописи о Волохахъ: „Волохомъ бо нашедшимъ на Словены Дунайскыя, и сѣдшимъ в нихъ и насилующимъ имъ“¹⁵³⁾. Разбирая, въ концѣ первой главы настоящаго изслѣдованія, свидѣтельство лѣтописи о Придунайской прародинѣ Славянъ, мы замѣтили, что, кромѣ выдѣленной тамъ нами книжной стихіи этого сказанія, въ немъ есть и стихія народная. Мы считаемъ такой стихіей именно эту часть сказанія, т. е. на-

¹⁵²⁾ Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярослава, сѣли плѣци Олгови“. Движеніе рѣчи пѣвца идетъ въ восходящемъ порядкѣ времени: „вѣчи Трояни“ предшествовали „лѣтамъ Ярославимъ,“ предшествовавшимъ, въ свою очередь, „плѣкамъ Олговымъ.“ Если читать съ Г. Тихонравовымъ „вѣчи Бояни“ вмѣсто „вѣчи Трояни,“ то естественная послѣдовательность изложенія этого мѣста будетъ сильно смущена, такъ какъ Ярославъ былъ старше Бояна. Читеніе Г. Тихонравова въ этомъ мѣстѣ порождаетъ и другія недоумѣнія. Къ чему было пѣвцу Игоря дѣлать изъ времени, протекшаго отъ Ярослава до Олега, особенную пору, когда онъ хорошо зналъ, что это непродолжительное время на чѣмъ особенно не отличалось, было только переходнымъ временемъ отъ лѣтъ Ярослава къ плѣкамъ Олега? Кромѣ того, что за пріемъ вдругъ называть цѣлую пору времени именемъ пѣвца, а не какого либо владѣтеля, какъ это видимъ въ названіи остальныхъ двухъ поръ?

¹⁵³⁾ По Ипатскому списку стр. 3.

шествіе Волоховъ на Славянъ, жившихъ на Дунаѣ. Влахами, Валахами, Влохами, Волохами, древніе Славяне называли Римлянъ¹⁵⁴). Болгаринъ Св. Климентъ въ Житіи Меѳодія пишетъ: соутъ въ ны въшли оучители мнози крѣстиани из влахъ, и из грѣкъ, и из нѣмьць¹⁵⁵). Въ первой Русской лѣтописи Италія называется землею „Волошьскою“. У Западныхъ и Южныхъ Славянъ и теперъ Итальянцы слывуть Влахами: у Чеховъ Wlach, у Поляковъ Wloch. Жители Славянскихъ селеній въ южной Италіи (Аквавивы и Сантофеличе) на вопросъ нашъ: „Какъ обращаются съ ними Италіанцы, отвѣчали: „Власи су добра челедь¹⁵⁶). Вотъ сколько данныхъ, что подъ „Волохами“ Нестора разумѣются Римляне. Шафарикъ, утверждая, что подъ ними слѣдуетъ разумѣть Кельтовъ, не приводитъ никакихъ данныхъ, подтверждающихъ такое мнѣніе. Ибо предположеніе, что Славяне называли первоначально Влахами Кельтовъ, требуетъ еще доказательствъ, которыхъ нѣтъ на лицо. Ссылкою на „Старый Влахъ“, какъ называется у Сербовъ край между Ибарой и Дриной, а также и на „Великую Влахию“ (Majorem Wlachiam), какъ названа въ посланіи Григорія XI, отъ 1373 г., Босна, этой ссылкой, говоримъ, ни сколько не подтверждается такое предположеніе. По мнѣнію Шафарика, „Стрый Влахъ“ и „Великая Влахию“ названы такъ Славянами отъ Кельтскихъ Скордисковъ, владѣвшихъ, какъ извѣстно, этими краями до Р. Хр. Но намъ не извѣстно, застали ли тамъ Славяне еще Скордисковъ, тогда какъ исторически извѣстно, что они застали тутъ Романское населеніе, которое и покорили себѣ. Имя Влаховъ, какъ они называли людей этого населенія, стало употребляться въ слѣдствіе этого у нихъ для обозначенія подчиненнаго, низшаго, сословія. Какъ въ этомъ послѣднемъ, такъ и въ первомъ значеніи, т. е., какъ имя людей Романскаго происхожденія, слово Влахъ и до сихъ поръ живетъ въ краяхъ, населенныхъ Сербами. И весьма естественно отъ него производить названія „Стараго, Влaha“ и „Великой Влахи“, находящихся въ этихъ краяхъ.

Примѣненіе сказанія Русской лѣтописи о нашествіи Волоховъ на Славянъ Придунайскихъ къ Римлянамъ доказывается

¹⁵⁴) См. Срезневскаго, „Чтенія о древней Русской лѣтописи“, стр. 21.

¹⁵⁵) По изданію О. М. Бодянскаго, въ „Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древн. Россійскихъ“, 1865 г., кн. I, Отд. 3, стр. 5 Списокъ харатейный XII-го вѣка.

¹⁵⁶) См. Статью Макушева, „О Славянахъ Молизскаго Графства“, стр. 7, 8.

еще тѣмъ, что, по смыслу этого сказанія, нашествіе Волоховъ, какъ бы послужило причиною разселенія Славянъ отсюда на Сѣверъ и Востокъ. Это послѣднее обстоятельство находитъ себѣ полное подтвержденіе въ извѣстіяхъ древнихъ о выселеніи нѣкоторыхъ изъ жителей Дакіи, по завоеваніи ея Трояномъ, за Карпатскія горы. Нѣтъ никакого повода, однако, предполагать, что и все Славянское населеніе покинуло тогда свою Придунайскую прародину и большими толпами двинулось на Сѣверъ по Вислѣ и Одрѣ и на Востокъ по Днѣстру, Днѣпру и пр. По извѣстіямъ древнихъ выселилась только незначительная часть, большинство же покорилось злой судьбѣ, подпало господству Рима, чтобы, черезъ нѣсколько времени, уничтожить его. Многіе изъ удалившихся тогда снова стали возвращаться¹⁵⁷⁾. И такъ мы имѣемъ всѣ основанія утверждать, что Славяне составляли главное ядро варварскаго міра на нижнемъ Дунаѣ въ занимающую насъ пору: имъ принадлежитъ немалая, если даже и не большая, доля участія въ разореніяхъ, которыя испытали Римскія владѣнія на Балканскомъ полуостровѣ въ теченіе всего III вѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что во время сихъ вторженій нѣкоторые изъ нихъ оставались въ этихъ опустошенныхъ краяхъ, гдѣ представлялась имъ возможность устроиться лучше, чѣмъ въ ихъ прежнихъ жилищахъ. Само Римское правительство, въ видахъ заселенія своихъ пустошей, увеличенія своихъ подданныхъ, наконецъ въ видахъ обезсиленія опасныхъ для него варваровъ, охотно дозволяло желающимъ изъ нихъ селиться въ земляхъ Имперіи, и даже заманивало ихъ къ тому искусственными мѣрами. Мы не будемъ далеки отъ истины, предположивъ, что между многочисленными варварами, переселившимися въ концѣ втораго вѣка, по окончаніи, такъ называемой, Маркоманской войны, въ Мизию, было и много Славянъ. Немало ихъ появилось тамъ и въ царствованіе Проба и Кара, которые, какъ было сказано, сотнями тысячъ переселяли этихъ варваровъ въ опустошенные края Имперіи. Во времена Діоклитіана, кромѣ огромнаго количества другихъ варваровъ, все племя Карповъ, по словамъ Аврелія Виктора, перешло на правый берегъ Дуная. При Константиѣ около 300,000 Языговъ размѣщены въ Мизіи, Оракіи и Македоніи, а Карпы и Языги, по всему вѣроятію, были Славянскія племена.

¹⁵⁷⁾ Dio Cass. 1. 72, 73.

Такъ вотъ къ какому времени, по нашему разумѣ-
нію, должно относить начало Славянскихъ поселе-
ній на полуостровѣ. Выведенное изъ разсмотрѣнія наро-
дописнаго состава варварскаго Придунайскаго міра въ первые
вѣка нашего лѣтосчисленія, равно какъ изъ отношеній этого
міра къ Имперіи въ это время, наше заключеніе находитъ себѣ
полное подтвержденіе и со стороны признаковъ присут-
ствія Славянъ на полуостровѣ, восходящихъ, какъ было
показано, ко времени, предшествовавшему великому переселе-
нію народовъ. Подтверждая нашъ выводъ, эти признаки въ то же
время находятъ себѣ въ немъ самое удовлетворительное и
естественное объясненіе.

Глава III.

Славяне и Восточная Имперія съ половины IV до половины VII в.

Преобразованіями Діоклигіяна и Константина, возстановленіемъ пограничныхъ укрѣпленій на Дунаѣ и бдительнаго надзора за происходившими въ прилежавшемъ къ этой границѣ Имперіи варварскомъ мірѣ движеніями, Балканскій полуостровъ былъ выведенъ изъ того хаоса, въ который повергли его непрерывныя вторженія варваровъ въ теченіи всего III вѣка. Стараніями этихъ Императоровъ занимающія насъ области были вызваны къ новой жизни. Синекдемъ Героклеса, писанный, быть можетъ, въ началѣ VI вѣка, но по источникамъ древнѣйшимъ, насчитываетъ въ нихъ около 150 городовъ, большая часть которыхъ возникла, или, по крайней мѣрѣ, была возстановлена именно въ эту пору¹⁾. Сельское населеніе достигло также значительной плотности, благодаря, главнымъ образомъ, переселенію сюда огромнаго числа варваровъ, которыхъ искусно приучали къ занятію земледѣльствомъ²⁾. Греческій писатель IV вѣка, Евнапій, съ удивленіемъ указываетъ на цвѣтущее состояніе Фракіи, Македоніи и Фессаліи: на ихъ неописанныя богатства, многочисленность и на дѣятельную жизнь, кипѣвшую въ нихъ³⁾. Вообще, какъ внѣшнимъ блескомъ, такъ и внутреннимъ благоденствіемъ, Придунайскія области, оставили далеко за собою даже Прирейнскія области сдѣлались предметомъ зависти и удивленія для другихъ частей Имперіи. Недолго, однако, продолжалось это относительное благоденствіе. Во второй

¹⁾ „Prolegomena in Hieroclis Synecdemum,“ p. 621, въ Vesselingii: „Itineraria Romanorum vetera“. Amstel. 1735, 4. Срав. Фельмерајера, „Geschichte der Halbinsel Morea“, I, 266.

²⁾ См. у Гиббона II, p. 112.

³⁾ Ἡ μὲν γὰρ Θράκη πᾶσα καὶ ἡ συνεχῆς αὐτῇ χώρα Μακεδονία καὶ Θεσσαλία ποικίλη τις ἐστὶ καὶ οὕτω πολυὺμένητος ὥστε οὐδὲ εἰς κατὰ ταῦτα ἀναγράφειν ὁ λόγος ἔνν. Τοσαύτην δὲ οὖσαν αὐτὴν καὶ οὕτω πολυάνθρωπον εὐδαίμονά τε ἅμα καὶ εὐάνδρον. . . . . Eunap. in „Excerpt. de legat.“, ed. Venet. 14. ed. Bonn. 51.

половинѣ IV вѣка варвары возобновляютъ свои вторженія въ предѣлы Имперіи, направляя ихъ главнымъ образомъ на эти владѣнія ея, маневрившія ихъ своимъ блескомъ и благосостояніемъ. Послѣднему обстоятельству слѣдуетъ приписать то, что во время, такъ называемаго, великаго переселенія народовъ ни одна часть Римской Имперіи не была такъ глубоко потрясена, какъ Балканскій полуостровъ⁴⁾.

Въ 376 г. Весть-Готы, тѣснимые Гуннами, находятъ убѣжище у Императора Валента, позволившаго имъ поселиться въ Мизіи. Едва они успѣли перейти въ эту страну, какъ принялись грабить и опустошать сосѣднія съ нею области, Фракію и Македонію. Для обузданія этихъ вѣроломныхъ варваровъ, Валентъ принужденъ былъ выступить противъ нихъ со всѣми своими военными силами, но подъ Адриянополемъ (9 Августа, 378 года) потерпѣлъ страшное пораженіе, какового, по словамъ Ам. Марцеллина, Римляне не помнили со временъ битвы при Каннахъ⁵⁾. Большая половина Императорскаго войска покрыла своими трупами поле битвы; погибъ тутъ и самъ Валентъ, вмѣстѣ со всѣми начальниками многочисленной Римской рати. Побѣдители сдѣлались полными хозяевами на всемъ полуостровѣ, отъ Юлійскихъ Альпъ до самаго Константинополя. Ихъ буйства въ этой странѣ слишкомъ извѣстны, чтобы останавливаться на описаніи ихъ; укажемъ только на свидѣтельства двухъ современниковъ, изображающихъ послѣдствія этихъ буйствъ. Тотъ же самый Евнапій, который удивлялся, какъ было замѣчено, цвѣтущему состоянію полуострова до появленія здѣсь Весть-Готовъ, послѣ вторженій ихъ пишетъ: „Только кое-какіе города, и то весьма немногіе, уцѣлѣли и держатся, благодаря своимъ неприступнымъ стѣнамъ и укрѣпленіямъ. Все же остальное эта война уничтожила, сдѣлала необитаемымъ“⁶⁾. По словамъ другого современника, Св. Иеронима, Весть-Готы, разрушеніемъ городовъ и избіеніемъ ихъ жителей, превратили цвѣтущія не за долго предъ тѣмъ области въ совершенную пустыню⁷⁾.

4) Финлей, „Griechenland unter den Römern.“ 154, 233.

5) „Nec ulla annalibus, praeter Cannensem pugnam, ita ad internecionem res legitur gesta“. Am. Marc. XXX, 13.

6) Ἡ δὲ χώρα καὶ τὸ πλεῖστον ἐπανάλωται καὶ ἐστὶν ἀοίκητον καὶ ἄβατον διὰ τὸ πόλεμον. Excerpta de legation. Ibid.

7) „Et vastatis urbibus hominibusque interfectis, solitudinem et raritatem bestiarum quoque fieri et volatilium: testis Illyricum est, testis Thracia, testis, in quo ortus sum, solum (Pannonia), ubi, praeter coelum et terram et crescentes vepres et condensa silvarum, cuncta perierunt“. См. у Гиббона, IV, 348.

Въ 402 г. Вестъ-Готы выселились въ Италію, по опустошенная ими страна не успѣла оправиться, какъ подверглась новому разоренію, лишившему ее, по словамъ Проспера Тирона, семидесяти городовъ⁸⁾. Эти новые враги были Гунны, въ теченіе пяти лѣтъ (442—447)⁹⁾ разорявшіе Восточную имперію и покинувшіе ее лишь тогда, когда Императоръ Θεодосій согласился выдать имъ единовременно 6,000 фунтовъ золота и обязался имъ ежегодною данью въ 2000 фунтовъ.

Въ какое положеніе повергли области Балканскаго полуострова помянутые два прогрома, это всего яснѣе доказываютъ слѣдующія происшествія. По распаденіи Гуннской державы цѣлыя племена, вышедшія изъ-подъ власти Гунновъ, переходятъ на правый берегъ Дуная и преспокойно размѣщаются въ прилежащихъ къ нему областяхъ Имперіи. Сарматы, вмѣстѣ съ Цемандрами и съ частію Гунновъ размѣстились, по словамъ Иорнанда, въ Илиріи, въ окрестностяхъ города Мартена;¹⁰⁾ Скиры, Сатагары и прочіе Аланы занимаютъ Малую Скиѳію и Нижнюю Мизію; Остъ-Готы, помѣстившіеся сначала въ Панноніи, перешли вскорѣ (въ 474 г.) на югъ отъ Савы и заставили Императора Зинона уступить имъ земли въ Дарданіи, Мизіи и Македоніи. Кромѣ этихъ племенъ, и значительныя толпы Гунновъ нашли убѣжище на полуостровѣ. Младшій сынъ Атилы, Эр-накъ, занявъ, съ своимъ отрядомъ, верхнюю часть Малой Скиѳіи (Добручи),¹¹⁾ остальную большую часть которой, какъ было замѣчено, заняли Скиры, Сатагары и пр. Емнедзаръ и Узиндуръ поселились въ прибрежной Дакии; Уто и Искальмъ, долго блуждая, переходя съ мѣста на мѣсто, наконецъ также переселились въ Имперію¹²⁾.

Почти всѣмъ этимъ непрошенымъ гостямъ Правительство принуждено было платить дань, за что они обязывались служить ему вѣрно противъ враговъ, какъ внѣшнихъ, такъ и

⁸⁾ „Nova iterum orienti consurgit ruina, qua septuaginta non minus civitates Chunnorum depraedatione vastatae“. Roncalii, „Vetustiora latinor. script., Chronica“, I, 754.

⁹⁾ Еще въ 408 г. Повелитель Гунновъ, Улдъ (Οὐλδης, Uldes), вторглся въ Мизію и проникъ даже во Фракію, но это вторженіе не было особенно губительно для этихъ областей.

¹⁰⁾ Jornand. c. 50. Городъ Мартенъ (castrum Martena) ищутъ въ Панноніи, но, какъ замѣтилъ еще Шафарикъ, едва ли онъ не лежалъ на югъ отъ Дуная и Савы. По всему вѣроятію это — *Καστράμαρτις* (Castra Martis), который Созоменъ (IX, 5) называетъ πόλις τῆς Μοισίας.

¹¹⁾ „In extremo minoris Scythiae sedes delegit.“ Jorn. 50.

¹²⁾ „Passim proruentes tunc se in Romaniam dederunt“. Jorn. c. 50.

внутреннихъ. Но при малѣйшемъ замедленіи, или неисправности въ уплатѣ этой дани, которая была единственнымъ средствомъ къ существованію для многихъ изъ нихъ, при малѣйшей неловкости въ обращеніи съ ними правительственныхъ лицъ, непрошенные союзники брались за оружіе и распространяли гибель и опустошеніе до самой столицы. Очень замѣчательное въ этомъ отношеніи поведеніе обоихъ Теодориковъ (Триарія и Великаго) слишкомъ извѣстно, чтобы останавливаться на немъ. Отмѣтимъ только одинъ изъ поступковъ этихъ варваровъ. По свидѣтельству Малха, они отрубали руки у беззащитныхъ поселянъ, чтобы дѣлать ихъ неспособными къ воздѣлыванію полей. И это, какъ видно, было въ большемъ ходу между Остѣ-Готами; ибо, по словамъ Малха, черезъ это земледѣліе во Фракіи было совсѣмъ пріостановлено¹³⁾.

Въ 489 г. Остѣ-Готы оставили, наконецъ, Балканскій полуостровъ и двинулись, подъ предводительствомъ Теодорика Великаго, въ Италію, чтобы завоевать ее и основать тамъ Остѣ-Готское Королевство.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Придунайскіе Славяне не могли оставаться спокойными зрителями этихъ бурныхъ движеній, происходившихъ среди нихъ и вокругъ нихъ въ теченіе цѣлаго столѣтія; нѣтъ сомнѣнія, что и они принимали участіе въ означенныхъ переселеніяхъ на Балканскій полуостровъ, но, за неимѣніемъ болѣе, или менѣе, ясныхъ данныхъ, не возможно съ точностію опредѣлить степень ихъ участія въ этомъ дѣлѣ. Вотъ по чему, боясь впасть въ ошибочныя предположенія и гаданія, мы не будемъ останавливаться слишкомъ долго на этомъ вопросѣ. Отмѣтимъ только, какъ бы мимоходомъ, нѣсколько происшествій этого темнаго въ исторіи Славянъ времени, въ которыхъ, съ нѣкоторою вѣроятностію, можно предполагать большее, или меньшее, участіе Славянства.

Въ то время, когда надъ Гуннами царствовалъ Руа, дядя Атиллы, многіе изъ Придунайскихъ его подданныхъ, тяготясь его владычествомъ, переходили на правый берегъ Дуная, гдѣ встрѣчали радушный пріемъ со стороны Римскихъ властей, отводившихъ имъ земли для поселенія въ Мизіи и Фракіи. Судя по рассказамъ Приска, эти переселенцы были изъ племенъ: Амилзуровъ, Итимаровъ, Тоносурсовъ и Боис-

¹³⁾ Τὸ γεωργικὸν ἔργον ποιῶσαντες ἀνάστατον. Malch in „Excerpt. de legat.“, p. 95.

ковъ, обитавшихъ на лѣвомъ берегу нижняго Дуная и заводившихъ переговоры съ Римскимъ Правительствомъ для заключенія союза противъ ненавистныхъ имъ Гунновъ¹⁴⁾. Эти, очевидно, не Гуннскія и не Нѣмецкія, племена, очень можетъ быть, были Славянскія. Названіе послѣдняго изъ нихъ, Боисковъ (*Βοῖσκοι*), совершенно почти тождественно съ названіемъ Славянскихъ Бойковъ, какъ назывались, по Константину Багрянородному, Прикарпатскіе предки Сербовъ (*Βοῖκοι*) и какъ и по нынѣ называются Русскіе, живущіе въ восточной Галиціи¹⁵⁾.

Изъ племень, перешедшихъ на полуостровъ, по распаденіи Гуннскаго Царства, народность Сатагаровъ, Скировъ, Цемандровъ, Сарматовъ и Алановъ, остается пока загадкой, вопросомъ въ наукѣ; но едва ли вопросъ этотъ не будетъ рѣшенъ въ пользу Славянскаго происхожденія, если не всѣхъ этихъ племень, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ. Скировъ Шафарикъ признавалъ за Скандинавское племя, родственное Геруламъ¹⁶⁾; но болѣе глубокой знатокъ Древне-Нѣмецкой народописи, Цейсъ, не признаетъ ихъ Нѣмцами, а относитъ къ Скиѣскимъ и Сарматскимъ племенамъ, подъ которыми, какъ мы имѣли уже случай убѣдиться, разумѣлись часто Славянскія племена¹⁷⁾. Сатагаровъ или Сатаговъ еще Маннертъ признавалъ Славянами, въ чемъ соглашался съ нимъ и Шафарикъ¹⁸⁾. Въ пользу Славянскаго происхожденія этихъ, а также и нѣкоторыхъ изъ другихъ племень, переселившихся въ это время на правый берегъ нижняго Дуная, говоритъ и то обстоятельство, что племена эти не приняли участія въ передвиженіи Остъ-Готовъ отсюда на западъ, въ Италію, а остались въ занятыхъ ими областяхъ Восточной Имперіи, то есть, въ Малой Скиѣи (Добручѣ), Мизіи и Θракіи, гдѣ мы около этого времени застаемъ довольно густое Славянское населеніе¹⁹⁾.

¹⁴⁾ Ῥοῦα βασιλεύοντος Οὐννων, Ἀμιλζούροις, καὶ Ἰτιμάροις καὶ Τονωσοῦροι καὶ Βοῖσκοις καὶ ἑτέροις ἔθνεσι προσαικοῦσι τὸν Ἰστρον, καὶ εἰς τὴν ὀρεινὴν καταφυγάνουσιν, ἕς μάχην ἔλθειν προηρημένος ἐκπέμπει Ἦολαν. Prisc., ed. Bonn., p. 166. Юрнандъ также знаетъ эти племена, которыя называетъ: „Alpizuros, Alcidzuros, Itimaros, Turcarsos et Boiscos.“ С. 24.

¹⁵⁾ Шафарика, „Слав. Народ.“ перев. О. М. Бодянского, стр. 24.

¹⁶⁾ „Славянск. Древности“, I, кн. 2, 259.

¹⁷⁾ „Die Deutschen“ etc., S. 703.

¹⁸⁾ Маннертъ „Germanien“, 583.

¹⁹⁾ Не только эти племена, но даже и многіе изъ Готовъ, не отправились съ Теодорихомъ, а остались на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ, какъ увидимъ, и въ IX-мъ вѣкѣ еще сохраняли свой языкъ и народность.

Два года спустя по выселеніи Ость-Готовъ въ Италію, а именно, въ 493 г., мы узнаемъ, что во Фракіи свирѣпствуютъ варвары, отъ меча которыхъ въ этомъ году погибаетъ главноначальствующій Фракійскими войсками, Юліанъ, вступившій съ ними въ битву въ ночную пору²⁰). Комисъ Марцеллинъ называетъ этихъ варваровъ Скиоами или Гетами. По словамъ его, эти же самые варвары, Геты, (Getae), въ 517 г. страшно опустошали уже южныя области полуострова: Македонію, Фессалію, древній Эпиръ и сѣверную Грецію до Фермопилъ²¹). Императоръ Анастасій послалъ имъ 1,000 фунтовъ золота, для выкупа плѣнныхъ; но выкупъ этотъ показался варварамъ недостаточнымъ: они отпустили на волю только часть плѣнныхъ, другую же, большую часть ихъ, предали жестокой смерти, въ виду Императорскаго Префекта²²).

Въ одно время съ Гетами на полуостровѣ свирѣпствовали и Болгаре. По свидѣтельству все этого же современнаго лѣтописца, Аристы, начальникъ Илирійскихъ войскъ, предпринялъ походъ, въ 499 год., противъ Болгаръ, разорывшихъ тогда Фракію. При рѣкѣ Цуртъ онъ сразился съ ними, но потерпѣлъ сильное пораженіе, потерялъ до 4,000 человекъ, въ числѣ которыхъ находились: Комисъ Никостратъ, Иннокентій и Аквиліанъ, составлявшіе гордость Илирійскаго войска²³). Въ 502 г. Болгаре снова опустошили Фракію, которую, по словамъ Марцеллина, никто болѣе не защищалъ²⁴). Здѣсь мы впервые встрѣчаемъ Болгаръ воюющими на Балканскомъ полуостровѣ. Но еще за нѣсколько лѣтъ до этого времени они дѣлаются извѣстными на нижнемъ Дунаѣ. По свидѣтельству Іоанна Антиохійскаго, еще въ 482 г. Императоръ Зинонъ приглашалъ ихъ на помощь противъ Готовъ²⁵). О столкновеніи

²⁰) „Julianus, magister militiae, nocturno praelio pugnans, Scythico (Getico) ferro in Thracia confusus, interiit.“ Roncalli, „Vetustiora latin. script. chron.“ II, p. 303. Хроника К. Марцеллина, писанная въ 534 г., есть единственный и довольно полный памятникъ для исторіи царствованій Зинона (474—491) и Анастасія (491—518). См. у Гиббона, VII, p. 6.

²¹) „Duae tunc Macedoniae Tessaliaque vastata est et usque Thermopylas veteremque Epirum Getae equites depraedati sunt.“ Roncal. 2, 315.

²²) Тамъ же.

²³) Тамъ же, стр. 305.

²⁴) „Consuetudine gens Bulgarorum saepe Thraciam, nullo Romanorum milite resistente, iterum devastavit.“ Ibid., p. 306.

²⁵) Мюллера, „Fragmenta Histor. Graec.“ edit. Didot. IV, p. 619. Замѣтимъ мимоходомъ, что одинъ изъ новѣйшихъ Нѣмецкихъ историковъ съ прискорбіемъ замѣчаетъ, что этимъ поступкомъ Зинона „war es entschieden, dass die Halbinsel nicht germanisch, sondern slavisch wurde.“ Рёслеръ, „Romänische Stud.“ 231.

ихъ съ Готами, около этого времени говоритъ Министръ и другъ Теодорика Великаго Кассіодоръ. Перечисляя, въ своей краткой лѣтописи, важнѣйшія дѣла и подвигъ Теодорика, Кассіодоръ замѣчаетъ, что и Болгаре были обузданы, благодаря храбрости его²⁶). Тицинскій Епископъ Еннодій, въ своемъ панегирикѣ Теодорику, упоминаетъ о двухъ побѣдахъ, одержанныхъ имъ надъ Болгарами, которые дотолѣ считались непобѣдимыми, не знавшими никакого сопротивленія²⁷). Одною изъ этихъ побѣдъ, по словамъ Еннодія, Теодорикъ украсилъ свою цвѣтущую молодость; другую же панегирикъ относитъ къ преклоннымъ лѣтамъ Ость-Готскаго Короля, по причинѣ которыхъ онъ не могъ лично присутствовать при сраженіи своихъ воиновъ. Свидѣтельство Еннодія не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что первая война Ость-Готовъ съ Болгарами происходила до перехода первыхъ въ Италію²⁸) и имѣла мѣсто гдѣ-то на нижнемъ Дунаѣ; это, по всему вѣроятію, та самая война, которую, по словамъ Іоанна Ефесскаго, Болгаре начали по приглашенію Императора Зинона. О второй же изъ упоминаемыхъ Еннодіемъ стычекъ между этими двумя народами, относимой имъ къ преклоннымъ лѣтамъ Теодорика, говорятъ и сохранившіеся до насъ два памятника изъ Канцеляріи наслѣдника Теодорикова, Аталариха²⁹). Она происходила на среднемъ Дунаѣ, не далеко отъ города Сирмія, лежавшаго на восточной границѣ Ость-Готскаго Королевства. Такимъ образомъ, еще за десять и болѣе лѣтъ до перваго исторически извѣстнаго столкновенія Болгаръ съ Восточною Имперіею, этотъ народъ уже встрѣчается намъ на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ. Но кто были вторгавшіеся въ одно время съ Болгарами Геты, тотъ грозный народъ, который, въ 493 г., убилъ главноначальствующаго Тракійскими войсками Имперіи, а въ 517 г. распространилъ свои опустошенія даже до Термопилъ? Тунманъ, Енгель, Шафарикъ и многіе другіе безъ всякихъ доказательствъ считаютъ ихъ Болгарами³⁰). Въ новѣйшее время Карль Гоппфъ, повторяя это же мнѣніе, оправдываетъ его примѣчаніемъ, что

²⁶) „Chronicon Cetheo,“ in „Maxima Biblioth. Patrum,“ t. XI, p. 1368.

²⁷) „Haec est natio, cujus ante fuit omne, quod voluit... Quum ante dimissionem tuam non contigit agnovisse resistentem“ etc. Ennodii opera, ed. Sirmond. Paris, 1611, I, 962.

²⁸) См. „Histor. Miscel.“ у Муратори, „Rer Italic. script.“ I, p. 1, pag. 100.

²⁹) Cassiodori, „Variar. epp.“ X, XXI.

³⁰) Тунманъ, „Untersuchun.“ 50; Шафарикъ, „Слavia. Древн.“ II, кн. 1, 262; Рёслеръ, „Rom. Stud.“ 234.

Зонара, говоря о варварских буйствахъ на полуостровѣ въ 518 г., вмѣсто Гетовъ Марцеллина, называетъ Болгарь³¹⁾. Странный историко-критическій приемъ объяснять свидѣтельство современника, очевидца, сказаніями позднѣйшихъ писателей, компиляторовъ! Марцеллинъ употребляетъ названія Геты и Болгаре безразлично: у него это два отдѣльные племена, какъ видно изъ слѣдующаго его свидѣтельства, которое выше помянутые изслѣдователи упускаютъ изъ вида. Подъ 529 годомъ нашъ лѣтописецъ пишетъ, что Римскій военачальникъ „Мундо, отразивъ Гетовъ, разорявшихъ Илирикъ, поспѣшилъ во Фракію, гдѣ посчастливилось ему разбить и грабившихъ ее Болгарь“³²⁾. Припомнимъ при этомъ, что Марцеллинъ жилъ тогда въ Константинополѣ, былъ, слѣдовательно, не только современникомъ этихъ событій, но даже и очевидцемъ ихъ. Предоставляя себѣ право поговорить о Болгарахъ въ болѣе удобномъ мѣстѣ, мы остановимся здѣсь на Гетахъ. Можно положительно утверждать, что подъ Гетами Марцеллина разумѣются Славяне. Въ этомъ удостовѣряетъ прежде всего свидѣтельство Теофилакта Симокаты, жившаго въ одномъ вѣкѣ съ Марцеллиномъ и называющаго весьма часто Славянъ Гетами³³⁾. Въ одномъ мѣстѣ онъ даже и прямо утверждаетъ, что названіе Геты есть древнѣйшее имя Славянъ³⁴⁾. Прибавимъ еще, что этому писателю безызвѣстны и Болгаре³⁵⁾. Свидѣтельство Теофилакта, современника почти Марцеллина, безспорно имѣетъ несравненно больше вѣса въ вопросѣ о народности занимающихъ насъ Гетовъ, чѣмъ сказаніе Зонары, который, какъ и прочіе позднѣйшіе выписчики, весьма часто роднитъ и отождествляетъ другъ съ другомъ самые разноплеменные народы. Относительно Гетовъ Марцеллина Зонара могъ впасть въ подобную ошибку и смѣшать ихъ съ Болгарами тѣмъ легче, что въ его время, въ XII вѣкѣ, большая часть Нижнедунайскихъ Славянъ и въ

³¹⁾ „Geschichte Griechenland,“ въ „Allgem. Encykl. d. W. und. K.,“ Эрша и Грубера 85 стр. 79.

³²⁾ „Ind. VIII, Lampedio et Oreste coss. Mundo Illyricianae utriusque militiae ductor, dudum Getis Illyricum discursantibus primus omnium Romanorum ducum incubuit eosque haud paucis ipsorum interemptis fugavit. His autem deinde coss. idem dux, audaciae suae secundus, in Thraciam quoque advolans, praedantes eam Bulgaros feliciore pugna cecidit, quingentis eorum in proelio trucidatis.“ Roncal. „Vet. lat. script. chron. 11, 320.

³³⁾ L. III, c. 4; l. VI, c. 6; l. VII, c. 2.

³⁴⁾ Τοῖς ἑταῖς τοῦτο γὰρ τοῖς βαρβάραις (τοῖς Σκλαβήνοις) τὸ πρεσβύτερον ἔνομα. L. VII, c. 2.

³⁵⁾ L. VI, c. 4.

сагомъ дѣлѣ уже называлась по имени Болгарь. Зная это, нельзя не удивляться выше помянутымъ изслѣдователямъ, которые въ данномъ случаѣ отдавая, по чему-то, предпочтеніе сказаніямъ Зонары, и принимая при этомъ имя Болгарь въ значеніи орды Уральскихъ Кочевниковъ, приписываютъ этой ордѣ всѣ бѣдствія, обрушившіяся на Европейскія владѣнія Восточной Имперіи въ царствованіе Анастасія (491—518).

Не подлежитъ сомнѣнію, что Марцеллинъ называетъ варваровъ, со такою яростію пронесшихся въ его время до самыхъ Оермопиль, Гетами на томъ основаніи, что они выходили сюда изъ Гетіи, гдѣ находились, слѣдовательно, ихъ прежнія жилища. А что большинство населенія древней Гетіи издавна составляли Славяне, на это, надѣмся, мы привели уже достаточно убѣдительныхъ доводовъ. Здѣсь представляется намъ случай привести еще нѣсколько данныхъ, какъ для полнѣйшаго подтвержденія этого положенія, такъ и для доказательства, что и въ занимающую насъ пору оно остается во всей силѣ. Современникъ Марцеллина Прокопій, которому мы обязаны первыми яснѣйшими извѣстіями о Славянахъ, говоритъ, что они занимаютъ большую часть страны, лежащей по ту сторону (на сѣверъ) Дуная³⁶). Онъ называетъ при этомъ двѣ вѣтви этого племени: Восточную — Антовъ и Западную — Славянъ въ собственномъ смыслѣ³⁷). Границею между ними служило, приблизительно, верхнее и среднее теченіе Днѣстра. Въ нижнемъ теченіи этой рѣки жилища Антовъ, какъ увидимъ вскорѣ, заходили и за правый берегъ ея³⁸). Какъ далеко на западъ простирались жилища Славянъ въ собственномъ смыслѣ, Прокопій не опредѣляетъ, но у него мы находимъ косвенныя указанія, проливающія довольно яркій свѣтъ и на этотъ предметъ. Мы разумѣемъ его извѣстіе о трехъ вторженіяхъ Славянъ въ западную часть Балканскаго полуострова, куда они проникали изъ западныхъ частей древней Дакии. Такимъ образомъ, по свѣдѣніямъ Прокопія, Славяне занимали своими раскиданными жилищами всю древнюю Дакию или Гетію. То же самое подтверждаетъ и Маврикій, замѣчая, что рѣки Славянъ вливаются въ Дунай³⁹),

³⁶) Τὸ γὰρ πλείστον τῆς ἐτέρας τοῦ Ἰστροῦ ἔχθης αὐτὰ νέμονται. *Bel. Goth.* c. 14.

³⁷) См. Шафарика, „Слав. Древн.“ II, кн. 1, 33 и слѣд.

³⁸) См. ниже примѣч. 58.

³⁹) Τῶν γὰρ ποταμῶν αὐτῶν ἐπιμιγνυμένων τῷ Δανουβίῳ. . . . *Strategicon* I. XI, c. 5.

а также Менандръ и Теофилактъ Симоката, какъ увидимъ ниже⁴⁰⁾.

Лѣтописцы не говорятъ, чтобы Византія принимала какія ни будь мѣры для обузданія Гетовъ Марцеллина (Славянъ), наводнившихъ ея области на Балканскомъ полуостровѣ: страна эта была какъ бы совершенно предоставлена на ихъ произволь. Это доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что въ 512 г. Императоръ Анастасій воздвигъ знаменитую стѣну отъ Силиврии на Мраморномъ морѣ до Деркона на Черномъ. Этой стѣною, простиравшеюся въ длину на 280 стадій, обезпечена была болѣе, или менѣе, безопасность столицы и ея окрестностей, но области, находящіяся за этой оградой, которую Евагрій называетъ „знаменіемъ безсилія⁴¹⁾“, памятникомъ трусости“, предоставлены были на волю судьбы: о защитѣ ихъ не было болѣе и рѣчи во все остальное время царствованія Анастасія. Какъ было замѣчено уже, еще за годъ до смерти этого Императора, Славяне, не встрѣчая никакого сопротивленія, опустошали Македонію, Эпиръ, Фессалію и проникали до Термопилъ. Также благоприятно было для нихъ и царствованіе Юстина, продолжавшееся съ 518—527. Мы имѣемъ всѣ основанія утверждать, что во время этихъ двухъ царствованій, обнимающихъ собою періодъ времени въ 35 лѣтъ, на полуостровѣ водворилось множество Славянъ.

Въ 527 г. Византійскій престолъ занялъ Юстиніанъ, принявшій Имперію, по выраженію Прокопія, въ страшномъ разгромѣ (*πλημελῶς κινουμένην*)⁴²⁾. Онъ дѣятельно принялся за возстановленіе потрясенной ея власти на Балканскомъ полуостровѣ. Еще въ первый годъ его царствованія полководецъ Германъ нанесъ сильное пораженіе одному отряду Антовъ, только что перешедшему Дунай: только немногіе изъ враговъ, составлявшихъ этотъ отрядъ, успѣли спастись отъ гибели и возвратились назадъ⁴³⁾. Эта блистательная побѣда навела большой страхъ на занимавшее лѣвый берегъ Дуная Славянство, потерявшее было, при предшественникахъ Юстиніана, всякое

⁴⁰⁾ Въ виду этихъ свидѣтельствъ мы позволяемъ себѣ согласиться съ тѣми, которые ищутъ „Novietunensis“ и „Iacus Mursianus“, до которыхъ, по словамъ Горнанда, простирались жилища Славянъ на западъ, на среднемъ Дунаѣ, около впаденія въ него Савы и Дравы.

⁴¹⁾ См. у Гопфа „Gesch. Griechenl.“ 97.

⁴²⁾ „De aedific.“ ed. Venet. p. 396.

⁴³⁾ Прокопій, „De bello Goth.“ III, 40.

уваженіе къ Римскому оружію. Чтобы совсѣмъ загородить тамошнимъ Славянамъ дорогу въ предѣлы Имперіи, Юстиніанъ немедленно приступилъ къ укрѣпленію, около 80, частию выстроенныхъ вновь, частию возстановленныхъ⁴⁴). Защита укрѣпленной такимъ образомъ сѣверной границы ввѣрена была, въ 531 г., отличнѣйшему полководцу, Хвилибуду, который, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, былъ родомъ Антъ. Современо съ этими мѣрами, имѣвшими въ виду Славянъ, обитавшихъ внѣ предѣловъ Имперіи, на сѣверъ отъ нижняго Дуная, принимались не менѣе дѣятельныя мѣры противъ внутреннихъ Славянъ, сидѣвшихъ уже въ областяхъ Имперіи, но не признававшихъ надъ собою ея власти. Обузданіе ихъ было поручено, въ 529 г., полководцу Мундо, который хотя и имѣлъ нѣсколько удачныхъ стычекъ съ этими неугомонными врагами⁴⁵), но оказался не въ силахъ привести всѣхъ ихъ къ покорности. Многіе изъ нихъ, владѣя выгодными въ стратегическомъ отношеніи мѣстностями, сумѣли отразить сдѣланное на нихъ нападеніе и, сохранивъ свою полную независимость, остались открытыми врагами въ сердцѣ Имперіи, готовыми ежеминутно къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ нея. На существованіе такого независимаго и безпокойнаго населенія въ занимающихъ насъ областяхъ указываетъ то, что Юстиніанъ, кромѣ укрѣпленій, воздвигнутыхъ на Дунаѣ, воздвигъ еще около 600 другихъ укрѣпленій во внутреннихъ областяхъ Дакии, Эпирѣ, Фессалии и Македоніи. Фракіійскій Херсонесъ и полуостровъ Паллена были ограждены каждый особеннымъ рядомъ укрѣпленій. Возстановлены укрѣпленія, защищавшія Формоны и Коринѣскій перешеекъ. Что вызвало возведеніе столь многихъ укрѣпленій во внутреннихъ и южныхъ областяхъ Балканскаго полуострова? На это прямо намъ указываетъ Прокопій, и указываетъ именно въ томъ сочиненіи, которое онъ написалъ, чтобы прославить Юстиніана, какъ возстановителя власти Имперіи въ этихъ областяхъ, въ слѣдствіе чего онъ тщательно умалчиваетъ обо всемъ, что бы могло противорѣчить этой цѣли⁴⁶). Повѣствуя объ укрѣпленіи Филиппополя и Платинополя, онъ обронилъ словечко, что

⁴⁴) Гиббонъ, VII, р. 113.

⁴⁵) См. выше прим. 32.

⁴⁶) Во время составленія этого сочиненія Прокопій находился подъ страхомъ ἀπολωλέναι θανάτῳ οἰκτίστῳ, за внесеніе въ свой трудъ какого ни будь неблаговиднаго показанія. См. Isambert, „Anecdota Procopii.“ Paris, 1856, I, въ Introduction.

укрѣпленія эти были воздвигнуты противъ варваровъ, которые, въ большомъ множествѣ, занимали окрестности этихъ городов⁴⁷⁾. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о возстановленіи крѣпости Адины, лежавшей въ Мизіи, не далеко отъ крѣпости Палматы, онъ уже и прямо указываетъ, что въ окрестностяхъ ея укрывались „варвары Славяне,“ не давашіе прохода никому⁴⁸⁾, и что именно это обстоятельство побудило Императора къ укрѣпленію Адины. Славянами же, по всему вѣроятію, были и тѣ варвары, противъ которыхъ было воздвигнуто укрѣпленіе у устья р. Рехія⁴⁹⁾, для защиты плодоноснѣйшей долины этой самой южной рѣчки Македоніи⁵⁰⁾.

Но всѣ эти мѣры, предпринятія Византіею для умиротворенія и обузданія внутреннихъ враговъ, а также для защиты сѣверныхъ областей отъ вторженія въ нихъ новыхъ варваровъ, не были проведены до конца и оказались тщетными. Вниманіе Юстиніяна было отвлечено отъ этой страны къ другимъ концамъ Имперіи, къ другимъ цѣлямъ. Начинается рядъ долговременныхъ войнъ съ Персами на Востокѣ, съ Вандалами въ Африкѣ, съ Остъ-Готами въ Италиі, войнъ, наполнявшихъ все долговременное царствованіе Юстиніяна, поглощавшихъ всѣ средства Имперіи. Полуостровъ былъ оставленъ безъ надлежащей защиты; многочисленныя укрѣпленія его, брошенныя безъ достаточной стражи, не привели къ цѣли. Прокопій, прославившій Юстиніяна за эти укрѣпленія въ заказномъ своемъ сочиненіи о „Постройкахъ“, въ „Анекдотахъ“ прямо называетъ эти постройки, ради которыхъ Юстиніянъ не щадилъ ни имущества своихъ подданныхъ, ни ихъ жизни, „безумными постройками“⁵¹⁾. Въ 534 г. Хвилибудъ, которому ввѣрена была защита сѣверной границы, переправился черезъ Дунай для нападенія на Славянъ, жившихъ на лѣвомъ берегу его. Но они его встрѣтили съ большою силою, перебили его воиновъ,

⁴⁷⁾ Φιλιππουπόλεως τε και Πλωτινοπόλεως τά τε ἐνδέοντα και καταπεπονηκότα σπουδῇ τῇ πάσῃ ἠκροδομήσατο ἐπεὶ αὐτὰς ἐπιμαχώτατας ξυνέβαινεν εἶναι, καιπερ ἔθνεσι γειτονούσας βαρβάρων πολλοῖς. Aedif. IV, с. 11, ed. Bonn., p. 304.

⁴⁸⁾ Καὶ Πάλματις . . . μείζον τε κατεστήσατο και διαφερόντως εὐρύτερον, καιπερ οὐ παρὰ τὴν ἀκτὴν τοῦ ποταμοῦ (*Ιστρου) ὄν. Οὗ δὲ ἄγχιστα και φρούριον ἄδινα καινουργήσας ἐδείματο, ἐπεὶ διηνεκὲς διαλανθάνοντες Σκλαβηγοὶ βάρβαροι ἐνταῦτα και ἐνεδρεύοντες κέρκρυσμένως αἰεὶ τοὺς τῆδε ἰόντας ἄβητα ἐποιοῦν τὰ ἐκείνη χωρία. De Aedif. l. IV, с. 7, ed. Bonn., p. 293.

⁴⁹⁾ Рѣчка Рехіѣ (Ῥήχιος) вытекаетъ изъ озера Болбе и впадаетъ въ Стримонскій заливъ. Ср. Финлей, „The History of Greece. p. 10.

⁵⁰⁾ „De aedific.“ IV, 3, 4.

⁵¹⁾ . . . ἀνοήτοις οἰκοδομίαις. Anecd., с. XI.

и умертвили его самого⁵²⁾. Съ тѣхъ поръ Придунайскія области снова были открыты внѣшнимъ варварамъ: „Гуннамъ, Славянамъ и Антамъ,“ какъ выражается Прокопій. По словамъ его, они ежегодно опустошали Илирикъ и всю Θракію, Грецію, Херсонесъ, всѣ страны, что простираются отъ Ионическаго моря и до самыхъ стѣнъ столицы⁵³⁾. Всякое вторженіе ихъ, говоритъ Прокопій, стоило Имперіи около 200,000 гражданъ, которые были или избиваемы, или уводимы въ плѣнъ. Къ разореніямъ этихъ внѣшнихъ враговъ слѣдуетъ присоединить еще и буйства внутреннихъ варваровъ, и намъ не будетъ болѣе казаться преувеличеніемъ слѣдующее мѣсто въ „Анекдотахъ“: „Въ это время (въ царствованіе Юстиніана) никакая мѣстность, никакая гора, ни пещера, ни одинъ уголокъ Римской земли не остался невредимымъ (*ἀδῆωτον*). Многимъ странамъ случилось быть опустошаемыми и по пяти разъ“⁵⁴⁾. Въ запискахъ о Готской войнѣ Прокопій описываетъ нѣкоторыя изъ этихъ столь частыхъ буйствъ Славянъ на полуостровѣ: остановиться на этомъ описаніи мы считаемъ тѣмъ необходимѣе, что въ немъ мы находимъ въ высшей степени любопытныя подробности.

Вскорѣ, по умерщвленіи Хвилибуда, около 533 г., Анты сдѣлали нападеніе на Θракію, многихъ изъ жителей ея ограбили, многихъ же увели въ неволю⁵⁵⁾.

Въ 546 г. отрядъ, составленный изъ Геруловъ, обитавшихъ въ предѣлахъ Имперіи на правахъ союзниковъ, былъ отправленъ изъ Θракіи въ Италію для подкрѣпленія дѣйствующихъ тамъ военныхъ силъ Имперіи. По дорогѣ Герулы нечаянно наткнулись на огромную толпу Славянъ, только что переправившихся черезъ Дунай и уже успѣвшихъ захватить въ плѣнъ многихъ Римскихъ гражданъ изъ прилежащихъ къ Дунаю странъ. Геруламъ посчастливилось отбить у врага всѣхъ плѣнныхъ и заставить его обратно перейти рѣку⁵⁶⁾. Около этого времени Юстиніанъ заводилъ переговоры съ Антами, уступая имъ права Имперіи на опустошенный городъ Туррисъ, лежащій на лѣвомъ берегу Дуная (вѣроятно Турна у устья Алуты), съ тѣмъ, чтобы они заключили союзъ съ Имперією и

⁵²⁾ Bell. Goth. l. III, c. 14.

⁵³⁾ Anecd. c. XVIII.

⁵⁴⁾ Тамъ же XI.

⁵⁵⁾ B. Goth. III, c. 13.

⁵⁶⁾ B. G. III, c. 13. Strit. II, p. 33.

взялись бы защищать ее отъ другихъ враговъ. Переговоры эти не привели къ желанному концу, но изъ нихъ мы узнаемъ, что жилища Антовъ простирались гораздо западнѣ Днѣстра, захватывали часть нижняго Дуная⁵⁷⁾.

Въ 548 г. толпы Славянъ вторгнулись въ Илирію и безпрепятственно проникли до Эпидамна, нынѣ Драча, на Адриатическомъ морѣ. Они побрали тамъ и укрѣпленія, которыя до толѣ казались неприступными, и навели такой страхъ на Римлянъ, что пятнадцатитысячное войско, защищавшее эту страну, не смѣло даже подходить къ нимъ на близкое разстояніе⁵⁸⁾.

Въ 551 г. новый отрядъ Славянъ, состоявшій, по словамъ Прокопія, только изъ 3000 человекъ, перешелъ Дунай, и „не смотря на свою немногочисленность, разбилъ, однако, и обратилъ въ бѣгство войска въ Илиріи и Тракіи“. Подробности, сообщаемыя лѣтописцемъ о буйствахъ этихъ 3,000 Славянъ, особенно любопытны: мы коснемся ихъ нѣсколько ниже.

Въ слѣдующемъ году огромныя полчища Славянъ, какихъ прежде не было видано, переправившись черезъ Дунай выше Ниша, устремились на югъ, съ намѣреніемъ взять Солунь, какъ объясняли нѣкоторые изъ нихъ, попавшіеся въ плѣнъ. Но узнавши, что въ Сардикѣ находилось сильное войско, собиравшееся двинуться въ Италію, Славяне поворотили на западъ, въ Илирію, гдѣ къ нимъ присоединились и другія толпы. Раздѣлясь на три отряда, „эти варвары нанесли страшный вредъ всей Евронѣ (Балканскому полуострову): они не только грабили ее, но и зимовали въ ней безъ всякаго страха, какъ будто въ собственной своей землѣ“. Одинъ изъ этихъ отрядовъ одержалъ побѣду надъ совокупными силами Имперіи, отбилъ главное Римское знамя и чуть не захватилъ въ плѣнъ самихъ военачальниковъ. Побѣдители двинулись впередъ къ столицѣ, но потерпѣвъ неудачу въ одной стычкѣ при длинной стѣнѣ, возвратились домой съ огромной добычей. Отрядъ, который остался въ Илиріи, долго еще опустошалъ эту страну безнаказанно и наконецъ отступилъ преспокойно. Императорское войско, отправленное противъ нихъ, не смѣло встрѣтиться съ ними и только издали шло по ихъ слѣдамъ. Нельзя было Римлянамъ и на переправѣ черезъ Дунай причинить имъ какую ни будь

⁵⁷⁾ В. G. III, с. 14. Strit. II, 22—30. Сравни. выше примѣч. 38.

⁵⁸⁾ В. G. III, с. 29. Strit. II, 34.

помѣху; ибо Гепиды, жившіе тамъ, охотно перевозили ихъ на своихъ корабляхъ, получая за это съ каждаго по золотому⁵⁹⁾.

Тутъ уже оставляютъ насъ извѣстія Прокопія. Обо всѣхъ неисчисленныхъ имъ буйствахъ Славянъ въ предѣлахъ Имперіи онъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ о Готской войнѣ. Не нужно указывать, что Прокопій касался Славянскаго движенія на столько, на сколько оно имѣло какое ни будь прямое, или косвенное, отношеніе къ главному предмету названнаго сочиненія. Это обстоятельство даетъ намъ право предполагать, что кромѣ выше упомянутыхъ буйствъ въ царствованіе Юстиніана, совершены были Славянами и многія другія, не имѣвшія соотношенія съ Готской войною, въ слѣдствіе чего описаніе ихъ не нашло себѣ мѣста въ запискахъ Прокопія. Предположеніе это находитъ сильную поддержку въ приведенномъ выше показаніи „Анекдотовъ“, что въ продолжительное царствованіе Юстиніана не проходило года безъ того, чтобы Славяне не свирѣпствовали въ областяхъ Имперіи.

По словамъ Прокопія, Славяне вторгались въ Имперію все изъ-за Дуная: тамъ они имѣли свои постоянныя жилища, къ которымъ и возвращались по утоленіи своей жажды добычи и крови на счетъ Римскихъ гражданъ. Если вѣрить показанію этого лѣтописца, то во всѣхъ описанныхъ имъ буйствахъ Славянъ слѣдуетъ видѣть только хищническіе набѣги, только временныя нападенія Придунайскаго Славянства на Имперію. Мы имѣемъ, однако, основаніе усомниться въ справедливости упомянутаго показанія. Состоя при Велизаріи, въ качествѣ его совѣтника, и находясь безотлучно при немъ въ теченіе двадцати почти лѣтъ, начиная съ 527 г., Прокопій жилъ постоянно вдали отъ тѣхъ областей, на которыя простиралось давленіе Славянъ. Онъ не могъ знать непосредственно Славянскаго міра и его отношеній къ Имперіи; не могъ имѣть объ этихъ отношеніяхъ и правительственныхъ свѣдѣній; ибо Славянскія дѣла вѣдались не въ Канцеляріи Велизарія, побѣдителя Персовъ, Вандаловъ и Готовъ. О Славянскихъ дѣлахъ Прокопій могъ знать только по слухамъ, доносившимся до отдаленнаго стана Велизарія, слухамъ, къ которымъ, какъ извѣстно, онъ относился не критически и съ непонятнымъ легковѣріемъ⁶⁰⁾. Что

⁵⁹⁾ В. G. III, с. 40. Strit. II, 37—40.

⁶⁰⁾ Felix Dahn, „Procopius von Cäsarea“. Berlin, 1865, S. 69—86.

дѣйствительно молва была главнымъ источникомъ его свѣдѣній о занимающихъ насъ отношеніяхъ, и какъ не критически относился онъ къ этому, столь мало надежному, источнику, это не трудно замѣтить при самомъ бѣгломъ чтеніи его повѣствованія о нихъ. О трехтысячномъ Славянскомъ отрядѣ, вторгавшемся, какъ было замѣчано уже, къ 551 г., онъ передаетъ слѣдующія подробности: перейдя Дунай, этотъ незначительный отрядъ устремился на югъ и безпрепятственно достигъ Марицы, гдѣ раздѣлился на двѣ толпы: одну составили 1800 человѣкъ, другую же 1200. Эти малочисленные толпы, кинувшись одна на югъ, другая на западъ, разсѣяли всѣ Римскія войска, стоявшія во Фракіи и Илирикѣ, и произвели страшныя опустошенія въ этихъ странахъ: они сажали на колъ Римскихъ гражданъ, жгли и истребляли все, попадавшееся имъ на глаза. Толпа, состоявшая изъ 1800 человѣкъ, достигаетъ берега Архипелага, беретъ тамъ важную крѣпость Топирисъ. изъ жителей которой предаетъ мучительной смерти 15,000 человѣкъ мужескаго пола, женщинъ же и дѣтей сберегаетъ для рабства. Другая же толпа, состоявшая изъ 1200 Славянъ, совершаетъ не менѣе ужасныя дѣла въ Илирикѣ. Усѣявъ всю Илирію и Фракію непогребенными трупами, толпы эти преспокойно отступаютъ за Дунай съ огромнымъ числомъ плѣнныхъ⁶¹⁾. Эта сказка имѣетъ большое историческое значеніе для характеристики взгляда населенія Имперіи на Славянъ, но Прокопій не сообщаетъ ее съ этой цѣлью: онъ принимаетъ содержаніе ея за сущую правду, и излагаетъ ее тономъ человѣка, вполне увѣреннаго въ дѣйствительности рассказываемыхъ имъ происшествій. Доискавшись такимъ образомъ до настоящаго источника сказаній Прокопія о буйствахъ Славянъ на полуостровѣ, мы въ правѣ усомниться въ показаніи его, что всѣ эти буйства совершались Задунайскими Славянами, единственно съ цѣлію добычи, получивъ которую, хищники снова возвращались за Дунай. Въ сочиненіи „О постройкахъ“, писанномъ въ 558 г. въ Константиноплѣ и по источникамъ правительственнымъ, мы встрѣчаемъ данныя, хотя, къ сожалѣнію, и весьма немногія, которыя нѣсколько уясняютъ намъ истинное свойство Славянскаго движенія на полуостровѣ. Данныя эти, на которыя было указано нами выше, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что опасный для Имперіи

⁶¹⁾ В. G. III, 38. Stritt. II. 36—37.

врагъ обиталь не только за Дунаемъ, но и въ самихъ предѣлахъ ея: въ Мизіи, около крѣпости Адины, во Фракіи, въ окрестностяхъ Филиппополя и Плотинополя, въ Македоніи, недалеко отъ долины р. Рехин и т. д. А если это такъ, то ничто не мѣшаетъ думать, что эти, водворившіеся уже въ Имперіи, Славяне, которые, въ самомъ началѣ царствованія Юстиніана, не смотря на сильныя мѣры, предпріятыя тогда этимъ Императоромъ для обузданія ихъ, были враждебно настроены противъ Императорской власти, — ничто не мѣшаетъ думать, повторяемъ, что этотъ безпокойный врагъ не воспользовался бы ослабленіемъ защиты сосѣднихъ областей для нападенія на нихъ. Этими внутренними Славянами, по всему вѣроятію, совершаемы были всѣ тѣ разоренія полуострова, которыя, по словамъ Прокція, повторялись ежегодно. Если и присоединялись къ нимъ новые Славянскіе пришельцы изъ-за Дуная, то они весьма легко могли водвориться здѣсь, подлѣ своихъ единокордцевъ; да и не было особенной надобности возвращаться имъ снова за Дунай.

Историки послѣднихъ лѣтъ царствованія Юстиніана повѣствуютъ о страшномъ нашествіи варваровъ изъ-за Дуная, наводнившихъ Балканскій полуостровъ. Въ 558 г. великая сила этихъ варваровъ высыпала во Фракію, гдѣ раздѣлилась на три отряда: одинъ двинулся чрезъ Македонію въ Элладу и проникъ до Фермопилъ, другой угрожалъ укрѣпленіямъ, защищавшимъ Херсонесъ, третій, подъ предводительствомъ Забергана, направился къ столицѣ, которую спасъ отъ явной опасности старый Велизарій, принявшій въ это опасное мгновеніе главное начальство надъ войскомъ. Агаѳій называетъ этихъ враговъ Гуннами, Котригурами⁶²⁾. Африканскій Епископъ, Викторъ Тунпуненскій, проживавшій около этого времени въ Константинополь, называетъ ихъ Болгарами⁶³⁾. Теофанъ говоритъ, что полчища эти состояли изъ Гунновъ и Славянъ⁶⁴⁾. Кедринъ толкуетъ, что все это были Славяне, которыхъ онъ отождествляетъ съ Гуннами⁶⁵⁾. Мы не будемъ останавливаться на разборѣ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ, такъ какъ это завлекло бы

⁶²⁾ Agath. V, 11, ed. Bonn, p. 209 sqq.

⁶³⁾ „Bulgares Thraciam invadunt et usque ad Sucas Constantinopolim veniunt“. Roncal. „Vet. lat. Chron“. II, 377.

⁶⁴⁾ Strit. II, p. 42.

⁶⁵⁾ Οὐννοι οὐ καὶ Σλαβίνοι. Ibid.

насъ за предѣлы нашей задачи; замѣтимъ только, что и въ этихъ вторженіяхъ, безъ всякаго сомнѣнія, Славянство играло значительную роль.

Все сказанное доселѣ объ отношеніяхъ Славянъ къ Имперіи въ продолжительное царствованіе Юстиніана приводитъ къ заключенію, что, обузданные въ самомъ началѣ этого царствованія дѣятельными мѣрами Юстиніана, Славяне какъ будто пріутихли, пріостановили безнаказанное расхищеніе достоянія Имперіи, но вскорѣ они нашли возможность уничтожить всѣ воздвигнутыя противъ нихъ преграды и съ новою силою возобновить движеніе, измѣнившее составъ населенія Балканскаго полуострова.

Къ концу царствованія Юстиніана въ Средне-Дунайскую низменность протѣснился новый народъ, Авары, основавшій тамъ довольно значительное государство. Объ Аварахъ впервые упоминаетъ Прискъ между 461—465 г.: въ это время они обитали гдѣ-то между Каспійскимъ и Азовскимъ морями⁶⁵). Сто лѣтъ спустя, а именно въ 558 г., они посылали пословъ въ Константинополь къ Императору Юстиніану съ предложеніемъ ему своихъ услугъ противъ племенъ, обитавшихъ по сѣверному берегу Чернаго моря и тревожившихъ владѣнія Имперіи своими частыми набѣгами. Послы ихъ были приняты въ Константинопль съ честью и отпущены съ богатыми дарами. Авары двинулись тогда на западъ, воевали съ Сабирами, Утургурами, Кутургурами и особенно долго съ Антами⁶⁷). Къ этому времени, вѣроятно, относятся и, занесенныя въ первую Русскую лѣтопись, преданія о мученіяхъ, которыя терпѣли отъ Обровъ Дулѣбы, жившіе между Бугомъ и Стыремъ⁶⁸). Въ 565 г., въ годъ смерти Юстиніана, мы находимъ уже главный станъ Аваровъ въ средней Европѣ, по мнѣнію Палацкаго, въ Чехіи и сосѣднихъ съ нею странахъ⁶⁹), откуда они посылали въ этомъ году новыхъ пословъ въ Константинополь за подарками. Чтобы выманить болѣе щедрые дары, Аварскіе послы на пріемѣ, данномъ имъ Юстиномъ II, въ напыщенныхъ выраженіяхъ расписывали могущество своего народа, указывали на выгоды, которыя Имперія могла бы извлечь для себя отъ

⁶⁵) Prisc. ed Bonn. 158.

⁶⁷) Menand. ed Bonn., 284.

⁶⁸) Соловьева, „Истор. Россіи“ I, 85; Шафарика, „Слав. Древ.“ II, кн. I, 94.

⁶⁹) Dějiny národu českého. I, č. I, 1862, str. 92.

союза съ ихъ могущественнымъ Хакапомъ и пр. Выслушавъ ихъ надменную рѣчь, новый Императоръ объявилъ имъ торжественно, что имѣеть основательныя причины быть совершенно противнаго мнѣнія объ Аварахъ, что союзъ ихъ ему ненуженъ, а непріязнь не страшна. Онъ съ безчестіемъ отпустилъ заносчивыхъ хвастуновъ, сказавъ, что если они желаютъ воспользоваться его благотворительностію, то должны выпрашивать ее какъ милостыню⁷⁰). Отвѣтъ Юстина, по видимому, утратилъ Аваровъ: не помышляя о мести за оскорбленіе, нанесенное имъ въ лицѣ ихъ пословъ, они нѣсколько времени тревожили своими набѣгами владѣнія Франковъ (Тюрингію)⁷¹), пока не были принуждены послѣдними промыслить себѣ добычу въ другихъ странахъ. Въ 567 г. они воюють уже съ Гепидами, въ качествѣ союзниковъ Лонгобардовъ, а по выселеніи послѣднихъ въ Италію, въ 568 г., заняли Паннонію и основались въ ней на долго. Отсюда они начали тревожить владѣнія Византіи хищническими набѣгами, неоднократно повторившимися въ теченіе 50 лѣтъ. Упомянувъ о Славянахъ и ихъ столкновеніяхъ съ Имперіею, со времени утвержденія Аваровъ въ Панноніи, нѣкоторые изъ Византійскихъ писателей говорятъ, что они сдѣлались данниками Аварскаго Хакапа, и чуть ли не во всѣхъ враждебныхъ Имперіи Славянскихъ движеніяхъ видятъ персть Аварскаго повелителя. Не рѣдко они даже, отождествляя Славянъ съ Аварами, относятъ къ послѣднимъ нѣкоторыя дѣла, совершенныя первыми. Сказанія этихъ Византійцевъ и невѣрно понятыя извѣстія о войнахъ, которыя Авары вели съ племенами, обитавшими по сѣверному берегу Чернаго моря, объ ихъ буйствахъ въ Чехіи и вторженіяхъ въ Тюрингію, породили очень неправильный и при томъ слишкомъ распространенный взглядъ на Аварское государство. Обыкновенно думаютъ, что государство это заключало въ своихъ предѣлахъ всю обширную страну, простирающуюся отъ Волги до Лабы, отъ Савы и низяго Дуная чуть ли не до Балтійскаго моря. Занимающіе насъ Славяне, по мнѣнію приверженцевъ этого взгляда, раздѣляемому до извѣстной степени и нѣкоторыми изъ Славистовъ⁷²), тоже подпали подъ власть Аваровъ и долгое

⁷⁰) Menand. ed. Bonn, 289—300.

⁷¹) Палацкаго, Dějiny, I, ѓ. I, 92.

⁷²) Гиббонъ VIII, p. 110, 176, 181; Финлей „Griechenland unter den Römern“, 235; Максъ Бюдигеръ, „Oesterreichische Geschichte“; Th. I. Leipzig. 1858, S.

время находились подъ ихъ гнетомъ. Мы уже замѣтили, что этотъ взглядъ держится на весьма шаткихъ и невѣрныхъ основаніяхъ: вникая въ сущность войны Аваровъ съ Сабирами, Утургурами, Антами вообще и въ частности съ Дульбами, нельзя не замѣтить, что войну эту Авары вели съ цѣлю проложить себѣ чрезъ земли названныхъ племенъ дорогу изъ Прикаспійскаго края на западъ, въ среднюю Европу, но ни какъ не съ тѣмъ, чтобы подчинить ихъ себѣ. Всѣ эти племена и послѣ войны съ Аварами являются независимыми и, какъ такія, продолжаютъ по прежнему тревожить владѣнія Имперіи. Да и не такъ бы отвѣтилъ Юстинъ II Аварскимъ посламъ, въ 565 г., и не такъ бы отнесся къ этому, столь оскорбительному для себя отвѣту, Хаканъ Аварскій, если бы въ распоряженіи его находилось такое множество племенъ. Что касается буйствъ Аваровъ въ Чехіи, равно, какъ и вторженія ихъ въ сѣверо-восточную окраину Австразіи, то буйства и вторженія эти слишкомъ явственно обличаютъ въ себѣ временные набѣги, чтобы изъ нихъ дѣлать какіе ни будь выводы о распространеніи власти этого народа на сѣверъ. Историки, заключающіе изъ этихъ вторженій, что государство Аваровъ простиралось до Тюрингіи, впадаютъ въ такую же ошибку, какъ если бы кто ни будь, на основаніи позднѣйшихъ буйствъ Аваровъ въ окрестностяхъ Константинополя, вывелъ заключеніе, что власть ихъ простиралась такъ далеко на югъ. Нѣтъ никакихъ извѣстій, чтобы Авары когда ни будь владѣли въ Полабїи, или, по крайней мѣрѣ, вторгались бы въ эту страну, и мнѣніе, что предѣлы ихъ господства простирались до Балтійскаго моря, включая въ себѣ Польшу и Пруссію, ни на чемъ не основано. Мнѣніе это впервые, кажется, было выведено Гиббономъ⁷³⁾ изъ весьма подозрительнаго и весьма неяснаго показанія Славянскихъ гусяровъ, выдававшихъ себя передъ Императоромъ Маврикіемъ за пословъ народа, обитающаго на отдаленнѣйшемъ концѣ какого-то западнаго океана, народа, который Авары старались вооружить противъ Имперіи, не смотря на то, что жилища его отстояли отъ послѣдней на разстояніи пятнадцатимѣсячнаго пути. Таково единственное осно-

61—78; К. Гофъ, „Geschichte Griechenlands“, 90; Карамзинъ, „Истор. Русскаго“, изд. Эйнерлинга, I, стр. 14; Чертковъ, „Протословен“. 60, 61; Палацкій, Dĕjiny I, str. 13 и проч.

⁷³⁾ „History of the decl. and fall“. VIII, 181.

ваніе этого мнѣнія, которое, не смотря на всю его несостоятельность, продолжаетъ существовать и по нынѣ. Еще несостоятельнѣе другое изъ основаній разбираемаго взгляда на могущество Аваровъ: мы разумѣемъ указаніе нѣкоторыхъ Византійцевъ на зависимость Славянъ вообще отъ Хаkana. Подобное указаніе встрѣчается главнымъ образомъ у позднѣйшихъ писчиковъ: Никифора, Теофана, Кедрина, Зонары и другихъ, мало надежныхъ свидѣтелей въ дѣлахъ, касающихся взаимныхъ отношеній варваровъ вообще, въ особенности же въ давно минувшихъ дѣлахъ подобнаго рода. Изъ писателей, жившихъ въ цвѣтущій періодъ Аварскаго государства, только у двухъ находятся подобнаго рода указанія, а именно: у Теофилакта Симокаты и Георгія Писиды. Повѣствуя о буйствахъ Славянъ на полуостровѣ въ 583 г., Теофилактъ замѣчаетъ, что ихъ подослали, напустили на Имперію Авары⁷⁴). Надобно замѣтить, однако, что, при неоднократномъ упоминаніи о Славянахъ и Аварахъ, только въ этомъ случаѣ Теофилактъ представляетъ первыхъ дѣйствующими по указанію, или подъ вліяніемъ, послѣднихъ: во всѣхъ же прочихъ случаяхъ они, какъ увидимъ нѣсколько ниже, являются у него пародомъ совершенно самостоятельнымъ. Да и въ первомъ случаѣ едва ли показаніе Теофилакта (если даже признать его вѣрнымъ) имѣетъ такой смыслъ, какой придаютъ ему приверженцы могущества Аваровъ; изъ того, что Авары побудили Славянъ къ нападенію на Имперію, далеко еще не слѣдуетъ, что послѣдніе были Аварскими данниками непременно. Что касается поэтическихъ сказаній Георгія Писиды, то о нихъ еще будетъ рѣчь впереди. Здѣсь же замѣтимъ только, что сказанія эти всего менѣе даютъ право заключать о подчиненности всего, занимающаго насъ, Славянства Аварамъ. Это, столь шаткое въ своихъ основахъ, заключеніе опровергается цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ несравненно болѣе разительныхъ и вѣскихъ. По словамъ Менаандра, современника занятія Аварами Панноніи, Хакапъ, утвердившись въ этой странѣ, отправилъ къ Князю Славянъ, Добриту⁷⁵), и къ старѣйшинамъ этого народа пословъ съ требова-

⁷⁴) Вотъ слова Теофилакта: *Καὶ πάλιν Ῥωμαῖοις τὸ τῶν Ἀβάρων ἐπιτίθεται φύλον, ἀλλ' οὐκ ἀναφανδόν, βαδιουργικώτερον δὲ πῶς καὶ δολερώτερον. τὸ γὰρ τῶν Σκλαβηρῶν ἔθνος ἐπαφίησι, καὶ πλεῖστα τῆς Ῥωμαίων γῆς ἀποκείρεται.* Theophyl. I, 6. 7.

⁷⁵) Въ Бонскомъ изданіи Менаандра *Δαυρίτας, Δαυρέντιος*, въ Парижскомъ же, очевидно ошибочно, *Δαυρίτας, Δαυρέντιος*.

ніемъ покорности и дани, но Славяне отвѣтили: „Кто изъ людей, согрѣваемыхъ лучами солнца, можетъ подчинить себѣ нашу силу? Мы привыкли покорять себѣ другихъ и властвовать надъ ними, а не поддаваться имъ: при этомъ и останемся, пока на свѣтѣ будутъ существовать война и мечъ“⁷⁶). Послы Аварскіе презрительно отнеслись къ этимъ рѣчамъ, за что и поплатились жизнію тутъ же. Поступокъ Славянъ сильно раздражилъ Баяна, но онъ не рѣшился начать войну съ ними, и долгое время тайлъ свой гнѣвъ. Славяне, о которыхъ идетъ рѣчь въ приведенномъ разсказѣ, обитали на лѣвомъ берегу Дуная, въ древней Дакіи. Владычество Аваровъ, слѣдовательно, не простиралось тогда на эту страну, которую, какъ вскорѣ увидимъ, они и въ послѣдствіи никогда не могли покорить; не покорялись имъ и тѣ Славяне, которые, какъ намъ извѣстно, уже обитали на полуостровѣ. Какъ тѣ, такъ и другіе, по свидѣтельствамъ современныхъ писателей: Менандра, Іоанна Биклярскаго, Іоанна Ефесскаго, Исидора Гиспальскаго, Папы Григорія Великаго и пр., на которыя будетъ указано нами вскорѣ, съ самаго основанія Аварскаго государства и до начала его упадка, дѣйствуютъ какъ вполне самостоятельные люди относительно Имперіи, не рѣдко воюютъ и съ Аварами, съ которыми иногда заключали миръ и вступали въ союзъ. О подчиненіи ихъ Аварскому Хакану нѣтъ никакого намека у этихъ писателей, которые, какъ современники, могли лучше знать и вѣрнѣе судить объ отношеніяхъ между Аварами и Славянами, чѣмъ упомянутые выше лѣтописцы, на сказанія которыхъ опирается разбираемый взглядъ на эти отношенія. Принимая во вниманіе все сказанное о движеніи Аваровъ и ихъ отношеніяхъ къ Дакійскимъ и обитавшимъ на полуостровѣ Славянамъ, мы полагаемъ, что владычество ихъ ограничивалось только предѣлами Панноніи. Въ этой странѣ они застали кое-какія Славянскія поселенія, которыя дѣйствительно и покорили себѣ. На это указываетъ свидѣтельство Теофилакта, что въ 579 и 592 г. г. Славяне Паннонскіе, по приказанію Хакана должны были строить мосты и судна на Дунаѣ и Савѣ, для готовившихся въ тѣ времена вторженій Аваровъ въ Имперію⁷⁷). Это-то обстоятельство, по всему вѣроятію, послужило поводомъ къ составленію басни о данничествѣ всѣхъ Славянъ Аварскому Хакану. Изъ

⁷⁶) Menand., ed. Bonu. 406.

⁷⁷) Theoph. Simocat. I. VI, c. 1, 3—4.

сказаннаго явствуетъ, что утверждеііе Аваровъ въ Придунайскомъ краю не могло произвести какого ни будь существеннаго переворота въ движеніяхъ занимающаго насъ Славянства. Авары только временно могли отвлекать нѣкоторыя части его отъ Имперіи, вовлекая ихъ въ войну съ собою, но этимъ они вызвали только кратковременныя и незначительныя уклоненія въ помянутыхъ движеніяхъ, общій ходъ которыхъ отъ этого не былъ задержанъ и не измѣнилъ своего направленія. Въ дальнѣйшей исторіи этихъ движеній, къ которымъ мы возвращаемся, намъ встрѣтится не одно данное, подтверждающее нашу мысль.

Первое вторженіе Аваровъ въ Имперію, по свидѣтельству Іоанна Биклярскаго, относится къ десятому году царствованія Юстина, т. е., 575 г. Современнo мы узнаемъ отъ того же писателя, что и Славяне свирѣпствовали во Фракіи, гдѣ разграбили много Римскихъ городовъ и привели ихъ въ совершенное запустѣніе⁷⁸⁾. Въ 578 г., когда Авары находились уже въ союзѣ съ Имперіею, около 100,000 Славянъ, по словамъ Менандра, пронеслись чрезъ Фракію и, разграбивъ её, кинулись на сосѣднія съ нею области, перенесли свои опустошенія и въ Элладу⁷⁹⁾. Объ этомъ движеніи Славянъ упоминаетъ и другой современникъ, Іоаннъ Биклярскій⁸⁰⁾, но самыя любопытныя подробности о немъ сообщаетъ третій современникъ, церковный историкъ, Іоаннъ Ефесскій⁸¹⁾. „На третій годъ по смерти Императора Юстиніана и царствованія Тиверія Побѣдоноснаго, пишетъ онъ, выступилъ проклятый народъ Славянъ и производилъ набѣги на всю Элладу, мѣстности Солуня и всю Фракію. Они завоевали много городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, опустошали, жгли, грабили страну и овладѣли ею; они поселились въ ней безъ страха, какъ будто она имъ принадлежала. Это продолжалось четыре года, пока Императоръ былъ занятъ войною противъ Персовъ и посылалъ

⁷⁸⁾ „Anno X Justinii Imp. 565 - 578).... Sclanini (Sclavini) in Thracia multas urbes Romanorum pervadunt, quas depopulatas vacuas reliquere. Abares litora maris captiose obsident et navibus litora Thraciae navigantibus satis infesti sunt“. Roncal II, 388.

⁷⁹⁾ Ed. Bonn. 327.

⁸⁰⁾ „Anno V Tiberii (съ объявленія его соправителемъ въ 574 г.) Sclavinarum gens Syricum et Thracias vastant“. Roncal. III, 390.

⁸¹⁾ Это любопытнѣйшій источникъ, остававшійся доселѣ неизвѣстнымъ для Славистовъ, писанъ во 2-й половинѣ VI-го вѣка на Сирійскомъ языкѣ, съ котораго переведенъ по Нѣмецки Шѣнфельдеромъ: „Johannes von Ephesus Kirchengeschichte“. München 1862. Заключающіяся въ немъ извѣстія о Славянахъ недавно обнаружены и на Русскомъ языкѣ Г. Хвольсономъ, въ „Извѣстіяхъ о Хазарахъ и пр. Ибинъ-Дасты“. Спб., 1869, стр. 137.

всѣ свои войска на Востокъ⁸²). По разсказу Менандра, Тибериій, не будучи въ состояніи противопоставить врагамъ какое либо сопротивленіе обратился съ просьбою о помощи къ Аварамъ, которые, пылая местию къ Славянамъ, по причинѣ извѣстнаго уже намъ избіенія ихъ пословъ, охотно приняли просьбу Тиверіія⁸³). Ихъ повелитель, Баянъ, съ большою силою прошелъ вдоль по южному берегу Дуная до Малой Скиѳіи (Добручи), гдѣ, перейдя на лѣвый берегъ Дуная, опустошилъ нѣсколько селеній Славянскихъ, отъ которыхъ получилъ богатую добычу и освободилъ множество плѣнныхъ изъ Римскихъ гражданъ. Этимъ только онъ и удовольствовался. Что это былъ только набѣгъ Аваровъ въ землю Мизійскихъ Славянъ, временно только коснувшійся нѣкоторыхъ областей ихъ, и что этимъ набѣгомъ Славяне не только не были покорены Аварами, но не были даже и отвлечены отъ своихъ буйствъ въ Имперіи, это ясно показываютъ намъ послѣдующія событія. Іоаннъ Ефескій, писавшій въ 584 г., слѣдовательно, два, или три, года спустя послѣ означеннаго похода Баяна на Славянъ, пишетъ: „и до нынѣшняго дня Славяне живутъ, сидятъ и покоятся въ Римскихъ областяхъ, безъ заботы и страха, грабя ихъ и разоряя огнемъ и мечемъ. Они разбогатѣли, приобрѣли золото, серебро, табуны коней и множество оружія, которымъ научились владѣть лучше; чѣмъ Римляне⁸⁴)“. Извѣстіе Іоанна подтверждается свидѣтельствомъ другого современника. Подъ 583 г. Теофилактъ Симоката пишетъ, что Славяне, вторгнувшись въ Имперію, заняли обширную часть ея и проникли до длинной стѣны. Полководцу Маврикія, Коментіолу, посчастливилось напасть на нихъ въ распахъ при р. Эргинѣ, и нанести имъ значительное пораженіе, послѣ чего онъ успѣшно сражался съ нимъ и около Адриянополя (вождемъ Славянъ тутъ былъ Радогость), при Эпсинѣ, и очистилъ отъ нихъ Астику (Ἀστική), т. е., прилежащую къ Черному морю область, на югъ отъ Балканскаго хребта. Теофилактъ говоритъ, что эти Славянскія полчища были подговорены Аварами⁸⁵); но несостоятельность этого домысла изобличается свидѣтельствомъ, болѣе

⁸²) У Хвольсона, стр. 137; у Шёнфельдера 255.

⁸³) Κεραϊζομένης τῆς Ἑλλάδος ὑπὸ Σκλαβηνῶν καὶ ἀπαντοχόσε ἀλλεπαλλήλων αὐτῇ ἐπληρημένων τῶν κινδύνων, ὁ Τιβέριος οὐδαμῶς δύναμιν ἀξιόμαχον ἔχων οὐδε πρὸς μίαν μοῖραν τῶν ἀντιπάλων... πρὸςβέβηται ὡς Βαϊανὸν etc. Menand., ed. Bonn. 404.

⁸⁴) У Шёнфельдера 255, у Хвольсона 137.

⁸⁵) L. I, c. 6, 7; Stritt. II, p. 51—53.

свѣдущаго въ этомъ дѣлѣ, современника, Менандра, отъ котораго мы узнаемъ, что во время, занимающаго насъ здѣсь, столкновенія Славянъ съ Имперіей, отношенія ихъ къ Аварамъ были самыя непріязненныя. Около этого времени, по словамъ Менандра, Баянъ замышлялъ новый походъ противъ Дакійскихъ Славянъ, для чего и отправлялъ посла въ Константинополь къ Императору, прося у него дозволенія провести свои войска противъ нихъ прежней дорогой, черезъ Илирію и Мизію. На возвратномъ своемъ пути посоль этотъ былъ окруженъ и убитъ Славянами, гдѣ-то въ Илиріи⁸⁶).

Въ 588 г. Симоката говоритъ о новомъ опустошеніи, которое постигло Тирацію со стороны Славянъ⁸⁷).

Церковный историкъ, Евагрій, рассказываетъ, что въ 589 г., когда всѣ военныя силы Имперіи были заняты на Востокѣ, въ Азіи, Авары вторгнулись въ Европейскія ея области, два раза подступали къ длинной стѣнѣ, завоевали и подчинили своей власти Сингидонъ, Анхіялъ, Элладу всю, и многіе города и крѣпости, истребляя огнемъ и мечомъ все, попадавшееся на встрѣчу имъ⁸⁸). Въ одномъ правительственномъ Византійскомъ документѣ отъ XI вѣка⁸⁹) сообщается извѣстіе, почерпнутое изъ другого, не дошедшаго до насъ, такого же документа отъ IX вѣка, что Авары въ 589 г. покорили Пелопонисъ, которымъ владѣли въ теченіи 218 лѣтъ, т. е., до 807 г., когда были уничтожены помощію Св. Апостола Андрея, покровителя Пелопонискаго города Патръ. Во все это время, говорится въ этомъ документѣ, ни одинъ Римлянинъ, т. е. Византійскій подданный, не смѣлъ и ногой ступить въ эту страну⁹⁰). Намъ извѣстно, что въ 807 в. подъ Патрами были уничтожены, заступничествомъ Апостола Андрея, Славяне, которые за долго до этого господствовали въ Пелопонисѣ⁹¹), такъ что, безъ всякаго сомнѣнія, можно полагать, что подъ Аварами въ этомъ

⁸⁶) Stritt. II, p. 50.

⁸⁷) Этотъ лѣтописецъ (I. III, с. 4) называетъ тутъ Славянъ Гетами: Τὸ... Γετικὸν ταῦτόν δ' εἰπεῖν οἱ τῶν Σκαβηγῶν ἀγέλαι.

⁸⁸) Евагрій „*Histor. eccles.*“ VI, 10.

⁸⁹) Грамота Патріарха Николая отъ 1081 г., составленная по запискамъ Патрской Митрополіи. См. Фальмерайера, „*Geschichte der Halbinsel Morea*“, I, 183

⁹⁰) Ἐπὶ διακοσίοις δεκαοκτῶ χρόνοις ἔλοις κατασχόντων τὸν Πελοπόννησον καὶ τῆς Ῥωμαϊκῆς ἀρχῆς ἀποτερομένων, ὡς μηδὲ πόδα βαλεῖν ἔλωσι δύνασθαι ἐν αὐτῇ Ῥωμαίων ἀνδρῶν. Leunclavii, „*Jus Graeco-Romanum*“, I, 278.

⁹¹) К. Багрянородный, „*De administr. imper.*“, с. 49. Ср. Гильфердинга, „*Собрание сочиненій*“, I, 188.

документъ, равно какъ и у Евагрія, разумѣются Славяне. Это подтверждаетъ Туринская Греческая рукопись, которая, въ разсказѣ объ этомъ происшествіи, употребляетъ названіе Славянъ и Аваръ безразлично⁹²). Фальмерайеръ, первый обратившій вниманіе на эти свидѣтельства, вывелъ изъ нихъ заключеніе, что въ 589 г. Славяне заняли Пелопонисъ, истребивъ все Греческое его населеніе. Противъ этого заключенія, которое Фальмерайеръ пытался подтвердить и многими другими данными, были выставлены, нѣкоторыми изъ его критиковъ, въ особенности Карломъ Гопфомъ, сильные доводы; но всѣ эти доводы говорятъ только противъ совершеннаго занятія Славянами Пелопониса и противъ истребленія Эллинскаго племени⁹³). Они безсильны противъ самаго вторженія, равно какъ и противъ заключенія, что вторженіе это сопровождалось заселеніемъ Славянами нѣкоторыхъ уголковъ Греціи.

Византійскіе лѣтописцы объясняютъ это безнаказанное расхищеніе Славянами Европейскихъ областей Имперіи продолжительною войною, которую послѣдняя тогда должна была вести съ Персами и ради которой всѣ военныя силы ея были посылаемы на востокъ, что отчасти и справедливо. Въ 590 г. эта долговременная война, благодаря возникшимъ въ Персіи внутреннимъ смутамъ, кончилась очень выгоднымъ для Имперіи миромъ. Императоръ Маврикій обратилъ тогда все свое вниманіе на враговъ, хозяйничавшихъ на полуостровѣ. Онъ легко умиротворилъ Аваровъ, обязавшись платить имъ ежегодную дань, но съ Славянами, которые въ своихъ нападеніяхъ не руководствовались одною только жаждой добычи, не такъ легко было управиться: Маврикій принужденъ былъ вести съ ними продолжительную и трудную войну, исходъ которой былъ гибеленъ для него. Полагая, что Славянскія буйства на полуостровѣ совершаются и поддерживаются, главнымъ образомъ, Дакійскими Славянами, которые, владѣя переправой черезъ Дунай, безпрепятственно переходили въ области Имперіи, Маврикій обратилъ всю свою дѣятельность на утверженіе своей власти по берегамъ Дуная, какъ южному, такъ и сѣверному, Дакійскому; возстановленіемъ этой древней границы и бдительной охраной ея, онъ надѣялся нанести смертельный ударъ, столь

⁹²) Possini, „Catalog. cod. Taurin.“, Cod. 336.

⁹³) Гопфъ, „Fallmerayers Slawische Hypothese“, въ „Geschichte Griechenlands“, 100—99.

гибельному для Византіи, движенію Славянъ⁹⁴). Въ 593 г. всѣ войска Имперіи, подъ предводительствомъ самаго опитнаго полководца, Приска, двинулись къ Дунаю; еще въ этомъ же самомъ году, переправившись на сѣверный берегъ его, Прискъ нанесъ сильное пораженіе стоявшему тутъ Славянскому отряду, которымъ предводительствовалъ Радогость, правитель одной изъ прибрежныхъ Славянскихъ областей, которую побѣдители страшно опустошили, испепеливъ ея селенія, нивы и лѣса. Услуги какого-то перебѣжчика Гепида, измѣнившаго Славянамъ, облегчили Приску вторженіе и въ другую Славянскую область, правитель которой, Мужикъ (Μουσόκιος)⁹⁵, вмѣстѣ со многими изъ его старѣйшинъ, были взяты въ плѣнъ⁹⁶). Обрадованный этимъ успѣхомъ, Маврикій, мечтавшій о возрожденіи Древне-Римскаго воинственнаго духа въ своихъ легионахъ, и вѣрившій въ возможность этого возрожденія съ такою же твердостью, съ какою вѣрилъ и въ возможность возстановленія древней границы Имперіи на нижнемъ Дунаѣ, далъ приказаніе Приску остаться на зимнія жилища въ Дакии, среди варваровъ, видя въ томъ лучшее средство къ осуществленію своей мечты. Приказаніе его возбудило сильный ропотъ въ средѣ войска, которое, указывая на разныя неудобства и лишенія, равно какъ на невозможность продолжать войну съ столь многочисленнымъ врагомъ⁹⁷), требовало немедленнаго возвращенія на правый берегъ Дуная. Прискъ успѣлъ укротить на время ропотъ, но вскорѣ и самъ убѣдился въ невозможности продолжать свое пребываніе въ непріятельской странѣ и отступилъ въ 594 г. Въ этомъ же самомъ году Славянскіе отряды снова стали переходить Дунай и продолжать свои опустошенія на южномъ берегу его. На одинъ такой отрядъ, возвращавшійся съ богатой добычей, награбленной изъ городовъ: Залданы, Акиса и Скупа (Скопії?), наткнулся, въ 596 г., около Маркіянополя, братъ Маврикія Петръ, получившій главное начальство надъ

⁹⁴) *Εφασκε γὰρ ὁ αὐτοκράτωρ τῷ Πρίσκῳ, οὐκ ἂν ἤρεμοίη τὸ βάρβαρον, εἰ μὴ τὸν Ἰστρὸν εἰς τὰ μάλιστα τὸ Ῥωμαϊκὸν περιφρουρήσοιτο. Theophyl. VI, 6.

⁹⁵) Въ Вѣнскомъ спискѣ—Μουσόκιος = Мужикъ, Мужикъ, имя, встречающееся нрѣдко въ Древне-Славянскомъ именословѣ. См. Котляревскаго, „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ“, стр. 45.—Да и теперь у Верхне-лужичанъ есть писатель Мужикъ (Mužik.) О. Б.

⁹⁶) Theophyl. VI, 7—9.

⁹⁷) *Εφασκε γὰρ φύγη ὑπεῖναι δυσυπομένητα, τὰ τε βαρβάρων πλήθη ἀκαταγώνιστα. Theophyl. VI, 10.

войскомъ, вмѣсто отставленнаго Приска⁹⁸). Въ слѣдующемъ же году, 596 г., мы узнаемъ, что Славяне угрожали своимъ нападеніемъ Царьграду⁹⁹). Все это намъ показываетъ, что походъ Приска въ землю Славянъ на лѣвый берегъ Дуная, ни сколько не достигъ предположенной цѣли. Въ 597 г. новый полководецъ, Петръ, тоже переправлялся черезъ Дунай, около впаденія въ него рѣки Осмы, при чемъ онъ потерялъ 1000 человекъ, убитыхъ Славянскимъ Воеводой, Пирогостой, защищавшимъ переправу. Хотя Римлянамъ и удалось, наконецъ, убивши Пирогосту, разсѣять Славянскую стражу и высадиться на лѣвый берегъ Дуная, но вскорѣ они принуждены были возвратиться назадъ, не причинивъ врагу существеннаго вреда¹⁰⁰). Около этого времени Авары, нарушивъ миръ, вторгнулись въ Имперію. Въ 598 г. они кинулись на Далматію, гдѣ разорили около 40 городовъ (сторожевыхъ башенъ), въ томъ числѣ и городъ Балей, нынѣшній Бѣлай. Прискъ, которому было снова ввѣрено главное начальство надъ войскомъ, утвердившись въ Сингидонѣ, отправилъ противъ нихъ Подстратига Гудуина (Γουδουίν), которому удалось напасть на враговъ изъ засады и нанести имъ значительное пораженіе, заставившее Хакана отступить за Саву, въ Срѣмъ, гдѣ находилась его столица¹⁰¹). На слѣдующій годъ, собравшись съ новыми силами, Авары вторгнулись въ Мизію и Тракію, но открывшаяся между ними моровая язва, поразившая, между прочимъ, дѣтей самаго Хакана, заставила ихъ заключить миръ въ 600 г. Между условіями этого мира мы находимъ одну, особенно любопытную для насъ, статью: границей между Аварскимъ Царствомъ и Имперіей назначенъ Дунай, который Римлянамъ позволялось переступать въ одномъ только случаѣ, а именно: въ случаѣ войны съ Славянами¹⁰²).

Не смотря на двукратную попытку обуздать Дакийскихъ Славянъ и утвердить власть Имперіи на лѣвомъ берегу Дуная, Маврикій все не отказывался отъ приведенія въ исполненіе этой мысли. Какъ только опасность, грозившая со стороны Аваровъ, минувала, онъ сталъ торопить своего брата, котораго

⁹⁸) Theophyl. VII, 2. По мнѣнію Шафарика, Залдана и Акисъ лежали на Дунаѣ: первый между устьями Лома и Янтры, второй выше впаденія Тимока въ Дунай. „Слав. Древн.“ II, кн. 2, стр. 251.

⁹⁹) См. ниже примѣч. 106.

¹⁰⁰) Simoc. VII, 2—5.

¹⁰¹) Simoc. VII, 12; Рачкаго, Осцена“ 67.

¹⁰²) Simocat. VII, 15.

снова облекъ званіемъ Главнона начальствующаго, къ походу за Дунай. Петръ отправилъ туда съ сильнымъ отрядомъ Гудуина, прославившагося въ послѣдней войнѣ съ Аварами. Гудуинъ, вторгнулся въ землю Славянъ, и успѣлъ произвести въ ней значительныя опустошенія. Но, съ наступленіемъ осени, не могши принудить свое войско зимовать въ непріятельской странѣ¹⁰³), возвратился за Дунай и оставовился близъ города Секуриска и Осмы. Маврикій, не справляясь съ дѣйствительностію, требовалъ, во чтобы то ни стало, зимовки въ странѣ Славянъ. Дѣло дошло до открытаго бунта; солдаты бросили свое мѣсто на Дунаѣ и съ Центуріономъ Фокою во главѣ двинулись къ столицѣ, которая перешла на сторону взбунтовавшихся. Фока провозглашенъ Императоромъ, Маврикій же и его сыновья были казнены. Такъ кончилъ жизнь этотъ человѣчнѣйшій, честнѣйшій мужъ, но правитель въ высшей степени недалководный, ученый, но не практическій стратигъ. Онъ сдѣлался жертвой своихъ стремленій, зародившихся въ немъ отъ изученія теоріи военнаго искусства и исторіи его у древнихъ Римлянъ, а не внушенныхъ ему дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, дѣйствительными нуждами Имперіи. Намъ непонятны затѣи Маврикія на Дунаѣ, его упорное стремленіе, во что бы то ни было, распространить свою власть на прилегающую къ этой рѣкѣ часть Дакии. Правда, онъ бы этимъ прекратилъ вторженіе тамошнихъ Славянъ на полуостровъ, но не того, кажется, требовало положеніе вещей. Бурныя Славянскія вторженія, начавшіяся, какъ мы видѣли, еще за полтора ста лѣтъ до Маврикія и въ теченіе всего этого времени безостановочно и безпрепятственно разливавшіяся по всему полуострову, успѣли уже оставить во всѣхъ частяхъ его значительныя Славянскія поселенія, которыя были далеки еще отъ признанія власти Византіи надъ собою и находились въ состояніи сильнаго броженія. Отъ этихъ-то Славянъ и происходила главнымъ образомъ опасность для Имперіи. Мы уже имѣли случай наблюдать броженіе этой безпокойной стихіи, внѣдрившейся въ предѣлахъ Имперіи, и ближайшія послѣдствія этого броженія для власти послѣдней. Это было сдѣлано нами при обзорѣ движеній Славянства въ царствованіе Юстиніана. Стихія эта,

¹⁰³) Διὰ δὲ τὴν λαίαν αὐτῆν, διὰ τε τὴν τῆς ἑπποῦ ταπεινωσιν, ἔτι γέμην καὶ διὰ τὸ πλῆθη βαρβάρων. Simocat. VIII, 6.

постоянно усиливаясь прибытіемъ новыхъ силъ изъ-за Дуная, ко времени царствованія Мавρικія достигла уже огромныхъ размѣровъ, какъ показываютъ слѣдующія происшествія, относящія къ этому царствованію.

Въ 581 г. посоль Аварскій, возвращаясь изъ Константинополя къ своему повелителю въ Паннонію, былъ убитъ на дорогѣ гдѣ-то между Филиппополемъ и Софіею¹⁰⁴). По разсказу Менандра, происшествіе это случилось послѣ отступленія, вторгавшихся передъ этимъ, Задунайскихъ Славянъ, судя по чему можно смѣло утверждать, что убійство было дѣломъ, обитавшихъ уже въ этихъ краяхъ, Славянъ. Въ 592 г., во время перваго перехода Византійскаго войска на лѣвый берегъ Дуная, полководецъ Прискъ, захвативъ въ плѣнъ нѣсколькихъ Дакійскихъ Славянъ, отпраздновалъ ихъ, вмѣстѣ съ награбленной добычей, къ Императору, подъ прикрытіемъ трехсотъ воиновъ, начальство надъ которыми ввѣрено было Татимиру (Славянину, находившемуся на службѣ Имперіи). На шестой день выхода по пути съ берега Дуная въ Константинополь, на Татимира неожиданно напали Славяне, отъ которыхъ онъ съ трудомъ отбился. Происшествіе это, имѣвшее мѣсто гдѣ-то около Балканскихъ горъ, ясно показываетъ, что и тутъ находились Славяне¹⁰⁵). Въ 597 г., когда братъ Маврикія, Петръ, дѣлалъ приготовленія на Дунаѣ къ новому вторженію въ землю Дакійскихъ Славянъ, онъ былъ извѣщенъ Маврикіемъ о приближеніи огромныхъ Славянскихъ полчищъ къ столицѣ¹⁰⁶). Ясно, что эти полчища не шли изъ-за Дуная; ибо въ такомъ случаѣ они бы не остались незамѣченными Петромъ, стоявшимъ тогда на этой границѣ Имперіи. Около этого времени происходили и первыя двѣ осады Солуня Славянами, переданныя намъ въ Солунскомъ сказаніи о Св. Димитріи. Первая изъ этихъ осадъ, по весьма обстоятельнымъ изслѣдованіямъ Филарета, Архіепископа Черниговскаго, происходила прежде 597 года. 26-го Октября Солуняне праздновали день Св. Димитрія, своего покровителя, съ великимъ торжествомъ, не ожидая никакой опасности для себя откуда ни будь. Но вдругъ, на слѣдующій же день

¹⁰⁴) Strit. II, 50.

¹⁰⁵) Simoc. VI, 8.

¹⁰⁶) Μαυρίκιος ἐπιστολὴν τῷ ἀδελφῷ ἐξέπεμπεν, ἐνδημῆσαι τῇ Θράκῃ. ἡκικῶσι γάρ. . . . τῶν Σκλαβηνῶν τὰ πλήθη εἰς Βυζάντιον τὰς ὁρμὰς ἐπέφεραν. Simocat. VII, 2.

они увидали подъ стѣнами своего города около 5,000 Славянъ, „людей отборныхъ и опытныхъ въ военномъ дѣлѣ.“ Они выступили противъ нихъ, но вскорѣ принуждены были воротиться назадъ; „ибо, поясняетъ лѣтописецъ, на сторонѣ непріятельской стоялъ избранный цвѣтъ всего Славянскаго народа“¹⁰⁷). Вторая осада, происходившая вскорѣ послѣ первой, еще любопытнѣе по своимъ подробностямъ, описаннымъ очевидцемъ. Въ этотъ разъ Славяне подступили къ городу въ огромномъ числѣ, и явились также неожиданно для Солунянъ, какъ и въ предшествующую осаду: они увидали многочисленнаго врага подъ своими стѣнами черезъ день по полученіи слуха о немъ. На другой же день Славяне „приготовили осадныя машины и желѣзные бараны, огромныя каменнометныя орудія и, такъ называемыя, черепахи, покрывъ ихъ сухими кожами; потомъ, перемѣнивъ намѣреніе, чтобы тѣ не повреждены были горячею смолою, употребили кожи не давно убитыхъ быковъ и верблюдовъ, прикрѣпя ихъ къ машинѣ гвоздями. Распорядясь такимъ образомъ вблизи стѣны, съ третьяго дня стали бросать каменя; стрѣлки ихъ метали стрѣлы подобно земнымъ облакамъ, такъ что нельзя было стоявшимъ на стѣнѣ безъ опасности показаться за стѣну и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Придвинувъ черепахи къ наружной стѣнѣ, сильно потрясали они основанія ея рожнами и серпами. Каменнометательныя орудія были четверугольныя, послѣ широкихъ основаній, оканчивавшіяся узкими верхами; на сихъ послѣднихъ были утверждены весьма толстые цилиндры, по концамъ вооруженные желѣзомъ, и деревья, утвержденныя гвоздями, вмѣщавшія въ себѣ метательныя машины, на подобіе брусевъ дома; машины, поднимаемыя снизу, выбрасывали непрерывный дождь камней огромныхъ. Для того, чтобы находившіеся въ нихъ воины не терпѣли вреда отъ бросавшихъ со стѣны стрѣлъ, три стороны сихъ четверугольныхъ машинъ покрыты были досками“¹⁰⁸). Мы видимъ изъ этого описанія, что Славянами употреблено было въ дѣло противъ Солуня все, чѣмъ дѣйствовало тогдашее военное искусство. Внезапное появленіе этихъ Славянъ подъ Солунемъ, равно какъ и качество ихъ осадныхъ орудій, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это не были не-

¹⁰⁷) „Св. Великомученикъ Димитрій и Солунскіе Славяне,“ въ „Чтевіяхъ въ Импер. Обществѣ Ист. и Древн. Росс.“ 1848, № 6, стр. 10—11.

¹⁰⁸) Тамъ же стр. 15.

стройныя толпы, появившіяся изъ-за Дуная, что, напротивъ, Солуняне имѣли дѣло и въ обѣихъ этихъ осадахъ съ врагами, жившими недалеко отъ нихъ. То были тѣ Славяне, которые, по выраженію Іоанна Ефесскаго, писавшаго за 10 лѣтъ, приблизительно, до этихъ осадъ, „жили, сидѣли и покоились въ Римскихъ областяхъ безъ всякой заботы и страха, и умѣли владѣть оружіемъ лучше, чѣмъ Римляне.“

Въ 601 году, когда братъ Маврикія, Петръ, готовился къ войнѣ съ Аварами, а Подстратигъ его, Гудуинъ, воевалъ съ Славянами въ Дакии, Аварскій Хаканъ отправлялъ своего Воеводу, Апсиха, противъ Антовъ, о которыхъ было дознано имъ, что вступили въ союзъ съ Римлянами противъ него¹⁰⁹). Предположеніе Камбеза, что тутъ надо разумѣть Антовъ, жившихъ на берегу Азовскаго моря¹¹⁰), болѣе чѣмъ несообразно: не говоря уже о невозможности предположить какіе ни будь поводы къ столкновеніямъ Аваровъ съ столь отдаленнымъ мѣстоисно отъ нихъ народомъ, не мыслимо, чтобы Хаканъ рѣшился отправлять отрядъ своего войска изъ Панноніи къ Азовскому морю, для достиженія котораго отрядъ этотъ долженъ былъ пробиться чрезъ многія, враждебно расположенныя къ Аварамъ, страны. Не возможно предполагать также, чтобъ упоминаемые здѣсь Анты были непосредственными сосѣдями Аваровъ; ибо такими были собственные Славяне, съ которыми воевали тогда Византійцы, находившіеся въ открытой войнѣ, современно, и съ Аварами. Жилища этихъ Антовъ, союзниковъ Римлянъ, какъ справедливо замѣтилъ еще Цейсъ¹¹¹), не нужно искать нигдѣ болѣе, какъ на правомъ берегу Дуная, на Балканскомъ полуостровѣ. Это подтверждается и нѣкоторыми обстоятельствами первой войны Аваровъ съ Славянами, предпринятой ими по приглашенію Императора Тиверія. Мы видѣли, что въ этой войнѣ Авары должны были переходить на правый берегъ Савы въ Илирію, а оттуда совершать походъ черезъ всю Мизію. Весьма справедливо замѣчаетъ по этому поводу Гильфердингъ „ясное доказательство, что Мизія была тогда Славянскою землею; ибо иначе такой походъ не имѣлъ бы цѣли“¹¹²).

¹⁰⁹) Simocat. VIII, с. 5; Theoph. ed. Paris, p. 238. Какъ у того, такъ и у другого, вмѣсто имени Антовъ, τῶν Ἀντῶν, написано ошибочно: τῶν ἄρτῶν, τῶν γαυτῶν.

¹¹⁰) Strit. II, 69.

¹¹¹) „Die Deutschen“ 606.

¹¹²) „Собран. соч.“ I, стр. 11.

Всѣ эти данныя съ достаточной ясностью убѣждаютъ насъ, что въ царствованіе Маврикія на полуостровѣ существовала уже весьма многочисленная Славянская стихія, не вполне еще установившаяся на мѣстѣ, не осѣвшаяся. Если часть ея и входила въ сдѣлки съ Имперіей, заключала даже союзъ съ нею противъ ея враговъ, какъ мы видѣли въ, только что означенномъ, примѣрѣ Антовъ, то оставалась еще большая часть находившаяся въ открытой враждѣ съ Греко-Римскимъ міромъ и угрожавшая гибелью отдаленнѣйшимъ и крѣпчайшимъ пріютамъ его, Солуню и Константинополю, и это въ то самое время, когда Маврикій направлялъ всѣ силы Имперіи на Дунай и упорно стремился къ утверженію своей власти на сѣверномъ берегу этой рѣки. Данныя эти не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что затѣя Маврикія противъ Дакійскихъ Славянъ, обитавшихъ внѣ предѣловъ Имперіи, не была послѣдствіемъ обузданія Славянъ, внѣдрившихся уже въ самомъ сердцѣ ея, какъ бы слѣдовало ожидать, и какъ бы могло показаться при болѣе поверхностномъ взглядѣ на его затѣю. Затѣя эта, какъ мы видѣли, кончилась полнѣйшей неудачей: приливъ новыхъ Славянъ на полуостровъ не былъ остановленъ, дѣло это оказалось выше силъ Маврикія; а ради этого бесплоднаго дѣла, на которое онъ долженъ былъ употребить всѣ свои средства, имъ не было предпринято никакихъ мѣръ для обузданія водворившихся уже на полуостровѣ Славянъ, такъ что всѣ шумныя хлопоты этого Императора о спасеніи Имперіи отъ этихъ враговъ, хлопоты, стоившія послѣдней столь многихъ жертвъ, не имѣли никакого успѣха.

Не менѣе благопріятно для Славянскаго дѣла было и восьмилѣтнее правленіе Фоки (602—610)¹¹³). Не говоря уже о кровопролитныхъ смутахъ въ самой столицѣ, о страшной моровой язвѣ и другихъ естественныхъ бѣдствіяхъ, обрушившихся тогда на Византію, противъ нея ополчился съ грозною силой Персидскій Царь, Хозрой, объявившій себя мстителемъ за низложеніе и казнь своего благодѣтеля и друга, Маврикія. Месопотамія, Сирія, Палестина, Финикія, Каппадокія, Галатія и Пафлагонія, были страшно разорены этимъ врагомъ, который если не покорилъ себѣ всѣхъ владѣній Имперіи въ Азіи, даже

¹¹³) Мастерскую характеристику этого безразсуднаго тирана и его губительнаго для Византіи правленія см. у Драпейрона: „L'empereur Heraclius et l'empire Byz. au VII-e siècle.“ Paris, 1869, p. 32—39.

и самаго Константинополя, то благодаря только тому обстоятельству, что современно онъ долженъ былъ воевать еще и съ Армянами и Турками, въ слѣдствіе чего не могъ сосредоточить всѣхъ своихъ силъ и направить ихъ къ этой цѣли¹¹⁴). Всѣ войска Имперіи, во время этой продолжительной и грозной войны, должны были стоять въ Азіи, Европа была оставлена безъ всякой защиты на произволь сѣверныхъ варваровъ. Полуостровъ снова очутился въ еще худшемъ положеніи, чѣмъ то, въ какомъ онъ находился во время Анастасія.

Императоръ Ираклій, начавшій царствовать по смерти Фоки, въ 610 г., засталъ Имперію на краю гибели: „Европейскія владѣнія ея, замѣчаетъ Теофанъ, были опустошены варварами, Азія же совсѣмъ была разорена Персами“¹¹⁵). Самому Константинополю угрожала важная опасность, такъ что Ираклій, не желая связывать съ его сомнительною уже участію судьбу своего дома и Имперіи, рѣшился перенести столицу въ Африку, въ Карфагенъ. Онъ успѣлъ сдѣлать всѣ приготовленія къ этому, и готовъ уже былъ со всѣмъ своимъ семействомъ и приближенными къ выѣзду, какъ распространившаяся объ этомъ молва подняла на ноги всѣхъ жителей Новаго Рима, которые, съ Патріархомъ Сергіемъ во главѣ, останови въ его, заставили поклясться, что будетъ защищать городъ до послѣдняго издыханія¹¹⁶).

Въ первыя 12 лѣтъ своего правленія Ираклій не былъ въ состояніи предпринять какія либо мѣры противъ враговъ: только по истеченіи этого времени, собравшись нѣсколько съ силами онъ открылъ противъ Персовъ рядъ удачныхъ походовъ, стяжавшихъ ему славу великаго полководца. Немедленно по окончаніи этой войны онъ былъ принужденъ вступить въ неравную борьбу съ Аравитянами, противъ которыхъ тщетно оборонялъ Сирію и Египетъ. Первая была уступлена имъ совсѣмъ, во второмъ Ираклій оставилъ своимъ наслѣдникамъ только крѣпость Александрію, да и то слабо защищенную противъ, осаждавшихъ ее, поклонниковъ Пророка. Такимъ образомъ дѣла Востока исключительно поглощали все вниманіе Ираклія въ теченіе 19 лѣтъ, до самой его смерти, случившейся въ 641 г. Ни время, ни средства, не позволяли ему обратить

¹¹⁴) Филлей, „Griechenland unter d. Röm.“ p. 293.

¹¹⁵) Ἡράκλειος δὲ βασιλεὺς βασιλεύσας εὗρε παραλελυμένα τὰ τῆς πολιτείας Ῥωμαίων πράγματα. τὴν τε γὰρ Εὐρώπην οἱ βάρβαρα ἐρήμωσαν, καὶ τὴν Ἀσίαν οἱ Πέρσαι πᾶσαν κατέστρεψαν. Theoph. ed. Paris, p. 251, ed. Bonn. 462.

¹¹⁶) Drapcyron, „L'emp. Heracl.“ p. 111.

вниманіе и на области Балканскаго полуострова, которыя и въ это долговременное царствованіе представляются совершенно оставленными на произволь враговъ, благодаря этому успѣвшихъ уже окончательно водворить въ нихъ свою власть. Что эти счастливые враги Имперіи, которыхъ Теофанъ называетъ просто варварами, были Славяне, это, кромѣ извѣстныхъ уже намъ отношеній Славянства къ Византіи при ближайшихъ предшественникахъ Ираклія, Маврикіи и Фокѣ, подтверждаетъ еще и свидѣтельство современника, Исидора Сивильскаго или Испальскаго. Въ самомъ началѣ царствованія Ираклія, пишетъ этотъ лѣтописецъ, на 5-мъ году этого царствованія, Славяне отняли у Римлянъ Грецію, Персы же Сирію, Египеть и многія другія области¹¹⁷). Большинство изслѣдователей, однако, упуская изъ виду это свидѣтельство современника, совершенно произвольно видятъ въ варварахъ выше приведеннаго свидѣтельства Теофана Аваровъ. Драпейронъ, въ своей, недавно вышедшей, монографіи объ Императорѣ Иракліи, счелъ даже нужнымъ сдѣлать поправку въ текстъ этого свидѣтельства, замѣнивъ въ немъ слово „варвары“ словомъ „Авары“¹¹⁸). Увѣренность этихъ изслѣдователей, что Аварамъ принадлежало господство на полуостровѣ въ царствованіе Ираклія, основывается на невѣрно понятыхъ извѣстіяхъ нѣкоторыхъ лѣтописцевъ о двухъ столкновеніяхъ Аваровъ съ Византійцами при Иракліи. Мы разумѣемъ попытку Аваровъ взять въ плѣнъ Ираклія въ окрестностяхъ Гераклеи, куда онъ отправлялся для свиданія съ вѣроломнымъ Хаканомъ, и осаду Константинополя въ 626 г., осаду, въ которой, по словамъ Византійцевъ, принимали участіе и Славяне, въ качествѣ данниковъ Хакана. Если Авары заходили такъ далеко, разсуждаютъ упомянутые изслѣдователи, если они отваживались на осаду самой столицы, и повелѣвали Славянами, то нѣтъ сомнѣнія, что они господствовали на полуостровѣ. Неосновательность этого заключенія обнаружится сама собою, если нѣсколько внимательнѣе вникнемъ въ подробности передаваемыхъ лѣтописцами объ этихъ двухъ, единственныхъ,

¹¹⁷) „Heraclius dehinc quintum agit imperium annum. Cujus initio Selavi Graeciam Romanis tulerunt, Persae Syriam et Aegyptum plurimasque provincias.“ Roncal. II, 460. Объ Исидорѣ Севильскомъ или Испальскомъ и его лѣтописи см. Ваттенбаха, „Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter“. Berlin, 1866, S. 62—64.

¹¹⁸) Вотъ какъ переводитъ онъ это мѣсто, приведенное нами выше въ прим. 115: „En montant sur le trône, il (Heracl.) trouvait la domination romaine ébranlée. Les Avars (въ подлинникѣ *οι βάρβαροι*) avait fait de l'Europe un désert; les Perses“ etc. „L'Emp. Heracl.“ 99.

нужно замѣтить, случаяхъ столкновенія Аваровъ съ Византіяцами при Иракліи. Главнымъ источникомъ для исторіи этихъ происшествій служить современный писатель, Георгій Писиды, котораго можно назвать пѣвцомъ Ираклія¹¹⁹). По разсказу его, Гераклеиское дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Приготовляясь къ войнѣ съ Персами, Ираклій, въ видахъ совершеннаго обезпеченія себя со стороны Аваровъ, рѣшился послать къ Хакану ихъ, въ Паннонію, пословъ, для утвержденія дружественныхъ отношеній къ нему. Въ отвѣтъ на это посольство, Хаканъ вызвался ѣхать къ Императору, для личныхъ переговоровъ съ нимъ по этому дѣлу, назначивъ мѣстомъ свиданія городъ Гераклею. Обрадованный этою любезностію Хакана, Ираклій отправился съ великою пышностію къ мѣсту, назначенному для свиданія, какъ только былъ извѣщенъ о приближеніи Аварскаго повелителя. Этотъ послѣдній, подъ видомъ такой предупредительности, тайлъ коварные замыслы захватить въ плѣнъ довѣрившагося ему Императора, вмѣстѣ со всѣми сопровождавшими его. Для этой цѣли онъ привелъ съ собою изъ-за Савы значительные отряды, которые удалось ему, незамѣтно для Византіяцевъ, размѣстить по вершинамъ и лѣсамъ, прилегавшимъ къ дорогѣ, по которой долженъ былъ ѣхать Императоръ. Не подозрѣвая никакого коварства, Ираклій тронулся изъ Силимврии пышнымъ и торжественнымъ поѣздомъ, желая этимъ поразить варвара и внушить ему глубокое уваженіе къ достоинству Римскаго Императора. Но вдругъ это спокойное и величественное шествіе было смущено появленіемъ угрожающихъ Аварскихъ шаекъ, отъ которыхъ, однако, Императоръ успѣлъ спастись бѣгствомъ. Потерпѣвъ такую неудачу въ своихъ коварныхъ замыслахъ, Хаканъ далъ приказаніе своимъ отрядамъ ринуться къ столицѣ. Они произвели страшное опустошеніе въ ея окрестностяхъ и, нагрузивъ себя богатою добычею, преспокойно отступили за Саву, въ свои владѣнія. Мы видимъ изъ подробностей этого дѣла, что Авары явились изъ Панноніи, весьма непродолжительное время оставались на полуостровѣ и снова отступили на лѣвый берегъ Савы. То же самое было и во время осады Константинополя. Предпріятіе это было задумано Хаканомъ въ Панноніи, гдѣ имъ были сдѣланы всѣ приготовленія къ нему: оттуда онъ привелъ свои полчища къ Византіи и, потерпѣвъ неудачу подъ стѣнами ея,

¹¹⁹) „Bellum Avaricum,“ ed. Bonn, p. 47 seq.

возвратился во свояси. Отсюда явствуетъ, что появленіе Аваровъ на берегу Мраморнаго моря и подъ стѣнами Константинополя имѣло видъ временнаго вторженія ихъ въ эти края, не было послѣдствіемъ прочнаго утвержденія ихъ власти въ сѣверныхъ и среднихъ частяхъ полуострова. Обратимся теперь къ разсказамъ лѣтописцевъ о вынужденномъ участіи Славянъ въ осадѣ Константинополя, разсказамъ, служащимъ однимъ изъ основаній извѣстнаго уже намъ мнѣнія о подчиненномъ отношеніи всего занимающаго насъ Славянства Аварамъ. Что Славяне дѣйствительно участвовали въ этой осадѣ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Кромѣ многихъ изъ позднѣйшихъ Византійскихъ лѣтописцевъ¹²⁰⁾, участіе это засвидѣтельствовано и современниками Ираклія: поэтомъ Георгіемъ Писидой¹²¹⁾, и составителемъ 2-й части Пасхальной Хроники¹²²⁾. На разсказѣ этихъ двухъ лѣтописцевъ, какъ первыхъ источниковъ, мы собственно и должны остановиться. По словамъ ихъ, въ осадѣ участвовало множество Славянъ, которые особенно отличались, какъ искусные моряки: изъ нихъ исключительно состоялъ отрядъ, который на многочисленныхъ корабляхъ, однодеревкахъ, долженъ былъ брать городъ со стороны моря. Византійскій флотъ, однако, успѣлъ окружить эту Славянскую флотилію и совершенно ее уничтожить. Только немногіе изъ потерпѣвшихъ пораженіе моряковъ снаслись вплавь, но когда они прибыли въ станъ Хакана, онъ предалъ ихъ казни. Остальная Славянская рать, дѣйствовавшая вмѣстѣ съ Аварамъ съ суши, при видѣ этого жестокаго поступка Хакана съ ихъ единоплеменниками, бросила его станъ и направилась къ своимъ домамъ, что, къ великой радости осажденныхъ, заставило Хакана снять осаду и удалиться. Если свѣдѣнія Писиды и неизвѣстнаго составителя Пасхальной Хроники о подчиненномъ отношеніи, участвовавшихъ въ осадѣ, Славянъ къ Аварамъ вѣрны, то и тогда свидѣтельства ихъ объ этомъ предметѣ не могли бы служить подтвержденіемъ для вывода о подчиненности всего, занимающаго насъ, Славянства Аварамъ, вывода, опирающагося, какъ мы видѣли, на весьма шаткихъ основаніяхъ и опровергаемаго цѣлымъ рядомъ разительныхъ данныхъ, на которыя было указано нами выше. Свидѣтельства эти, въ данномъ случаѣ, доказывали бы только, что тутъ уча-

¹²⁰⁾ Theoph., ed. Bonn. I, 485; Cedren. I, 727; G. Hamart. 567.

¹²¹⁾ „Bell. Avaric.“ 59 seq.

¹²²⁾ „Chron. Paschale,“ ed. Bonn. I, 715.

ствоваали одни Паннонскіе Славяне, которые, какъ мы видѣли, дѣйствительно подпали подѣ власть Аваровъ. Есть, однако, основанія усомниться въ точности этихъ свидѣтельствъ.

Около начала VII вѣка мы узнаемъ изъ самаго достовѣрнаго источника, что Далматія и сѣверо-восточная часть Италіи находились подѣ страхомъ вторженія Славянъ: въ то время, какъ одни полчища ихъ отваживались нападать даже на укрѣпленные приморскіе города Далматіи, другіе пытались чрезъ Истрію ворваться въ Италію. Объ этихъ движеніяхъ ихъ говоритъ посланіе Папы Григорія Великаго къ Архіепископу Солинскому, отъ 600 г. „Славянскій народъ, пишетъ Папа, сильно меня огорчаетъ и смущаетъ: огорчаюсь, ибо соболѣзную Вамъ, смущаюсь же, ибо они (Славяне), чрезъ Истрію, начали уже проникать и въ Италію“¹²³). Славяне эти, безъ всякаго сомнѣнія, выходили изъ Панноніи, или изъ Норика. Обитателями этихъ странъ были и тѣ Славяне, которые упоминаются въ слѣдующихъ происшествіяхъ. По свидѣтельству Павла Діакона, около 595 г., Славяне дѣлали набѣги на владѣнія Баварскаго герцога Тасилона, который, отражая ихъ, два раза проникалъ въ ихъ земли съ своимъ войскомъ¹²⁴). Въ 609 г. сынъ Тасилона, Гарибальдъ II, предпринялъ походъ въ землю Славянъ, но около пограничнаго города Агунта (нынѣ Инихенъ, на р. Дравѣ), потерпѣлъ отъ нихъ сильное пораженіе, которое заставило его обратиться въ бѣгство¹²⁵). Славяне вторгнулись тогда въ область Пустерталь, которую долгое время продолжали опустошать¹²⁶). Въ 613 г., по свидѣтельству того же лѣтописца, Славянскія дружины разоряли Истрію¹²⁷). Во всѣхъ этихъ происшествіяхъ Паннонскіе и Норичскіе Славяне являются совершенно самостоятельными воителями, что даетъ намъ полное право заключить о существо-

¹²³) „Et quidem de Sclavorum gente, quae vobis valde imminet, affligor vehementer et conturbor. Affligor in his, quoniam in vobis patior; conturbor, quia per Istriae aditum jam Italiam intrare coeperunt.“ Mansi, „Concilior. coll.“ t. X, p. 117; Farlati, „Illyr. Sacr.“ II, p. 287.

¹²⁴, Paul. Diacon., l. IV, 7, 11.

¹²⁵) P. D. IV, 41.

¹²⁶) Область Пустерталь у средневѣковыхъ писателей называлась „Pustrissa“ (Быстрица). Область эта лежитъ въ долинѣ Дравы и простирается на западъ до Мюльбаха, лежащаго выше Бриксена. Хотя Павелъ Діаконъ и говоритъ, что Баварцы, собравшись съ силами, заставили Славянъ очистить эту страну, но не подлежитъ сомнѣнію, что тамъ были основаны тогда значительныя Славянскія поселенія, остатки которыхъ существуютъ и по нынѣ. I. Thaller, „Geschichte Tirols.“ Innsbruck, 1854, 36.

¹²⁷) P. D. IV, 38, 42.

вашии въ этихъ краяхъ довольно многочисленнаго свободнаго Славянскаго населенія. Для объясненія этого явленія возможны только два предположенія: или населеніе это никогда не было подчинено Аварамъ, власть которыхъ, въ такомъ случаѣ, никогда не простиралась на Норикъ и на всю Паннонію, или же, если бы послѣднее предположеніе оказалось невѣрнымъ, господство новыхъ Азіятскихъ пришельцевъ было уже сильно поколеблено въ этихъ странахъ, ко времени упомянутыхъ движеній Паннонскихъ и Норическихъ Славянъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, случаѣ Авары не были бы въ состояніи привести подъ стѣны Константинополя оттуда этихъ искусныхъ Славянскихъ воиновъ, множество которыхъ приводило въ изумленіе Писиду и Составителя Пасхальной Хроники. Кромѣ того, въ самомъ разсказѣ послѣднихъ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя черты, опровергающія ихъ сужденія объ отношеніи этихъ воиновъ къ Хакану. Славянскіе отряды, по словамъ ихъ, во время осады дѣйствовали отдѣльно отъ Аваровъ, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ: — обстоятельство немислимое, если участіе Славянъ въ этомъ дѣлѣ было дѣйствительно вынужденное. Далѣе, по разсказу этихъ лѣтописцевъ, Славяне, обиженные Хаканомъ, немедленно выдаютъ осаду и возвращаются въ свои жилища. Этотъ поступокъ ихъ едва ли былъ бы возможенъ, если бы надъ ними, дѣйствительно, висѣла Аварская гроза, если бы жилища ихъ находились въ Панноніи, въ средоточіи Аварскаго Государства. Всего вѣроятнѣе, что Славяне эти были изъ тѣхъ, которые сидѣли уже на полуостровѣ, и именно въ приморскихъ частяхъ его; ибо иначе необъяснимо то, что они владѣли кораблями и были искусны на морѣ. Не безъ значенія въ этомъ отношеніи и то, что въ числѣ убитыхъ Славянъ, въ морскомъ сраженіи подъ Константинополемъ, были также и женщины — Славянки.

Мы остановились надъ уясненіемъ этихъ вопросовъ, дабы показать, что и тридцатилѣтнее правленіе Ираклія было также благопріятно, какъ для упроченія существовавшихъ уже Славянскихъ поселеній на полуостровѣ, такъ и для прилива туда новыхъ Славянскихъ переселенцевъ изъ-за Дуная и Савы. Намъ положительно извѣстно, что въ это именно царствованіе была наполнена и завоевана Славянами вся Далматія, въ обширномъ смыслѣ, т. е., весь сѣверо-западный уголъ полуострова, заключающійся между берегомъ Адриатическаго моря, рѣкой

Савой и чертой, проведенной отъ берега этой рѣки, выше Бѣлграда, до Драча. Мы уже замѣтили, что нѣкоторыя Славянскія вторженія при Юстиніанѣ, а именно: вторженія 548, 550, 551 и 552 годовъ, коснулись и этой страны; замѣтили также, что въ царствованіе Маврикія Славяне угрожали уже приморскимъ городамъ ея. И не подлежитъ сомнѣнію, что еще во второй половинѣ VI в., если даже и не раньше, въ Далматіи уже существовали Славянскія поселенія, но ихъ было тогда еще немного; ибо до самаго конца VI в. въ ней продолжала еще существовать Римская гражданственность, Византійскій государственный нарядъ, правильная церковная Іерархія и проч.¹²⁸). Къ концу царствованія Ираклія ничего этого не находимъ болѣе въ Далматіи: вся она, за исключеніемъ приморскихъ городовъ: Дубровника, Сплѣта, Трогира, Задра и острововъ: Крка, Раба и Осара, къ этому времени является уже въ рукахъ варваровъ—Славянъ. Въ 641 г., годъ смерти Ираклія, Папа Іоаннъ VI посылалъ въ Далматію Аббата Мартына, для выкупа у Славянъ нѣкоторыхъ плѣнныхъ и для перенесенія оскверняемыхъ Славянскимъ нечестіемъ мощей Святыхъ оттуда въ Римъ¹²⁹). Но когда именно и какимъ образомъ произошло это совершенное занятіе Далматіи Славянами, объ этомъ современники ничего не говорятъ, изъ позднѣйшихъ же Византійцевъ одинъ только Константинъ Багрянородный, писавшій около трехъ сотъ и болѣе лѣтъ по смерти Ираклія, передаетъ намъ подробный, но полный несообразностей рассказъ объ этомъ предметѣ. Такъ какъ рассказу его изслѣдователи занимающаго насъ здѣсь вопроса обыкновенно придаютъ важное историческое значеніе¹³⁰), то мы считаемъ нужнымъ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

По словамъ Константина, занятіе Далматіи Славянами, Сербо-Хорватами, было устроено самимъ Иракліемъ. Еще около половины V вѣка Авары покорили будто эту страну, водворились и господствовали въ ней до времени Ираклія, который,

¹²⁸) Рачкаго: „Ocjena starijih izvora,“ str. 65—67.

¹²⁹) „Nec (Iohannes IV) temporibus suis misit per omnem Dalmatiam, seu Istriam, multas pecunias per sanctissimum et fidelissimum Martinum Abbatem, propter redemptionem captivorum, qui depraedati erant a gentibus... Reliquias (multorum Martyrorum) de Dalmatia et Istria adduci praesecerat et recondidit eas in Ecclesia“ (построенной въ Римѣ во имя этихъ мучениковъ). Anastas. „De vitis Roman. pontif.“ Ар. Muratori, R. It. ss. III, 137.

¹³⁰) Не говоря уже о другихъ, мы укажемъ на болѣе основательныхъ: Шафарика, „Слав. Древн.“ II, кн. I, 392—396, кн. 2, 1—4, и Гильфердинга, „Собраніе сочиненій.“ I, 16.

жалѣя о потерѣ столь великой области, но не имѣя достаточно силъ для одолѣнiя такого могущественнаго врага, вошелъ въ сношенiя съ Хорватами, обитавшими тогда на сѣверѣ, въ Бѣлой или Великой Хорватiи, предлагая уступить имъ Далматiю, съ условiемъ, по изгнанiи изъ нея Аваровъ, оставаться подъ его властiю. На призывъ Императора откликнулась часть Хорватовъ, которые, подъ предводительствомъ пяти братьевъ Клука, Ловела, Косенца, Мухла, Хорвата и двухъ сестеръ: Туги и Буги, двинулись въ Далматiю и, перебивъ Аваровъ, стали владѣть съ тѣхъ поръ этою землею¹³¹⁾. За Хорватами двинулась и часть ихъ сосѣдей и соплеменниковъ, Сербовъ, подъ предводительствомъ одного Князя. Перешедши Дунай, они просили у Императора земель для поселенiя. Ираклiй отвелъ имъ часть Солунской области (*ἐν τῷ θέματι Θεσσαλονίκης*), которая, замѣчаетъ Константинъ, отъ этого называется и до сихъ поръ „Сербiею“ (*τὰ Σέρβλια*). Но вскорѣ Сербамъ не понравились ихъ новыя жилища, и они рѣшились вернуться домой. Уже переступили они за Дунай, какъ ихъ взяло раздумье, и они вторично снеслись съ Ираклiемъ черезъ Императорскаго Намѣстника въ Бѣлградѣ, прося у него другихъ жилищъ. Императоръ отдалъ имъ тогда край, лежавшiй на юго-востокъ отъ страны, занятой уже Хорватами¹³²⁾. Какъ Хорваты, такъ и Сербы, должны были признавать надъ собою верховную власть Ираклiя и его ближайшихъ преемниковъ, и только при Императорѣ Михаилѣ II (820—829) они сложили съ себя эту зависимость¹³³⁾. Такъ рассказываетъ Багрянородный о занятiи сѣверозападной части полуострова Славянами, другими словами, такъ повѣствуетъ онъ о приходѣ туда Хорватовъ и Сербовъ. Обращаясь къ повѣрочной оцѣнкѣ этого разказа, мы прежде всего должны замѣтить, что Авары не могли покорить въ половинѣ V в. Далматiю; ибо о нихъ въ это время и помину не было еще въ исторiи: народъ этотъ впервые появляется въ исторiи во второй половинѣ этого вѣка, да и то гдѣ-то между Азовскимъ и Каспiйскимъ морями. Только въ царствованiе Маврiкiя, а именно, въ 598 г. Авары впервые вторгнулись въ Далматiю и страшно ее опустошили, но, какъ было уже замѣчено, вскорѣ они должны были ее покинуть и воз-

¹³¹⁾ „De admin. imper.“, с. 30.

¹³²⁾ „Adm. imp.“ с. 32.

¹³³⁾ Ibid. с. 29.

вратиться въ Паннонію¹³⁴⁾. Послѣ этого Аварскаго набѣга достовѣрная исторія говоритъ только о Славянскихъ движеніяхъ въ Далматіи: она ничего не знаетъ о новыхъ вторженіяхъ сюда Аваровъ въ 635 г., какъ предполагалъ Печевичъ¹³⁵⁾, или въ 638 г., какъ думалъ Шафарикъ¹³⁶⁾. Да и не возможно допустить, чтобы Авары могли тогда овладѣть столь обширною страной. Ихъ могущество еще съ 600 года стало падать¹³⁷⁾ и вскорѣ, послѣ неудачной осады ими Константинополя, въ 626 г., было совсѣмъ ниспровержено Славянами, основавшими, подъ управленіемъ Сама, обширное Государство. Еще въ 623 г. выступилъ этотъ загадочный воевода противъ Аваровъ, и въ нѣсколькихъ удачныхъ сраженіяхъ совершенно сокрушилъ ихъ мощь¹³⁸⁾. Въ 627 г. онъ былъ избранъ въ Короли Славянами, коими правилъ цѣлыя 35 лѣтъ. Это могущественное Славянское Государство, срѣдоточіе котораго находилось въ Чехіи, простиралось на югъ до Штирійскихъ Альпъ; въ составъ его, около 630 г., входили, или, по крайней мѣрѣ, состояли въ союзѣ съ нимъ, и Хорутанскіе Славяне.

Такимъ образомъ водвореніе Аваровъ въ Далматіи, событіе, по словамъ Багрянороднаго, заставившее будто Ираклія обратиться къ Хорватамъ съ извѣстнымъ предложеніемъ, другими словами, самая завязка разбираемой повѣсти, оказывается исторически несостоятельною. Еще болѣе несостоятельнымъ представляется разсказъ Константина о союзѣ Хорватовъ и Сербовъ съ Иракліемъ. Все, что мы знаемъ изъ другихъ, болѣе достовѣрныхъ, источниковъ о поведеніи Славянъ въ Далматіи за это время, представляетъ ихъ, какъ сокрушителей власти Имперіи въ этой странѣ. Какъ было замѣчено уже, въ 600 г. они приводили въ трепетъ Далматинское духовенство: у нихъ Папа Іоаннъ IV, въ 641 г., выкупалъ плѣнныхъ, и въ то же самое время убиралъ отъ нечестія ихъ Святыя мощи, находившіяся въ Далматіи и Истріи, и переносилъ ихъ въ Римъ. Прибавимъ къ этому еще и движеніе Сербскаго племени изъ Бѣлой Сербіи (Восточной Галиціи) въ Солунскую область и обратно, новое возвращеніе ихъ на полуостровъ и занятіе обширной полосы, простирающейся отъ нижняго теченія Савы

¹³⁴⁾ См. выше.

¹³⁵⁾ „*Histor. Serbiae*,“ р. 15, 19.

¹³⁶⁾ „*Слав. Древ.*“ II, кн. I, 396—399.

¹³⁷⁾ Рачкаго, „*Осјена*,“ 70.

¹³⁸⁾ Палацкаго, „*Dějiny národu Česk.*“ I, č. I, 1862, str. 94—99.

до Адриатическаго моря, прибавимъ, говорю, и эти непонятныя и невозможныя передвиженія цѣлаго племени, и несостоятельность Константинова разсказа, какъ историческаго источника, обнаружится во всей ея наготѣ. Вникая въ содержаніе этого разсказа, нельзя не замѣтить, что онъ не передаетъ намъ какихъ ни будь историческихъ данныхъ, а содержитъ въ себѣ личныя соображенія разсказчика или, лучше сказать, теорію, придуманную имъ для уясненія вопроса о занятіи Далматіи Сербо-Хорватами. Мы находимъ въ этомъ разсказѣ два указанія, очень любопытныя для обозначенія какъ основаній, такъ и логическихъ приемовъ этой теоріи. По Константину, Сербы, Срблн, Србалн, получили имя свое отъ Латинскаго слова *servi*, „по тому, объясняетъ онъ, что находились подъ властію Римскаго Императора“; съ названіемъ Србалн онъ сближаетъ презрительное прозвище „цървуланы“¹³⁹⁾ (*Τζερβουλανός*, лапотникъ), которое Византійцы тогда давали людямъ низкаго происхожденія, носившимъ, по бѣдности, „цървулы“ (*σέρβουλα*, родъ лаптей)¹⁴⁰⁾. Такими доказательствами Константинъ подтверждаетъ зависимость Сербовъ отъ Византіи, или, лучше сказать, изъ такихъ основаній заключаетъ онъ о подчиненіи Сербовъ, а, слѣдовательно, и Хорватовъ Ираклію. Въ слѣдствіе подобнаго рода домысловъ, безъ всякаго сомнѣнія, появилось и очевидно баснословное сказаніе Константина объ извѣстныхъ передвиженіяхъ Сербскаго племени. Нужно замѣтить, что въ южной Македоніи, на р. Быстрицѣ или по Турецки Инджекарасу (древн. Галиакмонъ) находится городокъ „Сервія,“ Сербица (Тур. Сельфидже), въ Сербскомъ переводѣ Зонары „Сръбчище.“ Въ средніе вѣка существовала тутъ и особенная Епархія этого наименованія (ἡ Ἐπισκόπη τῶν Σερβιτῶν), входившая, въ X в., въ составъ Болгарской Охридской Архіепископін¹⁴¹⁾. Епархія или, лучше сказать, округъ этотъ назывался этимъ именемъ еще и во времена Константина, а это было

¹³⁹⁾ Σέρβλιοι τῇ τῶν Ῥωμαίων διαλέκτῳ δοῦλοι προσαγορεύονται, ἔθεν καὶ σέρβουλα ἢ κοινῇ συνήθεια τὰ δουλικῶς φήσιν ὑποδήματα καὶ τζερβουλανούς τοὺς τὰ εὐτελεῖ καὶ πενιχρά ὑποδήματα φοροῦντας. Adm. imp. с. 32.

¹⁴⁰⁾ Слово „царвуль, цървуль.“ какъ и производное отъ него „царвулянь“ (лапотникъ), и по нынѣ существуетъ въ Болгарскомъ языкѣ. Въ немъ, по всему вѣроятію, мы имѣемъ орумуненную форму Древне-Славянскаго слова чръвни (*calceus, sandalium*), отъ котораго произошли: Серб. „древля,“ Малорос. „черевики,“ Болгарск. „чевли.“

¹⁴¹⁾ См. 3-ю грамоту Василя Болгаробойца Болгарскому Архіепископу, у Голубинскаго, въ соч.: „Краткій очеркъ Православныхъ Церквей Болгарской, Сербской“ и пр., стр. 263.

достаточно для такого археолога и филолога, какимъ является Константинъ въ приведенномъ выше случаѣ, чтобы вывести изъ него цѣлую сказку о передвиженіи Сербскаго племени, съ дозволенія Ираклія, изъ Галиціи къ Солуню, а оттуда уже въ страну, простирающуюся между Савой и Адриатическимъ моремъ. Что такого длиннаго пути не возможно было совершить цѣлому племени въ столь короткій срокъ; что не слѣдовало Ираклію уступать имъ столь обширную страну въ Илирикѣ, когда они легко могли помѣститься въ небольшомъ округѣ Солунской области; что они ни сколько не нуждались въ позволеніи Ираклія для перехода на южный берегъ Дуная и Савы; что, наконецъ, всѣ эти соображенія уничтожаются свидѣтельствами современниковъ, всего этого Багрянородный не принималъ въ расчетъ. Повторяемъ: сказаніе Константина о занятіи Славянами Далматіи въ обширномъ смыслѣ, сказаніе, долгое время вводившее въ заблужденіе изслѣдователей, видѣвшихъ въ немъ главный источникъ для разъясненія этого вопроса, есть не что иное, какъ плохая и въ высшей степени безосновная теорія и, какъ таковая, не имѣетъ ни какого историческаго значенія¹⁴²). Вотъ по чему, по нашему мнѣнію, сказаніе это слѣдуетъ исключить изъ числа источниковъ исторіи разбираемаго вопроса и довольствоваться пока приведенными уже нами извѣстіями современниковъ. Основываясь на этихъ извѣстіяхъ, мы должны признать, что и Далматія, въ обширномъ смыслѣ, какъ и прочія области Балканскаго полуострова, постепенно были занимаемы Славянами; что еще задолго до Ираклія тамъ были уже болѣе, или менѣе, значительныя Славянскія поселенія, которыя въ царствованіе этого Императора увеличились приливомъ новыхъ переселенцевъ съ сѣвера, приходомъ двухъ воинственныхъ Славянскихъ дружинъ подъ именемъ Сербовъ и Хорватовъ, которые, ниспровергнувъ и послѣдніе остатки Римской власти въ этой странѣ, основали въ ней два Государства, въ составъ которыхъ, мало по малу, должно было войти все тамошнее Славянство и сплотиться въ двѣ народныя единицы, извѣстныя нынѣ подъ именемъ Сербовъ и Хорватовъ. Такой взглядъ на занятіе сѣверо-западнаго угла полуострова Славянами находитъ себѣ полное подтвержденіе въ языкѣ тамошнихъ Славянъ, извѣстномъ подъ именемъ Сербо-Хорватскаго нарѣчія. Въ области этого нарѣчія мы встрѣ-

¹⁴²) Сравни. Рачкаго, „Ocjena“ etc. 45—49.

чаемъ нѣсколько говоронъ или подрѣчій, въ большей, или меньшей, мѣрѣ, удаляющихся отъ общаго облика, отличающаго это нарѣчіе въ ряду прочихъ Славянскихъ нарѣчій. Такъ въ Хорватіи, въ округахъ Вараждинскомъ, Крижевацкомъ, большей половиной Загребскаго, отчасти въ Саладскомъ и Шомодскомъ, равно какъ въ полкахъ Крижевацкомъ и Свято-Юрскомъ¹⁴³), господствуетъ, такъ называемая, „Кайкавщина“, которая болѣе похожа на Словинскій языкъ, чѣмъ на Сербо-Хорватскій¹⁴⁴). По объясненію Ягича, она произошла отъ смѣшенія Хорватовъ, во время прихода ихъ въ эту страну, съ прочими Славянскими обитателями ея, которыхъ они уже застали въ ней. Въ хорватскомъ Приморьи, въ приморской части прежней Военной Границы (въ окрестностяхъ Сена), равно какъ и на прилегающихъ островахъ, преобладаетъ другое подрѣчіе, извѣстное подъ именемъ Чакавщины, которая многими своими особенностями приближается къ Словинскому нарѣчію и къ нѣкоторымъ говорамъ Болгарскаго¹⁴⁵). Въ Далматіи, а именно: въ Дубровникѣ, Сплѣтѣ, Трогирѣ, Задрѣ, на островѣ Хварѣ и пр., въ прежнее время была въ употребленіи другая Чакавщина, на которой знаменитые Далматинскіе поэты XV и XVI в. писали свои произведенія. Эта южная Чакавщина представляла менѣе особенностей относительно Штокавщины, которою была вытѣснена совершенно въ XVII и XVIII в. Въ настоящее время кое-какіе остатки ея сохранились только въ Дубровникѣ и предметяхъ его Пиле и Плоче, въ Гружѣ (Gravosa) и въ Цавтатѣ (Ragusa vecchia¹⁴⁶). Нѣкоторые изъ особенностей Чакавщины, кромѣ выше названныхъ мѣстностей, встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ другихъ краяхъ области Сербо-Хорватскаго языка. Таково, на примѣръ, замѣченное Г. Майковымъ въ Боснійскихъ и Хлумскихъ грамотахъ смягченіе *d* въ *j*, названное имъ Хорутанизмомъ въ древней Сербской письменности (516)¹⁴⁷). Этотъ Хорутанизмъ, по словамъ Югича, и до сихъ поръ не исчезъ въ Босніи¹⁴⁸). Мнѣніе, высказанное Г. Ягичемъ, что Чакав-

¹⁴³) Ягича, „Iz prošlosti Hrvatskoga jezika,“ въ „Književn.“ 334, 335: „Histor. književnosti,“ 8.

¹⁴⁴) Миклошичъ (Lautlehre VII) относитъ эту Кайкавщину къ Словинскому нарѣчію.

¹⁴⁵) Отличительныя черты этой Чакавщины съ достаточною полнотою изложены Рачкимъ; см. „Arkiv za povjestnicu jigosl“. Кукулевича, IV, 254. Сравненіе ея съ Кайкавщиной и Штокавщиной см. въ „Jihoslované“, 79—85.

¹⁴⁶) Сообщено Профес. Богишичемъ.

¹⁴⁷) „Исторія Сербск. языка“. Москва, 1856, стр. 516.

¹⁴⁸) „Književn“. 343.

щина представляетъ въ себѣ древнѣйшій видъ Сербо-Хорватскаго нарѣчія, новѣйшее развитіе котораго мы имѣемъ въ Штокавщинѣ, другими словами, что эти два нарѣчія представляютъ намъ двѣ разныя поры въ развитіи одного и того же языка—Чакавщина древнѣйшую, Штокавщина же новѣйшую¹⁴⁹⁾, это мнѣніе, по нашему разумѣнію, не смотря на всѣ усилія ученаго поборника его, остается далеко еще недоказаннымъ, и мы находимъ болѣе близкимъ къ истинѣ взглядъ Рачкаго на этотъ предметъ: по словамъ его, въ Чакавщинѣ мы имѣемъ особенное нарѣчіе, которымъ говорили Славянскіе поселенцы, обитавшіе въ этомъ краю еще до прихода туда Сербовъ и Хорватовъ¹⁵⁰⁾. Кромѣ Кайкавщины и Чакавщины, мы находимъ въ области Сербо-Хорватскаго языка и другія еще подрѣчія. Укажемъ здѣсь на Ресавское, въ восточной половинѣ Княжества Сербскаго, между Моравой и Тимокомъ¹⁵¹⁾, своимъ особенностями прямо указывающее на тѣснѣйшее сродство съ нарѣчіемъ Болгарскихъ Славянъ, сродство, подтверждаемое и достовѣрною исторіею¹⁵²⁾. Упомянемъ еще и объ языкѣ Черногорцевъ, который не смягчаетъ губныхъ вставкою л, на пр. **зобѣмъ** вмѣсто Сербскаго **зоблемъ** Сл. Болг. **зоблж**, **зобимъ**¹⁵³⁾. Кромѣ того, у Черногорцевъ **ѣ** въ серединѣ словъ не переходитъ въ **л**, что составляетъ одинъ изъ самыхъ отличительныхъ признаковъ Сербскаго языка, на пр., **опънъкъ**, вмѣсто **оплак**¹⁵⁴⁾; сл. Болгарск. **опънъкъ**, **опънци**. Всѣ эти особенности, испещряющія область Сербо-Хорватскаго языка, какъ чуждыя послѣднему и необъяснимыя историческимъ развитіемъ его, служатъ весьма сильнымъ подтвержденіемъ мнѣнію, что Сербо-Хорваты застали въ занимаемой ими странѣ значительныя поселенія Славянъ, по своему нарѣчію болѣе близкихъ къ Словинцамъ и къ нѣкоторымъ Славянскимъ вѣтвямъ, вошедшимъ въ составъ Болгарскаго народа.

¹⁴⁹⁾ Тамъ же, 341.

¹⁵⁰⁾ „Arkiv za povjestn“. IV. 254.

¹⁵¹⁾ Шафарика, „Славянское народописаніе“, певев. О. М. Бодянскаго, стр. 59.

¹⁵²⁾ Шафарика, „Слав. Древн.“ II, кн. 1, 352.

¹⁵³⁾ Jihoslované, 72.

¹⁵⁴⁾ Тамъ же, 70.

Глава IV.

Славянскія поселенія на полуостровѣ въ половинѣ VII-го вѣка. Выводы и ихъ подтвержденіе.

Около половины VII-го вѣка, Балканскій полуостровъ былъ уже переполненъ Славянскими поселеніями. Какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ, частяхъ его Славянская стихія является господствующею стихіею, а въ нѣкоторыхъ областяхъ мы находимъ и исключительно Славянское населеніе. Заботы Папы Іоанна IV (640—642) спасти отъ Славянскаго нечестія, находившіяся въ Далматин, мощи Святыхъ, перенесеніемъ ихъ въ Римъ, равно какъ и нѣкоторыя другія данныя, приведенныя нами въ предыдущей главѣ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Далматія въ обширномъ смыслѣ, т. е., весь сѣверо-западный уголъ полуострова, была уже совершенно въ рукахъ Славянъ. По свидѣтельству Павла Діакона, еще въ 641 году, Славяне на многихъ корабляхъ пристали къ восточному берегу южной Италіи и, высадившись у города Сипонта, пустились опустошать Апулію. Айонъ, Воевода Беневентскій, вывелъ противъ нихъ свое войско, но въ первой же стычкѣ съ врагомъ онъ погибъ¹⁾. Гордые одержанною побѣдою, Славяне долгое время продолжали грабить эту страну, пока преемникъ Айона, Радоальдъ, выступивъ противъ нихъ съ великою силою, не заставилъ ихъ воротиться назадъ²⁾. Въ царство-

¹⁾ L. IV, с. 46. Нужно замѣтить, что у Павла Діакона не сказано, въ какомъ именно году случилось это происшествіе; многіе изслѣдователи, въ томъ числѣ и Шафарикъ, относятъ его къ 662 г., но ошибочно, такъ какъ изъ другихъ, болѣе достовѣрныхъ, источниковъ извѣстно, что Айонъ началъ править Беневентскимъ Воеводствомъ въ 641 г., и управлялъ имъ не болѣе года. Gianone, „Istoria del regno di Napoli“, I, 272.

²⁾ Лѣтописцы не говорятъ, кто были эти Славяне, гдѣ находились ихъ жилища. Изъ новѣйшихъ изслѣдователей одни приписываютъ этотъ набѣгъ на южную Италію Хорутанскимъ Славянамъ, другіе же считаютъ его дѣломъ Хорватовъ и Неречанъ. См. у Шафарика, „Слав. Древн.“ II кн. 2, стр. 62. По нашему мнѣнію, естественнѣе всего предположить, что тутъ дѣйствовали Эпирскіе и Греческіе Славяне, суда которыхъ, какъ увидимъ ниже, около этого времени часто сновали по водамъ Ионическаго моря.

ваніе Константина Погоната (668—685) острова и берега Егейскаго и Ионическаго морей, даже часть Малоазіятскаго берега, подвергались страшнымъ опустошеніямъ со стороны Славянъ, отваживавшихся пускаться въ морскую даль, къ удивленію Грековъ, на легкихъ судахъ, выдолбленныхъ изъ одного дерева³). Въ 675 г., въ то время, какъ Константинополь выдерживалъ четвертую осаду со стороны Арабовъ, многочисленный Славянскій флотъ окружилъ съ моря Солунь, который инныя Славянскія полчища тогда же осадили съ сухаго пути. Славяне были тутъ и съ семействами своими и съ домашнею собственностію, намѣреваясь, по взятіи города, остановиться въ немъ⁴). Немного времени спустя, мы снова находимъ Славянскихъ пиратовъ на водахъ Архипелага и Мраморнаго моря: этотъ разъ они грабили корабли, плывшіе съ хлѣбомъ въ Константинополь, и опустошали Пароскую и Проконезскую области (побережье Мраморнаго моря), доходили до самой Константинопольской пристани⁵). Тутъ на водахъ Архипелага и на Малоазіятскомъ берегу, они сдѣлались извѣстными Арабамъ, въ это время уже угрожавшимъ Европейскимъ владѣніямъ Имперіи. Одинъ изъ первыхъ Арабскихъ писателей, Аль-Ахталь, жившій во 2-й половинѣ VII вѣка въ Дамаскѣ, при дворѣ Оммаядовъ, говоритъ о Славянахъ, какъ о народѣ, хорошо уже извѣстномъ его читателямъ⁶). Излишне было бы доказывать, что эти отважные моряки имѣли свои постоянныя жилища на берегахъ Егейскаго, Ионическаго и Адриатическаго морей, по

³) Τὸ τῶν Σκλαβίνων... ἔθνος, πλῆθος ἄπειρος... πρῶτως ἐφευρόντων ἐξ ἑνὸς ξύλου γλύπτας νῆας κατασκευάσαι κατὰ θάλασσαν ὀπλισμένους, καὶ πᾶσαν τὴν Θετταλίαν καὶ τὰς περὶ αὐτὴν νήσους καὶ τῆς Ἑλλάδος, ἔτι μὴν καὶ τὰς Κυκλάδας νήσους καὶ τὴν Ἀχαΐαν πᾶσαν, τὴν τε Ἠπειρον καὶ τὸ πλεῖστον τοῦ Ἰλλυρικοῦ καὶ μέρος τῆς Ἀσίας ἐκπορθῆσαι. . . . „Vita S. Demetrii“, in „Act. Sanct. Octobr. IV“, 162. Выдолбленные изъ одного дерева суда этихъ Славянъ весьма напоминаютъ Козачкіе дубы, одподеревки, поднимавшіе, по словамъ Боулана, отъ 50 до 70 человѣкъ. См. у Черткова, „Описаніе войны Святослава“, стр. 169.

⁴) Филарета, „Святый Великомуч. Димитрій и Солунскіе Славяне“, въ „Чтеніяхъ въ Импер. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1848, VI, 19—31.

⁵) Онъ же, тамъ же, стр. 33.

⁶) Въ своемъ „Диванѣ“, говоря о какихъ-то иноплеменникахъ, Аль-Ахталь замѣчаетъ: „Какъ бы подлинно видишь въ нихъ топлу Славянъ красныхъ“, (или рижихъ, русыхъ). Гаркави, „Сказанія Мусульманскихъ писателей о Славянахъ“, стр. 1—6. Объясненіе Г. Гаркави, что Аль-Ахталь зналъ о Славянахъ по тому пятитысячному отряду ихъ, который, въ 664 году, перебѣжалъ отъ Византійцевъ къ Аравитянамъ, въ Сиріи, или по Славянскимъ плѣнникамъ, переселеннымъ въ 687 г. Юстиніаномъ Ринотметомъ въ Малую Азію, объясненіе это, говоримъ, слишкомъ односторонне. Сл. Ламанскаго, „О Славянахъ въ Малой Азіи“ и пр. стр. 15 послѣд., 122 и слѣд.

водамъ которыхъ, сновали ихъ многочисленныя корабли. Замѣтимъ только, что ихъ смѣлыя морскія предпріятія заставляютъ предполагать въ нихъ значительную долю опытности въ мореплаваніи, заставляютъ видѣть въ нихъ людей, вполне освоившихся съ морскою стихіею, а это, въ свою очередь, ведетъ къ заключенію, что за долго до времени совершенія Славянами упомянутыхъ, морскихъ предпріятій, т. е., за долго до половинѣ VII вѣка, они занимали уже побережія Эпира, Македоніи и Греціи. Слѣдующія данныя не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что и во внутреннихъ частяхъ этихъ странъ господствовало Славянство.

Въ 678 г. многочисленныя Славянскія полчища двинулись осаждать Солунь. По словамъ Солунскаго Сказанія о Св. Димитріи, они говорили: „Не слѣдуетъ быть тому, чтобы тогда, какъ опустошены все города и области, одинъ сей городъ оставался цѣль и принималъ въ себѣ бѣглецовъ съ Дуная, изъ Панноніи, Дакии, Дарданіи и другихъ областей и городовъ“ 7). Эти слова, вложенныя въ уста Славянъ, осаждавшихъ въ 678 г. Солунь, Солунскимъ Грекомъ, современникомъ и очевидцемъ этой осады, показываютъ, что все области Балканскаго полуострова, до самыхъ воротъ Солуня, были уже въ рукахъ Славянъ. По разсказу того же самаго лѣтописца, во время этой осады Славянское войско доставало себѣ, какъ съѣстные, такъ и другіе, припасы у Драговичей, о которыхъ мы тутъ узнаемъ, что еще тогда обитали на поляхъ Солуня и воздѣлывали ихъ. Въ 685 г., когда Солунь выдерживалъ новую осаду со стороны Славянскихъ племенъ: Стримонцевъ, Рунхиновъ и Сагудатовъ, жители его, доведенные до крайности этою осадюю, пытались достать себѣ съѣстные припасы, морскимъ путемъ, у находившихся тогда съ ними въ мирѣ Славянъ, Белезитовъ, жившихъ въ Θεσσαλίи, въ окрестностяхъ Θивъ и Димитріяды. Мы уже имѣли случай привести въ предыдущей главѣ правительственное Византійское свидѣтельство, по смыслу котораго еще съ половины VI-го вѣка Славяне господствовали въ Пелопонисѣ,

7) „Чтенія въ Импер. Общ. Истор. и Древн. Росс“. 1848, VI, 20, 24. Сказаніе говорить, что эти Славяне находились въ союзѣ съ Аварскимъ Хаканомъ, который также будто участвовалъ въ осадѣ Солуня; но зная, что Аварское государство еще за долго до времени этой осады было разгромлено, мы въ правѣ думать, что составитель „Сказанія“ причталъ въ этомъ чисто Славянскомъ дѣлѣ и Аваровъ, по старой привычкѣ Византійскихъ писателей, заставлявшихъ Славянъ дѣйствовать по приказанію Аваровъ, или, по крайней мѣрѣ, съ помощію ихъ.

такъ что до пораженія ихъ подъ Патрами, въ 807 г., ни одинъ Ромей (Византійскій подданный), въ продолженіе 218 лѣтъ, не могъ безопасно ступить на этой землѣ⁸⁾. Сократитель Страбона, писавшій около конца X-го вѣка, свидѣтельствуесть, что въ его время весь Эпиръ, Македонію, Елладу и Пелопонисъ занимали Славяне, которыхъ расселеніе по этимъ краямъ онъ относитъ къ отдаленнѣйшимъ временамъ⁹⁾. Выше приведенныя данныя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что ославяненіе этихъ странъ совершилось еще до половины VII-го вѣка. Сказаніе Константина Багрянороднаго, что Еллада и Пелопонисъ ославянились только въ царствованіе Константина Копронома (741—775), и что это событіе было вызвано, или подготовлено, моровою язвою, прошедшей въ 746 г. по этимъ странамъ¹⁰⁾, едва ли заслуживаетъ такого значенія, какое обыкновенно придаютъ ему¹¹⁾: мы уже имѣли случай убѣдиться, что Багрянородный весьма не точенъ въ своихъ лѣточислительныхъ показаніяхъ и даетъ большіе промахи въ своихъ попыткахъ къ прагматической связи историческихъ явленій. Что касается остальныхъ частей полуострова, т. е., Мизіи и Θρακίи, то о плотности Славянскихъ поселеній въ нихъ около VII-го вѣка можно судить по слѣдующимъ свидѣтельствамъ: по словамъ Теофана, въ 678 г. въ нижней Мизіи находились семь Славянскихъ племенъ, издавна уже обитавшихъ въ ней. Объ этихъ семи Славянскихъ племенахъ говорится и въ Географіи Моисея Хоренскаго (ум. 489), составленной во второй половинѣ V-го вѣка. „Θρακία, читаемъ тамъ, состоитъ изъ пяти небольшихъ краевъ и одного великаго, въ коемъ находится семь Славянскихъ народовъ. Въ жилища ихъ вступили Готы“¹²⁾. Земли, прилежащія къ Балканскому хребту, равно какъ и тѣ, которыя простираются на западъ отъ Родопскихъ горъ, около половины VII-го вѣка носили уже названіе Славеніи,

⁸⁾ Мы разумѣемъ извѣстное посланіе Патріярха Николая II къ Императору Алексѣю Комнину. См. выше гл. III.

⁹⁾ Καὶ νῦν δὲ πᾶσαν Ἠπειρὸν, καὶ Ἑλλάδα σχεδὸν καὶ Πελοπόννησον καὶ Μακεδονίαν Σκῆθαι Σκλάβοι νέμονται. Müller, „Geographi Graeci min.“ ed. Didot, II, 574.

¹⁰⁾ Ἐσθλαβῶθη δὲ πᾶσα ἡ χώρα, καὶ γέγονε βάρβαρος, ὅτε ὁ λοιμικὸς θάνατος πᾶσαν ἐβόσκειτο τὴν οἰκουμένην. De Themat., ed. Paris., p 25.

¹¹⁾ Копитаръ, „Glagol. Clozian“, pag. XXI; Гопфъ, „Griech. Geschichte“, 105; Миклошичъ, „Die Slavische Elemente im Neugriechischen“, 3; Гильфердингъ, „Собраніе сочиненій“, I.

¹²⁾ Къ этому свидѣтельству мы еще вернемся.

„Славянской Земли“¹³⁾. Въ эту „Славенію“, начинающуюся недалеко отъ воротъ Константинополя, ходилъ походомъ Императоръ Константинъ II, занявшій престолъ Имперіи въ годъ смерти Ираклія¹⁴⁾. Противъ нея же предпринималъ походъ и второй преемникъ Константина, Юстиніанъ Безносый (Ринотметъ), которому лѣтописецъ ставитъ въ особенную услугу то, что онъ могъ проникнуть далеко въ глубь „Славеніи“, даже до Солуня¹⁵⁾.

Начиная съ половины VII-го вѣка, мы не слышимъ болѣе о новыхъ Славянскихъ вторженіяхъ изъ-за Дуная и Савы на полуостровъ: всѣ послѣдующія извѣстія касаются только или отношеній Византіи къ, придвинувшемуся уже къ стѣнамъ ея, Славянскому міру, или же передаютъ намъ событія изъ внутренней жизни этого міра, прочно установившагося уже въ Европейскихъ областяхъ Имперіи. Полуостровъ, какъ мы замѣтили уже, является около этого времени какъ бы переполненнымъ Славянскими поселеніями, неудобнымъ къ принятію и другихъ еще Славянскихъ поселенцевъ. Вотъ почему мы должны остановиться здѣсь, принявши это время за послѣдній предѣлъ занимающаго насъ заселенія полуострова Славянами, начало котораго, позволяемъ себѣ надѣяться, идя по очень явственнымъ слѣдамъ, мы могли возвести къ концу II-го вѣка нашего лѣтосчисленія. Такимъ образомъ, въ продолженіе четырехъ вѣковъ, Славяне, то отдѣльными семьями, то военными отрядами и цѣлыми племенами, переходили въ эту страну и водворялись въ ней, пока народность ихъ, постепенно нарастая и увеличиваясь постояннымъ приливомъ новыхъ родственныхъ силъ извнѣ, не достигла той густоты, того преобладающаго положенія, въ которомъ находимъ ее около половины VII-го вѣка. Исслѣдователи, отводившіе совершенію этой народописной смѣны на Балканскомъ полуостровѣ, періодъ времени въ 50, или даже и 100, лѣтъ¹⁶⁾, смѣемъ сказать, впадали въ явную ошибку, частію въ слѣдствіе упущенія изъ вида нѣкоторыхъ немало-важныхъ данныхъ, касающихся этого вопроса, частію въ слѣдствіе того, что слишкомъ поспѣшно, безъ должнаго обслѣдованія и находившихся подъ руками ихъ данныхъ, переходили къ выводамъ и заключеніямъ. Научная несостоятельность этихъ

¹³⁾ См. Шафарика, „Слав. Древн.“ II. кн. I. стр. 253, 264 и 326—330.

¹⁴⁾ Theophan., ed. Paris., 288.

¹⁵⁾ Theoph., ed. Paris., 303, 304.

¹⁶⁾ Шафарика, „Слав. Древн.“ II, кн. 2, 255.

выводовъ обнаруживается во всей своей наготѣ даже и тогда, когда мы, оставляя безъ вниманія шаткость основаній, на которыя эти выводы опираются, станемъ повѣрять ихъ по другимъ даннымъ, которыхъ они касаются, прямо, или косвенно. 50, или даже и 100, лѣтъ слишкомъ непродолжительный срокъ для подобнаго измѣненія народописнаго образованія полуострова и по тому уже, что принятіе этого срока необходимо ведетъ къ заключенію, что страна эта, которая еще въ IV в. своимъ плотнымъ населеніемъ, своими многочисленными городами, и цвѣтущей въ нихъ Греко-Римской гражданственностію, оставляла далеко позади себя прочія части Римской Имперіи, мгновенно, такъ сказать, лишилась своего прежняго населенія, на смѣну котораго сразу, однимъ движеніемъ, явились милліоны Славянъ. Противорѣча многимъ даннымъ, приведеннымъ въ разныхъ частяхъ нашего изслѣдованія, это заключеніе опровергается и нѣкоторыми другими данными, на которыхъ мы останавливаемся тѣмъ охотнѣе, что въ нихъ, быть можетъ, намъ удастся открыть и новое подтвержденіе нашему выводу. Мы намѣрены коснуться вопроса объ иноплеменныхъ стихіяхъ, съ которыми сталкивалась Славянская народность въ сихъ краяхъ, во время своего размѣщенія въ нихъ. Спѣшимъ замѣтить, что достаточное уясненіе этого, заброшеннаго доселѣ, вопроса пролило бы довольно яркій свѣтъ на весь ходъ занятія полуострова Славянами, но такое уясненіе, которое, при недостаточности историческихъ свидѣтельствъ, должно быть основано главнымъ образомъ на данныхъ, почерпнутыхъ изъ языка и народнаго быта южныхъ Славянъ, въ настоящее время, при крайне недостаточной предварительной работѣ по собранію этихъ данныхъ, не мыслимо еще.

Говоря о завоеваніи полуострова Римлянами и о послѣдовавшемъ въ слѣдъ за тѣмъ, ороманеніи древнихъ обитателей этого края, мы уже имѣли случай указать на то, что значительные остатки Трако-Илировъ пережили всѣ бѣдствія, сопровождавшія это завоеваніе и долѣе другихъ своихъ единоплеменниковъ оберегали свою народность отъ слиянія съ Римскою народностію. Такими являются прежде всего Илирійцы обитавшіе въ западной Македоніи и горной Илиріи. Судя по нѣкоторымъ намекамъ древнихъ¹⁷⁾, Римляне никогда и не могли

¹⁷⁾ См. у Д. Камарра, „Appendice al saggio di grammaticologia comparata sulla lingua Albanese“. Prato, 1886 pag. XXXVIII.

совладѣть съ большинствомъ этихъ горцевъ, успѣвшихъ отстоять свою дикую независимость противъ всемірныхъ завоевателей, благодаря географическимъ особенностямъ своей земли, окруженной со всѣхъ сторонъ и изрѣзанной во всѣ направления неприступными горами и оврагами. Благодаря все тому же обстоятельству, они пережили и всѣ послѣдующія невзгоды, кончившіяся новымъ измѣненіемъ племеннаго состава населенія прочихъ областей Балканскаго полуострова, установленіемъ въ нихъ новаго, третьяго по порядку, народописнаго устройства, съ рѣшительнымъ преобладаніемъ Славянской стихіи. Они не поддались и этимъ иноплеменникамъ, налегшимъ на нихъ съ сѣверо-востока; хотя и впустили въ свою народность значительное Славянское вліяніе¹⁸⁾, но сумѣли спасти ея основную стихію, которая и до сихъ поръ лежитъ въ основѣ Албанской народности, насчитывающей до 1,600,000 душъ¹⁹⁾. Кромѣ этихъ, существующихъ и по нынѣ, представителей древнѣйшаго населенія полуострова, Славяне застали тутъ и другіе довольно значительные остатки отъ этого же населенія, которые давно уже перестали существовать. Таковы были: Бесы, по сѣверной части Родопскихъ горъ; Сапаци, въ окрестностяхъ Карадага (Керкины); Неропы, въ богатыхъ желѣзомъ и мѣдью горахъ, окружающихъ Кратово, Скопле, Новобрдо и Долопы, въ юго-восточной части Эпира. Только объ этихъ колѣнахъ мы нашли достовѣрныя извѣстія, сохраненныя намъ въ языкѣ Южныхъ Славянъ, но по всему вѣроятію, были тутъ остатки и нѣкоторыхъ другихъ еще Трако-Илирійскихъ колѣнъ, память о которыхъ или не сохранилась, или же намъ не удалось еще пасть на ея слѣды. Славяне начали съ того, что подчинили себѣ эти слабые остатки древнѣйшаго населенія полуострова, на что ясно указываютъ извѣстныя уже намъ названія нѣкоторыхъ Трако-Илирійскихъ колѣнъ, названія, вошедшія въ языкъ Болгаръ и Сербовъ съ означеніемъ „раба, подчиненнаго“. Мало по малу, остатки эти и совершенно растворились въ Славянской народности, оказавъ на нее болѣе, или менѣе, значительное воздѣйствіе, слѣды котораго даютъ себя чувствовать, какъ въ граматическомъ строѣ языка Южныхъ Славянъ, такъ и въ словарѣ его.

¹⁸⁾ См. вступительную лекцію профессора Макушева, „О Славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка.“ Варшава, 1871; Его же, „Историческія розысканія о Славянахъ въ Албаніи“. Варшава, 1871, стр. 116 и слѣд.

¹⁹⁾ Ганъ, Alban. Studien“. 17.

Еще многочисленнѣе были, встрѣченные тутъ Славянами, представители втораго или Романскаго народнописнаго устроа, составившагося, какъ было уже сказано, изъ Римскихъ переселенцевъ и ороманенныхъ инородцевъ, преимущественно Тракійскаго происхожденія. Сами они называли себя „Ромеями“ или „Романами“ (Romani), Славянамъ же были извѣстны подъ именемъ „Влаховъ“. По одному, очень достовѣрному, свидѣтельству, Византійскія войска, защищавшія въ 579 г. Тракію противъ Аваровъ, состояли преимущественно изъ Романовъ или, по крайней мѣрѣ, говорили Романскимъ языкомъ²⁰⁾, а войска эти доставляли Имперіи подвластное ей населеніе Балканскаго полуострова. Это показываетъ, что Романское населеніе этого края, не смотря на вѣковое его истребленіе варварами, еще около конца VI-го вѣка, было довольно многочисленно. Весьма убѣдительныя язычныя данныя удостовѣряютъ насъ, что это, господствовавшее нѣкогда на полуостровѣ, населеніе испытало совершенный переворотъ въ своемъ быту: данныя эти показываютъ, что „Ромеи“ или „Влахи“, если они не имѣли счастья жить въ уцѣлѣвшихъ отъ разоренія городахъ, принуждены были промѣнять свои тучныя земли въ равнинахъ на непріютныя, но представлявшія болѣе безопасности, горныя страны, гдѣ, разучившись земледѣльству, отдались исключительно пастушеской жизни. Отъ того-то ихъ народное имя у Славянъ давно сдѣлалось подобнозначимъ безпріютнаго бродяги.²¹⁾ Такими дѣйствительно, представляютъ намъ Влаховъ многія очень древнія историческія свидѣтельства, давшія нѣкоторымъ изслѣдователямъ поводъ къ этимологически несостоятельному производству слова „Влахъ“, отъ Славянскаго глагола *влѣкж*²²⁾. Мы имѣемъ всѣ основанія утверждать, что эти остатки Романскаго народнописнаго устроа сначала весьма сильно испещряли смѣнившій ее Славянскій устрой. Фессалія у писателей XI и XII-го вв. является Влашскою землею по преимуществу; она называлась „Великою Влахіею“. Въ Этоліи и Акарнаніи нахо-

²⁰⁾ Theophyl., ed Bonn., p. 52: Лѣтописецъ этотъ приводитъ тутъ образецъ языка этихъ войскъ, а именно выраженіе: *Ῥετόρνα, φράτρε* (retorna, fratre). Сравни. Theophan., ed. Bonn 397.

²¹⁾ См. въ Словарѣ Даничича подъ словомъ „Влахъ“. Въ такомъ же точно значеніи существуетъ это названіе и въ языкѣ новѣхъ Грековъ, къ которымъ оно перешло, безъ всякаго сомнѣнія, отъ Славянъ. В. Schmidt, „Das Volksleben der Neugriechen“. Leipzig, 1871, S. 15.

²²⁾ Тунманъ: „Untersuchungen“, 345—348.

дилась „Малая Влахія“, въ Эпирѣ—„Верхняя Влахія“²³). По свидѣтельству одной грамоты Императора Василия II, отъ 1020 г., Влашскія поселенія были разсѣяны по всей Болгаріи²⁴). Въ Нижней Мизіи, по Балканскому хребту, находилась „Бѣлая Влахія“ (la Blanche Blakie)²⁵). Влахи обитали еще въ Македоніи, во Фракіи (на Родопскихъ горахъ), на Черномъ морѣ, въ окрестностяхъ Бургаса, на югъ отъ Визы къ Константинополю²⁶). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они были покорены Славянами и обращены ими въ крѣпостныхъ, на что также указываетъ ихъ названіе, означающее въ грамотахъ Сербскихъ и Болгарскихъ Царей людей, которыхъ эти Цари дарили церквямъ, монастырямъ и своимъ властелемъ вмѣстѣ съ помѣстьями. Но часть Влаховъ, занимавшихъ горныя страны, долго удерживала свою независимость и была страшна своимъ соседямъ. Испанскій Еврей, Веніаминъ Тудельскій, въ началѣ XII в. проѣзжавшій чрезъ Грецію и Фессалію, такъ описываетъ Влаховъ, обитавшихъ въ горахъ Олимпа, Оссы и Оффрика: „Подобные козамъ быстрою, они сходятъ съ горъ въ Греческія области, (которыя заселены были тогда Славянами преимущественно), грабятъ и уносятъ добычу. Никто не можетъ проникнуть къ нимъ съ военною силою, и никакой Государь не былъ въ состояніи укротить ихъ“²⁷). Такихъ свободныхъ и грозныхъ Влаховъ мы находимъ въ X-мъ вѣкѣ и въ горахъ Македоніи, между Преспенскимъ и Кастурскимъ озерами. Отъ руки ихъ погибъ братъ знаменитаго Болгарскаго Царя, Самуила, Давыдъ²⁸), котораго Болгарская Церковь причислила къ лику Святыхъ. Въ настоящее время на всемъ Балканскомъ полуостровѣ живетъ не болѣе 500,000 Влаховъ, преимущественно въ Эпирѣ, Фессаліи и Македоніи, гдѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Англійскій путешественникъ, Лигъ, насчитывалъ около 500 Влашскихъ селеній; далѣе, въ Сербскомъ Княжествѣ, гдѣ, по новѣйшимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, число ихъ доходитъ до 127,326²⁹), и въ Албаніи, въ окрестностяхъ городовъ: Кавая, Тиранна, Берата, Москополя и Лубискоса³⁰). Въ соб-

²³) См. у Рёслера, „*Röm. Studien*“. 107.

²⁴) Τὰν ἀπὸ πῶσαν Βουλγαρίαν Βλαχῶν, Голубинскаго, „Исторія Православныхъ Церквей, и пр. Москва, 1872.

²⁵) Вильгардуена „*De la conquête de Constantinople*“.

²⁶) Pachimer., „*Histor. Andron.*“, I. I, с. 38.

²⁷) Гильфердинга, „Собраніе сочиненій“. I. 181.

²⁸) Cedrin., ed. Bonn. II, 435.

²⁹) Rad jugoslav. akademije. 1870, XI, 249.

³⁰) Albanesische Stud“. I, 133.

ственной Болгаріи или въ странѣ, заключающейся между Дунаемъ и Балканами, мы встрѣчаемъ Влашское населеніе только въ Добручѣ, около 33,000, по среднему теченію Вида, Искра и Скитула³¹⁾ около 40,000, и въ Видинской Епархіи около 1,000 вѣнчилъ (тягль)³²⁾. Во Фракіи они встрѣчаются только въ весьма ничтожномъ числѣ, а именно: около 50 домовъ въ Татарь-Пазарджикѣ и 50 въ Пещерѣ³³⁾. Такъ низко снизошло число Влашкаго населенія на полуостровѣ, главнымъ образомъ въ слѣдствіе выселенія его на лѣвый берегъ Дуная; но можно также предполагать, что значительная часть его исчезла путемъ сліянія съ, поработившей его, Славянскою стихіею. Воздѣйствіе, оказанное Влахами на Славянскую народность, очень могущественно, какъ видно изъ значительнаго количества Латинскихъ словъ въ языкѣ Болгарь и Сербовъ. Укажемъ, для примѣра, на нѣкоторыя изъ этихъ словъ: Болгарск. и Сербск. муле, Латин. *mulus* (*mula*); Б. С. пуле, Латин. *pullus* (*asini*); Б. С. пиле, Латин. *pullus* (*gallinae*); Болг. церъ (видъ дуба), Лат. *ceruus*, Б. пепонъ, Лат. *peron* (*peronis*); Б. бакъль, Лат. *rosulum*; Б. хурка, фурка, Лат. *furca*; Б. турта, Лат. *torta*; Б. фурня, Лат. *fornix*; Б. и С. клисура, *clausura*; Б. егрекъ (хлѣвъ, овчарня), ср. Лат. *grex* (стадо); Б. турло (стадо, толпа), Румунск. *târla*, отъ Латинскаго *turma*; Бол. кашкавалъ (у Ларинскихъ Славянъ сирь до коне), Лат. *caseus caballinus* и пр. Укажемъ еще и, на весьма часто употребительные въ Болгарскомъ языкѣ, глаголы: *вирѣ* (вирѣе и зеленѣе), отъ Лат. *viret*; *патъж*, отъ *patior*; *пелиж* (пелѣсвамъ, пелѣсанъ), отъ *pellio*; *каптисвамъ*, отъ *capio* и пр. Сюда же относятся и Латинскія слова, вошедшія въ Славянскій переводъ Священнаго Писанія и, слѣдовательно, за долго до времени этого перевода получившія право гражданства въ языкѣ Южныхъ Славянъ; *църкы*, отъ Лат. *circus*; *цѣсаръ*, отъ Лат. *caesar*, а не отъ

³¹⁾ Брадаша, „Die Slaven in der Türkei“ въ „Mittheilungen,“ Петермана, 1869, XII, 448.

³²⁾ Свѣдѣнія о нихъ доставлены намъ изъ Видинской Консистоіи. Считаемо нужнымъ замѣтить, что большая часть Влаховъ, обитающихъ въ Придунайской части Болгаріи (въ Добручѣ, по Вида, Искру, Скитулу, и въ Видинской Епархіи), равно какъ и въ Сербскомъ Княжествѣ, выселились сюда изъ Румуніи (Молдо-Валахія), большею частію въ нашемъ вѣкѣ.

³³⁾ Захаріевъ, „Описаніе на Татарь-Пазардж. кааза“ стр. 19 и 27. Показаніе извѣстнаго Румунскаго патріота, Болинтенано, что въ настоящее время во Фракіи обитаетъ около 200,000 Влаховъ, и что число представителей этого племени на Балканскомъ полуостровѣ доходитъ до 1,200,000 есть явная нелѣпость. См. у Рёслера, „Rom. Stud.“ S. 100.

Греческой формы этого имени (*καίσαρ*); *оцѣтъ*, отъ Лат. *acetum*; *крѣтъ*, отъ Лат. *styx*; *рака* (*κιβωτός*), отъ Лат. *arca*; *олтарь*, отъ Лат. *altare* (Греческ. *θυσιαστήριον*) и пр.³⁴⁾

Кромѣ Романовъ, говорившихъ Латинскимъ языкомъ, Славяне встрѣтили на полуостровѣ и значительное число Грековъ, называвшихся также Романами, Ромеями (*Ρωμαίοι*). Въ настоящее время число ихъ доходитъ тутъ, за исключеніемъ Греческаго Королевства, до 800,000 душъ,³⁵⁾ большая половина которыхъ обитаетъ въ Константинополѣ и его окрестностяхъ, по берегу Мраморнаго и Егейскаго морей и въ Тесалии. Во внутреннихъ областяхъ полуострова только въ Адринопольской Епархіи встрѣчается довольно значительное Греческое населеніе, которое все таки ничтожно въ сравненіи съ Болгарскимъ населеніемъ этой Епархіи: изъ 271 села ея только 29 греческихъ, остальные же 242, за исключеніемъ весьма немногихъ, населенныхъ Турками, принадлежатъ Болгарамъ. Во всей Филиппопольской Епархіи, насчитывающей около 360 селеній, только три (Кукленъ, Водена, часть Станимуки) населены Греками. Въ Епархіяхъ же южной Македоніи, которую до недавняго времени считали Греческой страной, по повѣшшимъ и весьма точнымъ изслѣдованіямъ, оказывается, что Греческаго населенія тамъ почти что совсѣмъ нѣтъ; ибо въ десяти тамошнихъ Епархіяхъ: Битольской, Охридской, Воденской, Могленской, Кастурской, Дебрской, Струмицкой, Полянской, Мельницкой и Драмской, насчитано только около 30 Греческихъ селеній,³⁶⁾ а именно: въ Кастурской 16 и въ Драмской (въ округѣ Зихны) около 10. Мы полагаемъ, что, во время занятія Славянами полуострова, Греческое населеніе тамъ было довольно многочисленно; въ противномъ случаѣ, трудно объяснить себѣ могущественное вліяніе, оказанное Греческимъ языкомъ на нарѣчіе Южныхъ Славянъ, которое восприняло не только значительное количество Греческихъ словъ, но усвоило себѣ и нѣкоторые приемы Греческаго словообразованія. Въ подтвержденіе послѣдняго мы приведемъ хотя одинъ примѣръ.

³⁴⁾ О. М. Бодяпскаго, „О времени происхожденія Славянскихъ письменъ“. М. 1855. стр. 229 и слѣд.

³⁵⁾ Lejean, „Ethnographie de la Turquie d' Europe“. Gotha, 1861.

³⁶⁾ „Читалище“ 1871, кн. 6. стр. 268, 269. Даже въ Солунской Епархіи Болгарское населеніе составляетъ грамадное большинство, судя по высказанному тамошними Болгарамъ желанію присоединить и эту Епархію къ Болгарской Епархіи, на основанія § 10 извѣстнаго Султанскаго фирмана.

Почти всѣ Греческіи глаголы въ Болгарскомъ языкѣ являются съ основою слабаго аориста, т. е., съ характеромъ с: калескамъ, отъ καλέω, ἐκάλεσα; кердоскамъ, отъ κερδαίνω, ἐκέρδησα; фтаскамъ, отъ φθάνω, ἐφθάσα и пр. и пр. По этому образцу Болгарскій языкъ образуетъ и всѣ глаголы, изъ иностранныхъ, даже и не Греческихъ, корней: каптискамъ, отъ Лат. capio; кондискамъ отъ Турецкаго конакъ (ночлегъ), крѣстоскамъ, отъ Лат. crix и т. д. и т. д.

Мы уже говорили что еще въ концѣ II-го вѣка на Балканскій полуостровъ переселилось нѣсколько Нѣмцевъ изъ племени Квадовъ. Въ III вѣкѣ туда была переселена большая часть Бастарновъ, въ IV число Нѣмецкихъ поселенцевъ тутъ еще болѣе увеличилось водвореніемъ многочисленныхъ Готовъ, Геруловъ и пр. Изъ свидѣтельства Юрнанда, писавшаго въ 551 г., мы узнаемъ, что въ это время, въ половинѣ IV вѣка, на сѣверномъ склонѣ Балканскаго хребта, въ странѣ Никополитанской, существовали еще многочисленные Готскія поселенія, водворившіяся тамъ уже въ IV вѣкѣ³⁷⁾. Валафрамъ Страбонъ, Нѣмецкій писатель IX вѣка, свидѣтельствуесть, что и въ его время они сохраняли свой языкъ, на которомъ совершалось богослуженіе не только у нихъ, но и у нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ ними Скиѣскихъ племенъ, подъ которыми, безъ всякаго сомнѣнія, слѣдуетъ разумѣть Славянъ³⁸⁾. О Герулахъ, перешедшихъ на югъ отъ Савы, въ царствованіе Анастасія, мы имѣемъ достовѣрнѣйшія извѣстія, что обитали тамъ и во время Юстиніана. Всѣ эти довольно значительныя Нѣмецкія поселенія, частію предварившія Славянское движеніе на югъ, частію сопровождавшія его, съ теченіемъ времени исчезли, поглощены были Сербскими и преимущественно Болгарскими Славянами³⁹⁾. Естественно предполагать, что и эта иноплеменная

³⁷⁾ „Gothi, que dicuntur minores, populus immensus, cum suo ipsoque primate Vulfila, qui eos dicitur et litteris instituisse, hodieque sunt in Moesiae regione, incolentes Nicopolitanum“. Jornand. c. 51. Подъ Никоподемъ тутъ, по всему вѣроятію, слѣдуетъ разумѣть упоминаемый еще Птоломеемъ Νικόπολις περὶ Αἰθρον. О положеніи его см. соображенія Професора Бруна, въ его примѣчаніяхъ къ Путешествію Шильтбергера“, стр. 3.

³⁸⁾ Gothi . . . in Graecorum provinciis commorantes nostrum, i. e., theodiscum sermonem, habuerunt . . . . Et fidelium fratrum relatione didicimus apud quasdam Scytharum gentes, maxime Tomitanos eadem locutione divina haecenus recitari officia.“ Walafr. Strabo, „De rebus eccles.“ 7. Въ „Biblioth. Patrum“, t. XV, p. 184.

³⁹⁾ Свѣдѣнія Туимана (Untersuchungen 333), что Готскій языкъ въ 1774 г. еще былъ слышенъ въ окрестностяхъ Силистріи, едва ли справедливы.

стихія, съ которою тутъ имѣли столкновение Славяне, должна была оказать нѣкоторое вліяніе на ихъ языкъ. Этому вліянію обязаны своимъ происхожденіемъ всѣ Нѣмецкія слова, вошедшія въ Славянскій переводъ Священнаго Писанія, каковы, на примѣръ: олтарь (если не принимать, что перешло къ Славянамъ прямо изъ Латинск. altare), Древне-Нѣм. altari; постъ, Нѣм. faste, Гот. fastan; крамола, Древн.-Бавар. carmulum; сѣбота, Древн.-Нѣм. sambas tag; коукаръ (книга) и коукы (буква), Гот. boka (имѣетъ значеніе и книги, и буквы); оусерагъ, Гот. ausó (ухо) и rings (кольцо); мѣзда, Гот. mizdo (въ свою очередь заимствованное изъ Греч. (μίσθος)⁴⁰); рѣназь, Нѣм. rhening, и пр. Копитаръ, Миклошичъ и другіе, находя необъяснимымъ существованіе этихъ словъ въ языкѣ Болгарскихъ Славянъ, видятъ въ нихъ одно изъ доказательствъ противъ мнѣнія о переводѣ Священнаго Писанія на этотъ языкъ⁴¹). Но они упускаютъ изъ виду приведенныя выше историческія свидѣтельства о столкновеніи Болгарскихъ Славянъ съ довольно значительною Нѣмецкою стихіею. Кромѣ того, имъ осталось неизвѣстнымъ, что и по нынѣ въ Болгарскомъ нарѣчій употребляется много Нѣмецкихъ словъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ этому столкновенію. На примѣръ: друсамъ (succusso, quasso), раздрусанъ (conquassatus), Гот. drus (ruina). (Шафарикъ производилъ Гот. drus отъ слова трѣскъ (terrae motus), но нужно замѣтить, что въ Болгарскомъ языкѣ подлѣ друсамъ употребляется и трѣскъ, такъ что если даже и принять производство Шафарика, то и тогда не исключается возможность заимствованія Болгар. друсамъ отъ Гот. drus). Болгар. сетнѣ (serius), сетнина (consecutio), Гот. seithu, seiths (serum, sero); Болг. сакамъ (cupio, quaero), Гот. sokjan; Болг. и Серб. махала (regio urbis), Гот. mahal (forum, concio);

⁴⁰) Впрочемъ, вмѣсто того, чтобы производить Славянск. мѣзда отъ Греч. μίσθος чрезъ посредство Готскаго языка, едва ли не основательнѣе считать его общимъ Индо-Европейскимъ языкамъ словомъ. Сравн. Древне-Бактр. mizda (возмездіе), Персидск. mizd, mizd. Шерцль, „Сравнительная грамматика Славянскихъ языковъ“. Харьковъ, 1871, стр. 197, 212.

⁴¹) Указывая на эти слова, Копитаръ спрашиваетъ: „Unde enim tuo Bulgaro-Serbo, Macedoni talia, sive materia, sive sono germanicissima?“ См. „Glagol. Clozian.“ IX. Сравн. Миклошича, „Ученіе о звукахъ Древне-Славянскаго языка,“ перев. Д. Лавренка. Кіевъ, 1865, стр. III; также „Die slavisch. Elemente im Magyarischen,“ Wien, 1871, S. 3. О Копитаровомъ мнѣніи сличите сказанное О. М. Бодянскимъ, въ его сочиненіи „О времени происхожденія Славянскихъ письменъ“ М. 1855, стр. 213—247. А что о Копитарѣ сказано, то идетъ и къ Миклошичу и другимъ, имъ подобнымъ, вполнѣ и безотговорочно.

Болг. хубавъ, сл. Нѣм. hübsch; Болг. фара, Лонгоб. faga (gens); Болг. варда, Серб. вардати (стеречь), Гот. vardia (стражъ), и пр. и пр.

Было замѣчено уже, что, по распаденіи Гуннской Державы значительныя толпы Гунновъ, подъ предводительствомъ нѣкоторыхъ изъ сыновей Аттилы, искали убѣжища на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ и водворились: Ернакъ, съ своимъ отрядомъ, въ Малой Скиѣи, Емнедзаръ и Узиндуръ въ прибрежной Дакии, Уто и Искальмъ гдѣ-то еще южнѣе. По всему вѣроятію и Авары оставили кое-какія поселенія на полуостровѣ: Багрянородный свидѣтельствуеть, что еще въ X в. въ Далматіи между тамошними Славянами находились остатки Аваровъ, отличавшихся отъ Харватовъ своимъ языкомъ и нравами⁴²). Такимъ образомъ съ VI и VII вв. населеніе Балканскаго полуострова, кромѣ исчисленныхъ племенъ Индо-Европейской семьи, заключало въ себѣ и представителей Уральскаго колѣнія, отъ языка которыхъ, естественно предполагать, также перешли къ Славянамъ нѣкоторыя слова. Это обстоятельство, какъ намъ кажется, упущено изъ виду Шафарикомъ, который, находя въ языкѣ Южныхъ Славянъ нѣсколько Чудскихъ словъ, приводитъ ихъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, что Славяне эти выселились на полуостровъ изъ сѣверо-восточныхъ странъ, сопредѣльныхъ съ Чудскимъ міромъ⁴³). Еще опрометчивѣе поступаетъ въ этомъ случаѣ Рёслеръ, который, на основаніи нѣсколькихъ яко бы Чудскихъ словъ, встрѣчающихся въ Румунскомъ языкѣ и объясняемыхъ имъ нарѣчіемъ Юраковъ и Остяковъ, приходитъ къ заключенію, что Болгаре, отъ которыхъ будто бы Румуны только и могли заимствовать эти слова, были Самоѣдское племя или, по крайней мѣрѣ, родичи Самоѣдовъ⁴⁴). Но прежде, чѣмъ дѣлать такой выводъ, на основаніи этихъ словъ, требуется доказать, что они дѣйствительно заимствованы Румунами отъ Болгаръ, а не унаслѣдованы ими отъ названныхъ Чудскихъ поселеній на нижнемъ Дунаѣ.

Этотъ обзоръ разноплеменныхъ стихій, съ которыми Славяне, во время своего расселенія по областямъ Балканскаго полуострова, сталкивались тутъ, очень убѣдительно доказываетъ,

⁴²) Καὶ εἰσὶν ἀμύην ἐν Χρῶβατιζα ἐκ τῶν τῶν Ἀβάρων καὶ γυγνώσκονται Ἀβάρεις ὄντες. „De Administr. imper“. 30.

⁴³) „Слав. Древн.“ II, кн. 1, стр. 389; Рачки. „Nacrt jugoslav. pov“. 259.

⁴⁴) „Romän. Stud“. 253 – 259.

что они вездѣ находили довольно густое населеніе, состоявшее или изъ древнѣйшихъ обитателей этого края, Трако-Илировъ и Романовъ, или изъ новыхъ переселенцевъ Германскаго и Чудскаго происхожденія, перселенцевъ, оспаривавшихъ у Славянъ наслѣдіе упадающей Имперіи. Среди этого разноплеменнаго люда Славяне должны были приискивать себѣ жилища. Естественно предположить, что, независимо отъ счетовъ, которые они должны были сводить съ военными силами Имперіи, имъ приходилось на каждомъ шагѣ считаться и съ этимъ разноплеменнымъ населеніемъ, которому не недоставало ни въ средствахъ защиты, ни въ мужествѣ. При такомъ ходѣ водворенія Славянъ на полуостровѣ требовалось весьма продолжительное время для того, чтобы Славянская стихія достигла тутъ тѣхъ громаднѣхъ размѣровъ, того преобладающаго положенія, въ какомъ она является около половины VII вѣка. Періодъ времени въ 50, или во 100, лѣтъ слишкомъ короткій срокъ для такого дѣла. Изъ приведенныхъ въ нашемъ обзорѣ данныхъ особенно занимательно для насъ то обстоятельство, что Славяне застали тутъ и значительные остатки Древне-Тракійскаго населенія, застали ихъ именно въ такихъ странахъ, на которыя, какъ было уже замѣчено, Римское владычество обрушилось всею тяжестью своего давленія и въ которыхъ, въ слѣдствіе этого, ороманеніе пошло съ особеннымъ успѣхомъ. Если дѣло его (ороманенія) ко времени появленія Славянъ въ этихъ краяхъ было сдѣлано на половину только, то это объясняется единственно слишкомъ раннимъ проникновеніемъ послѣднихъ сюда. Тутъ мы имѣемъ новое подтвержденіе нашему выводу, что начало заселенія полуострова Славянами переходитъ далеко за предѣлы VI-го и даже V-го вѣка, заходитъ въ глубь III-го, или къ концу II-го.

Мы уже коснулись мнѣнія Шафарика о первобытныхъ жилищахъ, занимающихъ насъ, Славянъ. По словамъ его, за исключеніемъ Сербо-Хорватовъ, вышедшихъ изъ Надтатранскаго края, все остальное Славянство, поселившееся въ Мизіи, Тракіи, Македоніи, Албаніи, Тессаліи, Елладѣ и Пелопонисѣ, вышло изъ сѣверо-восточныхъ земель Древне-Русскихъ Славянъ, лежащихъ на озерѣ Ильменѣ, рѣкахъ Двинѣ, Днѣстрѣ, Окѣ и т. д.⁴⁵⁾ Совершенно противоположный взглядъ на этотъ

⁴⁵⁾ „Слав. Древн.“ II, кн. I, 387.

предметъ былъ высказанъ Копитаромъ. По его мнѣнію, все обширное пространство, простирающееся отъ Аквилей и источниковъ Дравы и Муры до Чернаго моря на востокъ и до Солуня на югъ, было занято однимъ Славянскимъ племенемъ, которое приходомъ Сербо-Хорватовъ въ VII в. было разорвано на двѣ части, изъ которыхъ въ послѣдствіи возникли два отдѣльныхъ племени: Словинское и Болгарское⁴⁶). Какъ то, такъ и другое, изъ названныхъ мнѣній существуютъ и понынѣ, раздѣляя взглядъ ученыхъ на занимающій насъ здѣсь вопросъ на два противоположныхъ стана. Уже это одно достаточно колеблетъ прочность сихъ мнѣній, несостоятельность которыхъ, намъ кажется, не трудно усмотрѣть. Укажемъ прежде всего на, изложенныя въ предыдущей главѣ, историческія свидѣтельства, довольно явственно говорящія, что Славянскіе переселенцы прибывали сюда не только съ сѣверо-востока, изъ нынѣшней Румыніи и Россіи, но и съ сѣверо-запада, изъ-за Савы и средняго Дуная, изъ странъ, доставшихся въ удѣлъ Паннонскимъ Славянамъ, предкамъ Словинцевъ. Изъ этой послѣдней страны, по словамъ Прокопія, выходили Славянскія дружины, разоравшія въ 529, 546, 548 и 552 годахъ области Имперіи. Оттуда вышли и тѣ Славянскія полчища, которыя въ 600 г., по свидѣтельству Папы Григорія, наводили ужасъ на всю Далматію. Но самое блистательное опроверженіе этихъ мнѣній мы находимъ въ языкѣ Южныхъ Славянъ, представляющемъ удивительную пестроту и разнообразіе звуковыхъ особенностей. Мы уже имѣли случай указать на такія особенности въ области Сербо-Хорватскаго нарѣчія. Болгарское нарѣчіе въ этомъ отношеніи еще любопытнѣе. Тутъ разнообразіе это такъ разительно, что самое поверхностное наблюденіе легко можетъ открыть въ немъ точки соприкосновенія съ отличительными чертами самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга Славянскихъ нарѣчій.

Звукъ *a* въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ перезвукывається въ *ε*, какъ въ нарѣчіяхъ Западной отрасли: *чекам*, *ієсли*, *ієице*, *слазем*, *ієневденъ*⁴⁷). Сравни Чешск. *čekati*, *jesle*, *Jene* и пр.

Неударяемое *o* переходитъ: а) въ *ε*: *котєри*, *небє* (ср. Чешск. *který*, *nebe*); б) въ *ɤ*, какъ у Нижнекраинскихъ Словинцевъ: *кѣда*, *гѣламѣ*, *млогѣ*⁴⁸), и пр.

⁴⁶) „Glagolita Cloz.“ Prolegomena, p. XXX; Миклошича, „Slavische Biblioth.“ I, 60.

⁴⁷) Такъ называется у Болгаръ день Ивана Купала.

⁴⁸) „Періодическ. списаніе на Болгар. кн. дружество.“ Браила, кн. 2, стр. 106.

к звучитъ: а) какъ *ε*: *хлевъ, вера*; б) какъ въ Польскомъ, *га*: *хлѣбъ, вѣра*; в) переходитъ въ *и*, какъ въ Малорусск., Сербскомъ (въ Далматин и Славонин) и отчасти въ Чешскомъ: *тисте, гниздо*.

ж звучитъ: а) какъ Англійское *и* въ словахъ: *ugly, but*; б) какъ *ам, ан*; *бандам, банда*; в) какъ въ Словинскомъ *о*: *вода, рока, мока, коца*⁴⁹⁾; г) какъ въ Сербскомъ, Русскомъ и Чешскомъ *ѡ*: *рѡка, междѡ, нѡжда, понѡда*.

л переходитъ: а) въ *ε*, какъ въ Сербо-Хорватскомъ, Словинскомъ и Чешскомъ: *лѣтъ, время*; б) въ *га*, какъ въ Русскомъ: *пѣтъ, ста*; в) въ *а*, какъ въ Словацкомъ: *ла, та, са*; г) смѣшивается съ глухимъ произношеніемъ *ж-са*: *лж, тж, сж*⁵⁰⁾.

ъ произносится: а) какъ Англійское *і* въ словахъ: *bird, birth*; б) какъ въ Сербскомъ *а*: *савирам, ватъкъ (утѡкъ), вак, сас, санѡкам* и пр.⁵¹⁾; в) какъ въ Русскомъ *о*: *поли, наполнювам, Болгарин, Горци, солзе*⁵²⁾ (въ послѣднихъ двухъ словахъ **ъ** = *о* заступаетъ мѣсто **ь**, съ которымъ онъ весьма часто смѣшивается); г) переходитъ, подобно *о*, въ *ε*: *четеме, несеме, знаеме, сме* (сравн. Чешск. *neseme, zname, jsme*); д) смѣшивается съ глухимъ произношеніемъ *ж-са*.

Губныя смягчаются съ помощію *л*, какъ въ нарѣчіяхъ Восточной вѣтви, и безъ онаго, какъ въ Западныхъ нарѣчіяхъ. Послѣдній способъ смягченія губныхъ, безъ *л*, едва ли не пользуется и большимъ распространеніемъ между Болгарами:

Зубная *д* смягчается: а) въ *жд*: *рожден, дохождах*; б) непосредственно, какъ въ Словацкомъ: *родѣн, дохѡдах*; в) въ *зд*, въ Шуменскомъ округѣ: *чѡзди*.

т смягчается: а) въ *шт*: *штж (хѡштж)*; б) въ *ч*, какъ въ Русскомъ и Словинскомъ: *че (хочеть)*⁵³⁾; в) въ *к*, какъ въ Сербскомъ: *кю, киѡш*⁵⁴⁾.

И это разнообразіе встрѣчается не только въ современномъ Болгарскомъ языкѣ, чтобъ можно было считать его произведеніемъ историческаго развитія этого языка; напротивъ,

⁴⁹⁾ Верковича, „Описаніе быта Македонскихъ Болгаръ;“ Миклошича, „Die Sprache der Bulgaren im Siebenbürgen.“

⁵⁰⁾ Чолакова, „Български народн. сборникъ,“ стр. 106, 109.

⁵¹⁾ Періодич. списаніе,“ кн. 2, стр. 23.

⁵²⁾ Сравн. Дювернуа, „Система основныхъ элементовъ и формъ Славян. нар.“ стр. 55.

⁵³⁾ Захаріева, „Опис. на Т.-Паз.“ 56; Верковича, „Пѣсни Мак. Болг. 306.

⁵⁴⁾ Чолакова, „Българ. народ. сборн.“ 98.

⁵⁵⁾ Захаріева, „Описан. на Тат.-Пазардж.“ стр. 54.

оно восходитъ къ глубокой древности и очень явственно сказывается еще въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ чисто Болгарскаго происхожденія, каковы: „Хилендарскіе листы,“ Григоровича, „Охридскій Апостолъ,“ „Македонскій листокъ“ (XI вѣка), „Болопская псалтырь“ (XII вѣка), „Паремейникъ,“ Григоровича и пр. и пр. Г. Срезневскій, указывая на разнообразныя звуковыя особенности какъ этихъ, такъ и нѣкоторыхъ другихъ, однородныхъ съ ними, памятниковъ, особенности, называемыя имъ „отклоненіями отъ чистаго Славянскаго языка,“ весьма основательно видитъ въ нихъ указанія на нѣсколько различныхъ нарѣчій⁵⁵⁾. Существованіе этихъ „указаній“ и въ нынѣшнемъ Болгарскомъ языкѣ устраняетъ всякій поводъ къ попыткамъ объяснить появленіе ихъ въ названныхъ памятникахъ книжнымъ вліяніемъ другихъ Славянскихъ нарѣчій на Древне-Болгарскую письменность⁵⁶⁾. Всего естественнѣе предполагать, что они были заносимы въ эту письменность разными писцами и писателями Болгарскими, сознательно, или безсознательно, испещрившими письменный языкъ особенностями разныхъ мѣстныхъ говоровъ. Эти столь разительныя язычныя данныя, въ связи съ упомянутыми историческими свидѣтельствами, съ достаточною силою показываютъ, что Славяне, переселившіеся на Балканскій полуостровъ, вопреки мнѣніямъ Шафарика и Копитара (изъ коихъ первый считалъ ихъ родичами Русскихъ Славянъ, второй же выдавалъ ихъ за братьевъ Словинцамъ), принадлежали къ разнымъ Славянскимъ племенамъ, какъ Восточной, такъ и Западной, вѣтви. Другими словами, въ занимающемъ насъ ославяненіи полуострова принимали участіе разныя Славянскія племена, въ разныя времена высланныя, въ области распадавшейся Имперіи, излишки своего населенія.

Начавшись уже въ то время, когда Имперія была еще довольно могущественна, съ конца II-го столѣтія, водвореніе Славянъ въ предѣлахъ ея сначала шло до нѣкоторой степени тихо и мирно. Съ согласія Правительства, иногда даже по его настоянію, переходили сюда Славянскіе переселенцы и занимали отводимыя имъ для жилищъ земли. Тутъ они постепенно привыкали къ дѣйствующимъ въ Имперіи порядкамъ, стано-

⁵⁵⁾ „Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма.“ Спб. 1868, 149—167.

⁵⁶⁾ Будиловича, „Изслѣдованіе языка Древне-Славян. перевода XIII Слозь Григорія Богослова.“ Спб., 1871, стр. 23 и 143.

вились гражданами ея, служили ей, какъ на военномъ, такъ и на гражданскомъ, поприщѣ, давали ей Императоровъ, Юстина Юстиніана, и отличныхъ полководцевъ: Анегискловъ, Оногостовъ, Доброгостовъ, Всегордовъ, Сваруновъ, Велизаріевъ, Татирировъ и проч. Но по мѣрѣ изнеможенія Имперіи, и водвореніе Славянъ въ областяхъ ея измѣнялось, пока не приняло наконецъ завоевательную окраску. Временемъ этого перелома въ ходѣ дѣла слѣдуетъ считать послѣднюю четверть V-го вѣка. Съ этой поры начинаются бурныя вторженія воинственныхъ Славянскихъ дружинъ, истреблявшихъ власть Имперіи на полуостровѣ и завосывавшихъ себѣ привольныя жилища въ ея областяхъ. Этотъ способъ заселенія Балканскаго полуострова Славянами проходитъ и черезъ весь VI вѣкъ. Шафарикъ, ошибочно отнесшій начало этого дѣла къ концу V вѣка, невѣрно судилъ и объ его ходѣ, который, по словамъ его, отличался тихимъ и мирнымъ свойствомъ⁵⁷⁾. Это мнѣніе не подтверждается никакими данными и основано на одностороннемъ взглядѣ на свойство Славянъ, которые, какъ народъ земледѣльческій по преимуществу, будто должны были держать себя какъ можно дальше отъ военного шума. Противъ этого взгляда говорятъ всѣ имѣющіяся свидѣтельства объ отношеніяхъ Славянъ къ Имперіи и ихъ поведеніи въ областяхъ ея за все это время. Припомнимъ хотя бы вопль Марцелина по поводу Славянскихъ войнъ, въ концѣ V вѣка, рассказъ Прокопія о поведеніи Славянъ въ областяхъ, куда они проникали, и объ ужасѣ, который полчища ихъ наводили на Имперскія войска, свидѣтельства Іоанна Ефесскаго и Солунскаго историка о военномъ искусствѣ и необыкновенной удали Славянъ, водворившихся уже въ областяхъ Имперіи. Укажемъ и на трепетъ, объявшій приморскіе города Далматіи при приближеніи къ нимъ Славянской грозы, на опасность, которая постоянно грозила мореплавателямъ на водахъ Адриатическаго, Ионическаго, Егейскаго и Мраморнаго морей съ стороны Славянъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій.

Всѣ эти свидѣтельства о воинственной удали Славянъ, перешедшихъ на полуостровъ, находятъ себѣ полнѣйшее подтвержденіе въ языкѣ ихъ, въ которомъ, какъ было уже замѣчено, племенные названія древнѣйшихъ обитателей этого края

⁵⁷⁾ „Слав. Древн.“ II, кн. 2, 255.

получили значеніе „подданнаго, раба.“ Занимая области Имперіи съ оружіемъ въ рукахъ, эти позднѣйшіе Славянскіе переселенцы не имѣли никакой надобности подчиняться власти ея, подобно Славянамъ, переселившимся до половины V вѣка. Они устраивались въ завоеванныхъ ими областяхъ на всей своей волѣ, по обычаю своей старины. Такимъ образомъ около половины VII вѣка Славяне, обитавшіе уже на полуостровѣ, въ политическомъ отношеніи дѣлились на двѣ части: одни находились подъ властію Византіи и раздѣляли участь ея подданныхъ, другіе же, большинство, пользовались полною независимостью⁵⁸). Послѣдніе, въ силу сохранившагося неприкосновеннымъ у нихъ роднаго обычая, подѣлились на множество отдѣльныхъ колѣнъ, соединенныхъ не столько общимъ происхожденіемъ, сколько общимъ сожительствомъ. Въ этомъ удостовѣряетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что большая часть извѣстныхъ намъ здѣшнихъ Славянскихъ колѣнъ называлась, какъ увидимъ ниже, по мѣсту своего жительства, а не по имени какого ни будь родоначальника. Во главѣ колѣнъ стояли Князья, Жупаны и Воеводы. Греческое сказаніе о чудесахъ Святаго Димитрія называетъ Князя (ῥήγχα) Ренхиновъ, Первунда⁵⁹); въ Болгарскомъ Житіи этого Святаго, извѣстномъ намъ по рукописи прошлаго столѣтія, говорится о Славянскомъ Кнезѣ⁶⁰), осаждавшемъ Солунь. По свидѣтельству Патріярха Никифора, въ 768 г. Императоръ Константинъ выкупалъ у Славянскихъ Князей (τοὺς Σιλαβηγῶν ἄρχοντας) Христіанъ плѣнниковъ, захваченныхъ Славянскими четами на островахъ: Имбросѣ, Тенедосѣ и Самоѳракіи⁶¹). Въ 799 году Авиняне, желая помочь Принцамъ Исаврскаго дома, сосланнымъ въ ихъ городъ Ириною, похитившею у нихъ Византійскій престолъ, обратились къ Акамиру, Князю Славянскаго племени Велзитовъ, обитавшихъ въ Θεσσαλίи, побуждая его принять участіе въ судьбѣ сосланныхъ и возвести одного изъ нихъ на Императорскій престолъ⁶²). Припомнимъ еще и свидѣтельство Багрянороднаго о Князьяхъ и Жупанахъ (ἄρχοντες καὶ ζούπανοι),

⁵⁸) Οὐχ ἑτέρω ἠδέως πείθεσθαι ἤθελον, ἀλλὰ τρόπον τινὰ ἑαυτοῖς. κρείττον γὰρ ἠγοῦντο ἀπὸ τοῦ ἄρχοντος τῆς αὐτῶν φυλῆς φθειρεσθαι ἢ τῆς Ῥωμαϊκῆς δουλεύειν καὶ ὑποκλίνεσθαι νόμοις. . . . . Левъ Мудрый, у Шафарика, XIII прилож. къ „Славян. Древн.“

⁵⁹) „Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ“, 1848, VI, 31.

⁶⁰) Періодич. списаніе кн. 2.

⁶¹) Stritt. II, 82.

⁶²) Тамъ же, 83.

которые стояли во главѣ Славянскихъ колѣнъ, обитавшихъ въ сѣверо-западномъ углу полуострова⁶³).

За недостаткомъ историческихъ данныхъ, нѣтъ возможности съ точностію опредѣлить взаимныя отношенія сихъ колѣнъ; можемъ, однако, съ достовѣрностію утверждать, что они, то были дружны между собою и соединялись для общихъ предпріятій, какъ показываетъ союзъ Дреговичей, Сагудатовъ, Белегзитовъ, Веунитовъ, Березитовъ и другихъ, противъ Солуны въ 676 г.⁶⁴), то ссорились, воевали другъ съ другомъ, при чемъ не брезгали союзомъ съ Византійцами противъ своей собратіи. Въ 685—687 г. Стримоицы, Рунхины и Сагудаты, держали въ осадѣ Солунь, Белегзиты же были въ дружбѣ съ Солунянами и доставляли имъ сѣстные припасы⁶⁵). Какъ мы замѣтили уже, въ 687 г. Юстиніанъ Ринотметъ предпринималъ походъ въ землю Славянъ, въ которой успѣлъ проникнуть даже до Солуны. Лѣтописецъ рассказываетъ, что во время этого похода многіе Славяне добровольно переходили на сторону Императора, что они дѣлали едва ли изъ страха передъ военными силами Византіи; намъ кажется болѣе близкимъ къ истинѣ предположеніе, что ими руководила тутъ вражда къ тѣмъ со-племенникамъ, противъ которыхъ силы эти были направлены. Судя по этимъ указаніямъ и по наведенію съ взаимными отношеніями прочихъ Славянскихъ племенъ, жившихъ при подобномъ же строѣ общественнаго быта, можно съ нѣкоторою вѣроятностію утверждать, что взаимные раздоры между отдѣльными Славянскими волостями на полуостровѣ были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. На этихъ-то раздорахъ Византія строила свои планы о постепенномъ подчиненіи себѣ всѣхъ, водворившихся въ древнихъ областяхъ ея, новыхъ обитателей. Быть можетъ, она бы и успѣла привести въ исполненіе эти планы, къ осуществленію которыхъ еще въ 657 году небезуспѣшно, какъ кажется, приступилъ Константинъ II, если бы Славяне слишкомъ долго оставались при своемъ волостномъ управленіи. По счастью, однако, они заблаговременно были выведены изъ узкихъ рамокъ этого общественнаго быта, представлявшаго слабое обезпеченіе для ихъ самостоятельнаго историческаго развитія. По разсказу Византійцевъ, весьма, впро-

⁶³) Тамъ же, 89.

⁶⁴) „Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Древн. Рос.“ 1848, VI, 19, 24.

⁶⁵) Тамъ же, стр. 31, 32, 35.

чемъ, баснословному, замѣтимъ, въ 678 г. на полуостровъ, большая часть котораго называлась уже „Славеніею,“ приходитъ изъ-за Дуная воинственная дружина, носившая названіе Болгарь. Предводитель ея, Аспарухъ, немедленно положилъ въ Мизіи основаніе Государству, соединивъ подъ свою власть, обитавшія тамъ, семь Славянскихъ племенъ. Предѣлы этого Государства быстро раздвигаются на югъ и на западъ, такъ что въ IX вѣкѣ оно простиралось уже отъ устья Дуная до воротъ Солуня, включая въ своихъ предѣлахъ большую часть Славянскихъ колѣнъ на полуостровѣ. Объединившись въ одно политическое цѣлое, колѣна эти, мало помалу, забываютъ свою племенную рознь, сливаются въ одинъ народъ. Свои прежнія частныя названія всѣ они промѣняли на одно общее названіе, названіе ихъ объединителей, „Болгарь.“ Современо съ Болгарами Аспаруха, на полуостровѣ, а именно въ сѣверо-западномъ углу его, дѣйствуютъ въ этомъ же смыслѣ, двѣ другія дружины: Хорваты и Сербы, образовавшіе, изъ соединенія тамошнихъ Славянъ, два отдѣльные Государства, Хорватское и Сербское. Движеніями въ пользу этого переворота въ общественномъ бытѣ занимающихъ насъ Славянъ открывается новая пора въ исторіи ихъ. Событія этой поры, какъ слѣдовавшія за окончательнымъ размѣщеніемъ Славянъ на полуостровѣ, лежатъ уже внѣ предѣловъ задачи нашего изслѣдованія. Если мы позволили себѣ указать на существенное свойство ихъ, то это мы сдѣлали въ видахъ освѣщенія слѣдующаго землеписнаго обзора Славянскихъ колѣнъ, обитавшихъ на полуостровѣ около половины VII в. и вошедшихъ въ послѣдствіи въ составъ трехъ выше означенныхъ Государствъ, созданіе которыхъ началось около этого времени.

Мы начинаемъ съ обзора колѣнъ, размѣстившихся въ сѣверной половинѣ полуострова, той именно, которая простирается на сѣверъ отъ хребтовъ: Балканскаго, Витуши, Курбетской планины, Карадага и Шара.

Сѣверцы или Сѣверяне ($\Sigma\beta\acute{\epsilon}\rho\alpha\iota\varsigma$). По свидѣтельству Теофана, они обитали въ Малой Скиѣи (нынѣ Добручѣ), гдѣ, въ 678 г., были покорены дружиною Аспаруха, принудившею ихъ переселиться на югъ, къ Балканскому хребту, въ край, лежавшій къ востоку отъ Береговскаго ущелія (*Beregaborum Clausura*)⁶⁶). Подъ Берегавой Шафарикъ не безъ основанія

⁶⁶) Stritter., II, 74.

разумѣль какой ни будь горный проходъ въ самой восточной части Гема, вдоль Черноморскаго берега⁶⁷). По мнѣнію Тунмана, этихъ-то Сѣверянъ слѣдуетъ разумѣть подъ Савріями (Savriah), которые, по свидѣтельству Саидъ-ибнъ-Батрика, помогали, въ 622 г., Императору Ираклію противъ Персовъ⁶⁸). Утвержденіе Шафарика, что подъ Сѣверами Теофана и, тождественными съ нимъ, Савріями Саидъ-ибнъ-Батрика, разумѣются Сабиры (Σαβείροι), народъ Уральскаго племени, по нашему разумѣнію, не выдерживаетъ никакой повѣрки. Историческими данными не возможно доказать переходъ этого Уральскаго народа, или, по крайней мѣрѣ, одной части его, изъ Прикавказскаго края, гдѣ онъ дѣлается извѣстнымъ въ теченіи VI в., въ Придунайскія страны. Догадка же, что въ Сербскомъ словѣ „Себрь,“ означающемъ подданнаго, подчиненнаго (plebeius, rusticus), мы имѣемъ имя Сабировъ, поработенныхъ Болгарами, догадка эта, говоримъ, болѣе чѣмъ безосновна. Если происхождение этого слова было дѣйствительно таково, то оно должно бы было находиться прежде всего въ языкѣ Болгаръ, отъ которыхъ только и могли заимствовать его Сербы. А между тѣмъ намъ положительно извѣстно, что его нѣтъ въ языкѣ первыхъ, тогда какъ между Сербами оно было въ большомъ ходу въ средніе вѣка, да и до сихъ поръ продолжаетъ жить въ устахъ Далматинскихъ Сербовъ и Хорватовъ⁶⁹).

Семь славянскихъ племенъ въ Нижней Мизіи. По свидѣтельству Теофана въ 678 г. въ Нижней Мизіи обитали семь Славянскихъ племенъ, которыя также, какъ и Сѣверяне, были покорены дружиною Аспаруха⁷⁰). Къ сожалѣнію, имена этихъ семи племенъ остались неизвѣстными. Нельзя съ точностію опредѣлить и время расселенія ихъ въ этой странѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Теофанъ почерпнулъ свои свѣдѣнія о нихъ изъ какого ни будь древнѣйшаго источника, не дошедшаго до насъ. Какъ было замѣчено уже, о семи Славянскихъ племенахъ въ Мизіи говорится и въ Землеописаніи Моисея Хоренскаго⁷¹), умершаго въ 493 г. Землеописаніе Хоренскаго, которое, въ сущности, есть передѣлка не дошедшей

67) „Слав. Древн.“ II, кн. 1, 265.

68) Тунманъ, „Untersuchungen.“ 108.

69) См. въ Словарѣ Миклошича подъ словомъ „Себрь.“

70) Stritter. II, 74.

71) См. XIV-ое приложеніе къ „Славян. Древностямъ,“ Шафарика.

до насъ Географіи извѣстнаго математика Паппа Александрійскаго, современника Θεодосія Великаго, потерпѣла значительныя искаженія со стороны позднѣйшихъ Армянскихъ переписчиковъ, позволявшихъ себѣ дѣлать въ ней разнаго рода вставки и прибавленія⁷²⁾. И трудно рѣшить, принадлежитъ ли свидѣтельство ея о Славянахъ перу самаго Моисея, или же оно есть позднѣйшая вставка какого ни будь переписчика. Шафарикъ принимаетъ послѣднее мнѣніе, утверждая, что вставка эта сдѣлана въ X вѣкѣ, около 900—950 г. Но въ X в. Мизійскіе Славяне не дѣлились уже на колѣна, а составляли одно цѣлое и назывались именемъ Болгаръ, именемъ, хорошо уже извѣстнымъ и Армянамъ, какъ и Византіяцамъ. Достаточно припомнить, что еще въ 823 году Болгаре ходили на помощь Михаилу II противъ соперника его, Θомы, войско котораго состояло преимущественно изъ Армянъ; что Михаилъ-Борисъ, въ письмѣ своемъ къ Папѣ Николаю I, отъ 866 г., упоминаетъ объ Армянскихъ проповѣдникахъ въ Болгаріи; что, по свидѣтельству Петра Сикулы, въ 866 г. Армяне отправляли проповѣдниковъ въ Болгарію⁷³⁾. При этихъ данныхъ трудно допустить, чтобы какой ни будь Армянскій писатель X вѣка сталъ пополнять Землеописаніе Хоренскаго извѣстіемъ, что въ Великой Θракіи (Мизіи) живетъ семь Славянскихъ племенъ. Если извѣстіе это считать позднѣйшею вставкою, то, безъ сомнѣнія, она гораздо древнѣе X-го вѣка. Намъ кажется, что мнѣніе, приписывающее это извѣстіе самому Хоренскому, не противорѣчило бы истинѣ: мы видѣли, что во второй половинѣ V-го вѣка, когда Хоренскій составлялъ свое Землеописаніе, на Балканскомъ полуостровѣ было уже много Славянскихъ поселеній.

Тимочане (Тимосіані). Лѣтописецъ Эйнгардъ повѣствуетъ, что въ 818 г., во время знаменитой борьбы Великаго Жупана Посавской Хорватіи, Людевита, съ Франками, Тимочане, отпавши отъ союза съ Болгарами, послали къ Императору Людовику Благочестивому посоловъ съ просьбою принять ихъ подъ свое покровительство⁷⁴⁾. Исполненію этого плана помѣшала Люде-

⁷²⁾ Langlois, „Collection des Historiens anciens et modernes de l'Armenie.“ Paris, 1869, II, p. 48.

⁷³⁾ Рачкаго, „Bogomili i patareni,“ въ „Rad jugoslav. akad.“ кн. VII, 98, 99.

⁷⁴⁾ „Legati Abotridorum ac Bornae, ducis Gunduscanorum, et Timocianorum, qui nuper a Bulgarnm societate desciverant et ad nostros fines se contulerant.“ Einhard. „Annal.“ а. 818. Въ этомъ свидѣтельствѣ слово „Timocianorum“ есть опредѣлительное къ legati, а не къ ducis, какъ полагалъ Шафарикъ, пришедшій, такимъ образомъ, къ невѣрному заключенію, что Борна, Великій Жупанъ Далматинскихъ Хорватовъ, владѣлъ и Тимочанами.

вить, подговоривъ, вѣроятно, Тимочанъ перейти на его сторону⁷⁵). Изъ этого разсказа видно, что Тимочане жили гдѣ-то въ пограничныхъ краяхъ между Болгарскимъ Царствомъ, Посавской Хорватіей и Имперіей Франковъ, по всему вѣроятію, по теченію рѣки Тимока, древн. *Timachus*, отъ которой и получили свое названіе. Можетъ быть, и городъ Видинъ, Древне-Болгар. Бѣдинъ, лежалъ въ ихъ странѣ. Замѣчательно, что, по свидѣтельству Плинія, Фракійское колѣно, обитавшее въ древнѣйшія времена въ области этой рѣки, называлось, по имени ея, *Timachi*⁷⁶).

Мораване, въ Нижней или Болгарской Моравин: такъ назывался довольно обширный край, обнимающій область рѣки Моравы, состоящей изъ двухъ соименныхъ рѣкъ, Болгарской и Сербской Моравы. На западъ этотъ край простирается до Ибра, притока Сербской Моравы, и до Колубары, впадающей въ Саву. По свидѣтельству Баварскаго землеписца (IX-го), въ этой Нижней Моравин находились около 30 городовъ⁷⁷), изъ которыхъ болѣе извѣстные были: Нишъ, съ его округомъ Нишавой; Бѣлградъ, столица нынѣшняго Сербскаго Княжества⁷⁸); Звечанъ (*Σφρευτζάνιον*), развалины котораго и до сихъ поръ существуютъ близъ нынѣшняго городка Митровицы на рѣкѣ Ибрѣ⁷⁹); Липлянъ (*Λιπαίνιον*), по свидѣтельству Анны Комнины, лежавшій къ югу отъ Звечана, на разстояніи 12-ти Греческихъ стадій, нынѣ мѣстечко Липлянъ на Ситницѣ, не далеко отъ Вучитрна⁸⁰). Этихъ-то Мораванъ, по всему вѣроятію, а не жителей Верхней или Чешской Моравы, какъ полагаетъ Г. Гаркави, слѣдуетъ разумѣть подъ, упоминаемымъ у Аль-Масуда (X-го вѣка), Славянскимъ племенемъ Морава. Въ этомъ не оставляетъ никакого сомнѣнія то, что Аль-Масудъ ставитъ это племя между Сербами и Хорватами. Указавъ на „племя,

⁷⁵) Поль 819 г. Эйнгардъ пишетъ: (*Liudowitus*) „*Timocianorum populum, qui dimissa Bulgarorum societate. ad imperatorem venire ac ditioni ejus se permittere gestiebat, ne hoc efficeret, intercept.*“ См. у Шафарика, „Слав. Древн.“ II, кн. 1, стр. 344.

⁷⁶) Форбигеръ, „*Handbuch der alten Geographie.*“ III, 1090.

⁷⁷) „*Est populus, quem vocant Marchanos, ipsi habent civitates XXX.*“ См. XIX прилож. къ „Слав. Древн.“ Шафарика.

⁷⁸) Что Бѣлградъ первоначально не принадлежалъ Сербамъ, на это имѣется множество историческихъ, весьма убѣдительныхъ, свидѣтельствъ. См. у Голубинскаго, „Исторія Православи. Церквей,“ и пр., стр. 214, 215.

⁷⁹) См. въ „Запискахъ Географическ. Общества.“ XIII, стр. 295.

⁸⁰) Голубинскаго, „Краткій очеркъ исторіи Православныхъ Церквей,“ стр. 71; Шафарика, „Слав. Древности,“ II, кн. 1, 428, прим. 3.

называемое Сарбинъ," онъ прибавляетъ: „за тѣмъ идетъ племя, именуемое Морава, за тѣмъ племя, называемое Хорваты“⁸¹⁾. Далѣе онъ повторяетъ, что Морава живетъ на берегахъ рѣки Балавы, гдѣ „обитали Болгаре, когда они приняли Христіанскую Вѣру.“ А подѣ Балавой, которая, по замѣчанію Аль-Масуда, течетъ въ Понтъ (Черное море) и имѣетъ три мили въ ширину, безъ всякаго сомнѣнія, разумѣется Дунай. Въ IX-мъ вѣкѣ эта Нижняя Морава имѣла уже своего особеннаго Архіепископа, или Митрополита, который участвовалъ на Соборѣ, составленномъ Фотіемъ въ 879 (Ἀρχιεπίσκοπος Μοραβίων). Шафарикъ помѣщалъ въ этой Моравіи и упоминаемыя у Эйнгарда два Славянскія племена, послышшія, вмѣстѣ съ Тимоचनाми, пословъ къ Людовику Благочестивому, въ 818 г., а именно: Оботридовъ или Преденецентовъ (Abotridi, qui vulgo Praedenecenti vocantur) и Гудускановъ (Guduskanos). Подѣ первыми онъ разумѣлъ Браничевцевъ и отводилъ имъ въ жилище Браничевскій край, лежавшій по теченію рѣки Млавы, у устья которой находился городъ Браничево, подѣ Гудусканами же—Кучанъ, которыхъ помѣщалъ на востокъ отъ первыхъ, въ области Кучево. Такъ назывался небольшой край около погорья Кучая. Не говоря уже о слишкомъ явной этимологической натяжкѣ, съ которою Преденеценты производятся въ Браничевцевъ, а Гудусканы въ Кучанъ, это мнѣніе опровергается прямыми историческими свидѣтельствами. Тотъ же Эйнгардъ замѣчаетъ, что Преденеценты обитали „въ прилегавшей къ Дунаю Дакіи“⁸²⁾. А что подѣ Дакіею онъ разумѣетъ сѣверную Дакію, это, между прочимъ, доказывается изъ другого мѣста его лѣтописи, гдѣ Преденеценты названы непосредственными сосѣдями Сѣверныхъ Мораванъ⁸³⁾. Что касается Гудусканъ, то замѣчаніе Эйнгарда, что вождемъ ихъ былъ Борна, Великій Жупанъ Далматской Хорватіи, предупреждаетъ всякую попытку къ сближенію ихъ названія съ названіемъ „Кучай Планины," и на этомъ основаніи отыскивать ихъ жилища въ странѣ, лежащей къ востоку отъ рѣки

⁸¹⁾ Гаркави, „Сказанія Мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ," стр. 136.

⁸²⁾ „Et contermini Bulgaris Daciam Danubio adjacentem incolunt.“ Einhard. an. 824.

⁸³⁾ „Orientalium Sclavorum, id est, Abotridorum, Soraborum, Wiltzorum, Boheimorum, Marvanorum, Praedenecentorum et in Pannonia residentium Avarum legationes.“ An. 822. Сравн. Бюдингера, „Oester. Geschichte," 178.

Млавы, на которую власть Борны никогда не простиралась, да и не могла простираться. Всего вѣроятнѣе, что подъ Гуду-сканами Эйнгарда разумѣются жители Гуцики (Γουτζηκιά), Хорватской жупы въ Далматіи, нынѣшнее Гацко поле, съ рѣками Гацкой и Гаштицей, соединяющимися близъ города Оточца.

Сербы. На западъ отъ Мораванъ помѣстились Сербы⁸⁴), отличавшіеся особенно воинственнымъ духомъ. „Это Славянское племя, говоритъ Аль-Масудъ, грозно своимъ противникамъ по причинамъ, упоминаніе коихъ было бы пространно, и по отсутствію у нихъ закона, которому они бы повиновились“⁸⁵). На западъ, по свидѣтельству Багрянороднаго, Сербія простиралась до Динарскихъ планинъ, за которыми лежали Неретва, Захлумье и Дукля, и до р. Дрины, отдѣлявшей ее отъ Босны. На сѣверъ она плотно примыкала къ Савѣ. Что касается южныхъ границъ ея, то о нихъ мы не имѣемъ такихъ же обстоятельныхъ извѣстій. Но, принимая въ соображеніе слова Багрянороднаго и Анны Комнины, называющихъ Расу, нынѣшній Нови-Пазаръ, и Звечанъ, пограничными городами Сербіи⁸⁶, можно, съ нѣкоторою достовѣрностію, утверждать, что граница эта шла по западному берегу р. Ибра до города Митровицы, далѣе по Мокрой горѣ и по р. Лиму, до впаденія его въ Дрину⁸⁷). Таковы были, приблизительно, границы Сербской области, въ которой водворилась первоначально храбрая дружина Сербовъ, которой суждено было подчинить себѣ постепенно всѣ сосѣднія Славянскія племена, соединить ихъ подъ своей властью въ одно политическое тѣло, въ одинъ народъ, получившій отъ нея свое имя. Въ выше означенныхъ предѣлахъ первоначальной Сербской области нужно искать упоминаемые Багрянороднымъ Сербскіе города⁸⁸): Дестиниконъ (Δεστινίκων), Чернабуча (Τζερναβουτχεύ) Мегюречь (Ме-

⁸⁴) Мнѣніе Г. Рачкаго („Odlomci iz državnoga prava Hrvatsk.“ 19), что Сербы еще изначала простирались на востокъ до р. Млавы, весьма ошибочно. Извѣстно, что вся область этой рѣчки составляла часть земли Мораванъ, простиравшихся далеко на западъ черезъ область рѣчки Моравы. Въ опредѣленіи первоначальной восточной границы Сербскаго племени болѣе другихъ изслѣдователей приблизился къ истинѣ Гильфердингъ, но мнѣнію котораго граница эта шла по р. Ибру и Колубарѣ. См. „Собраніе сочиненій“, I, стр. 18.

⁸⁵) Гаркави, „Сказанія Мусульман.“ 136.

⁸⁶) Stritt. II, 155, 170.

⁸⁷) Сравни. Шафарика, Слав. Древн.“ II, кн. 1, 426, и Майкова, „Исторія Сербскаго языка“, 202.

⁸⁸) „De administr. imper.“, с. 32.

γυρέτους), Дреснеиъ (Δρεσνεήκ), Лешникъ (Λεσνήκ) и Солина (Σαληές)⁸⁹⁾. Послѣдній, впрочемъ, по весьма основательному изслѣдованію Шафарика, всего вѣроятнѣе, есть нынѣшній Солина (по Турецки Тузла), лежащій на западъ отъ Дрины, въ восточномъ краю Босніи, который, должно быть, во времена Багрянороднаго принадлежалъ уже Сербамъ.

Къ западу отъ Сербовъ помѣщались нѣсколько Славянскихъ колѣнъ, съ теченіемъ времени вошедшихъ въ составъ Сербскаго племени, но первоначально не принадлежавшихъ къ нему, какъ обыкновенно думали и продолжаютъ думать многіе изслѣдователи, утверждающіе, что эти колѣна издревле были вѣтвями Сербскаго племени. Колѣна эти были:

Босняки. Они занимали область Босну (Χωρίον Βόσωνα), лежащую по теченію рѣки того же имени, и простирались къ западу до горъ, служащихъ водораздѣломъ между этой рѣкой и Врѣбасомъ. Багрянородный называетъ въ Босніи два города⁹⁰⁾: Катера и Десникъ: Катера (Κάτερα), нынѣ Которско, а прежде Которица, на рѣкѣ Боснѣ; Десникъ же (Δεσνήκ), по мнѣнію Шафарика, нынѣ Дешанъ или Тешанъ.

Захлумыне (Заχλοῦμαι), къ юго-западу отъ Босны, до окрестности Дубровника. На сѣверо-западъ жилища ихъ простирались до р. Неретвы. Въ области Захлумянъ (которую Константинъ называетъ ἡ ἀρχοντία τῶν Заχλοῦμων)⁹¹⁾ находились города: Стангонъ (Σταγνόν) нын. Стонъ; Мокрискиъ (Μοκρισκή); Осли (Ὀσλή), нынѣ Осле, слобода, на востокъ отъ Стана, въ Герцеговинѣ; Галумайникъ (Γαλουμαήκη); Добрискиъ (Δοβρισκή), нынѣ Добаръ, близъ ключа Вукостака, на юго-востокъ отъ Любня. Кромѣ этихъ городовъ, по словамъ Константана, тутъ находились еще два: Бона и Хлумъ (τὸ Βόνα καὶ τὸ Χλοῦμ), стоявшіе на горѣ (Χλοῦμον, Сер. Хумъ, Холмъ), отъ которой вся эта страна называлась Захлуміемъ. Но какую изъ тамошнихъ горъ разумѣетъ Константинъ, намъ не извѣстно; равнымъ образомъ не извѣстно, гдѣ слѣдуетъ искать г. г. Бона и Хлумъ. По словамъ безымяннаго Дуклянца, Захлумье, которое онъ называетъ Подгорьемъ, дѣлилось, около конца X-го вѣка, на 10 жупъ.

⁸⁹⁾ О положеніи этихъ городовъ см. у Шафарика, тамъ же, стр. 429—431.

⁹⁰⁾ „De administr. imper.“ с. 32.

⁹¹⁾ Тамъ же, с. 33.

Травуняне и Конавляне (Τραβουνιάται, Καναλίται) сидѣли на югѣ отъ Захлумынѣ, простираясь отъ Дубровника до Котора (Λεκάτεραν), въ Поморьѣ; на востокѣ область ихъ касалась собственной Сербіи, на югѣ—Дукли. Въ этой области находились города: Тервунія (Τερβουνία) нынѣшн. Требине; Рисена (Ρίσηνα), Рисань, въ Которскомъ заливѣ, Ὀρμος, Λουκάβε, Ζετλήβη (Зета?).⁹²⁾

Дукляне (Διοκλητιανοί) занимали область Діоклеи (ἡ Διοκλήας Χώρα), простиравшейся по побережью, на югѣ отъ Котора, черезъ Барь (Ἀντίβαριν), Олеунъ или Улцинъ (Ἐλκύνιον, Итал. Dulcigno), Лѣшъ (Ἐλισσόν), къ Драчу (Δυρράχιον, Итал. Durazzo). Нагорная же страна этой области, по Константину, упиралась въ Сербію. Въ Діоклеи, Дуклѣ, были города: Дукля (τὸ Δόκλα), при впаденіи Зеты въ Морачу, нын. Подгорица; Градете (Γραδέται), нын. Градатель, выше Скадра; Новградъ (Νουγράδε); Лонто (Λόντο), нын. Линда, на сѣверо-востокѣ отъ Скадра⁹³⁾.

Неречане или Погане (Ἀρεντανοί, Παγανοί), между Неретвой и Цетиной (Ζεντίνα)⁹⁴⁾. Въ странѣ ихъ находились три жуны: Расточа (Ραστώτζα), Мокрь (Μοκρὸν) и Даленъ (Δαλὲν), изъ коихъ первыя двѣ находились на морѣ, послѣдняя же отстояла далеко отъ моря. Расточа лежала въ окрестностяхъ озера Растока, къ югу отъ Вергорца. Отъ этого озера она и получила свое названіе. Жупа Мокрь паходилась на сѣверъ отъ Расточи, въ окрестностяхъ города Макарска, нѣкогда Мокро. Наконецъ жупа Даленъ есть знаменитая равнина Дѣлмень, Дѣлмно, по нынѣшнему произношенію Думно, Дувно, древняя область Dalminium съ городомъ того же имени; отъ нея получили названіе свое Даматія и народъ Далматы. Неречанамъ принадлежали и острова: Корчула, Млить, Брачь и Хварь или Лесина⁹⁵⁾.

Хорваты. На сѣверъ отъ Неречанъ простирались жилища Далматинскихъ Хорватовъ, границы которыхъ Шафарикъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „На востокѣ рѣка Върбасъ и Погорье, идущее отъ вершинъ ея по самое Имотское озеро къ устью Цетины; на западъ Далматскіе города

⁹²⁾ Тамъ же, с. 34.

⁹³⁾ Тамъ же, с. 35.

⁹⁴⁾ Тамъ же, с. 30.

⁹⁵⁾ См. у Шафарика, „Слав. Древн.“ II, кн. 1, стр. 338—440.

Сплить, Трогирь, Задарь и Адриатическое море; на сѣверѣ черта, проведенная отъ Сеня (Сень) черезъ Слуинь, ко впадению Упы въ Саву, а далѣе рѣка Сава⁹⁶). Надъ этой послѣдней чертой простирались жилища Паннонскихъ Хорватовъ, поселившихся между Савой, Дравой и въ окрестностяхъ Кулпы (нынѣ Кушы).

Какъ было замѣчено уже, Босняковъ, Захлумянъ, Травунянъ съ Конавлянами, Дуклянъ и Неречанъ, обикновенно считаютъ вѣтвями Сербскаго племени, издревле принадлежавшими къ нему. Мнѣніе это основывается, главнымъ образомъ, на сказаніи Константина Багрянороднаго, что съ дозволенія Императора Ираклія, Сербы поселились въ Сербіи, Поганіи (Неретвѣ), Тервуніи и Конавлѣ⁹⁷). Въ поясненіе этого показанія, или скорѣе какъ выводъ изъ него, Константинъ, въ другомъ мѣстѣ, утверждаетъ, что Захлумяне, Травуняне и Неречане, суть тѣ же Сербы, происшедшіе отъ Сербовъ⁹⁸). Мы уже имѣли случай указать на несостоятельность нѣкоторыхъ подробностей этого сказанія, а именно: на историческую невѣрность обладанія этихъ странъ Аварами, на мнимый договоръ Сербовъ съ Иракліемъ и пр. Прибавимъ къ этому, что въ этомъ же самомъ сочиненіи Багрянородный, какъ бы опровергая самаго себя, ризматриваетъ помянутыя колѣна, какъ совершенно самостоятельныя, отдѣльныя отъ Сербовъ. Въ 30-й главѣ, послѣ повѣствованія о расселеніи Хорватовъ въ принадлежащей имъ странѣ, онъ переходитъ къ исчисленію другихъ Славянскихъ племенъ, обитавшихъ на югъ отъ Хорватовъ. Онъ называетъ тутъ: Дуклянъ, Травунянъ, Захлумянъ, Поганъ или Неречанъ, съ обозначеніемъ границъ каждаго изъ нихъ. О Сербіи, которою заканчиваетъ этотъ краткій перечень, онъ замѣчаетъ только, что она лежитъ на челѣ прочихъ четырехъ областей, примыкая на сѣверъ къ Хорватіи, а на югъ къ Болгаріи.

Вообще, вникая въ смыслъ сказанія Константина объ этихъ Славянскихъ областяхъ, нельзя не замѣтить, что онъ знакомитъ насъ съ ихъ положеніемъ и взаимными ихъ отношеніями на столько, на сколько то и другое было ему извѣстно изъ современной ему дѣйствительности. Что же касается отношеній ихъ въ древнѣйшія времена, то извѣстія

⁹⁶) Тамъ же, кн. 2, стр. 31.

⁹⁷) „De administr. imper.“ с. 32.

⁹⁸) Ibid. с. с. 33, 34, 35, 36.

его объ этомъ предметѣ не имѣютъ въ основѣ своей какихъ ни будь положительныхъ данныхъ и явственно обличаютъ въ себѣ домысль и соображенія, опирающіяся на весьма шаткія основанія и двигающіяся по тѣмъ же своеобразнымъ логическимъ приемамъ, образчики которыхъ мы уже имѣли случай представить читателю. Вотъ по чему мы не можемъ не отдать полной справедливости слѣдующимъ словамъ Рачкаго, въ которыхъ, по нашему разумѣнію, весьма удачно схвачана причина, породившая, несообразное съ истиною, сказаніе Константина, что край между Цетиной и Бояной былъ заселенъ Сербами. „Узнавши, замѣчаетъ Рачкій, что южная часть Далматіи, нѣкогда, или въ его время, находилась подъ верховною властію Сербскихъ Великихъ Жупановъ, онъ (Константинъ) заключилъ изъ этого, что населеніе этого края было Сербскаго происхожденія“⁹⁹). Но, поправляя ошибку изслѣдователей, безъ всякой критики принимавшихъ свидѣтельство Константина, что занимающія насъ области были первоначально заселены Сербами, Рачкій впадаетъ въ другую ошибку, усиливаясь доказать, что Славянское населеніе сихъ областей есть „кость отъ костей Хорватскаго народа“¹⁰⁰). Мы не находимъ между доказательствами его ни одного, хоть сколько ни будь подтверждающаго такое положеніе, которое, такимъ образомъ, остается чистою натяжкой. Намъ кажется болѣе близкимъ къ истинѣ предположеніе, что Неречане, Захлумяне, Тервуняне, Дукляне, равно какъ и Босняки, не были ни Сербами, ни Хорватами; что они обитали уже въ Далматіи задолго до прихода туда этихъ двухъ Славянскихъ дружинъ, которыя, подчинивъ ихъ своей власти, дали имъ свои племенные названія. Кромѣ указанныхъ нами, въ концѣ предыдущей главы историческихъ свидѣтельствъ и данныхъ изъ области Сербо-Хорватскаго языка, въ пользу этого предположенія говоритъ и то обстоятельство, что многіе средне-вѣковые письменные памятники не смѣшиваютъ жителей занимающихъ насъ областей ни съ Сербами, ни съ Хорватами, называя ихъ, въ отличіе отъ нихъ, „Славянами, Далматинцами“, или же ихъ частными племенными названіями¹⁰¹).

⁹⁹) „Odlomci iz državnoga prava Hrvatskoga.“ U Beču. 1861, str. 13.

¹⁰⁰) Тамъ же, 14—19.

¹⁰¹) Сплѣтская грамота X-го вѣка, у Кукулевича, „Monumenta“. I, 8—11. Сравните Богишича, „Pisani zakoni na Slavensk. jugu“. Zagreb, 1872, str. 127, 128. Іоаннъ Венеціанскій, у Пертца, „Monum. Germaniae, Scriptor.“ IX, 23. Папа Іоаннъ X, въ посланіи къ Томиславу Королю Хорватовъ и Михаилу, Князю Захлумянъ, у Фарлати III, 95, и пр.

Возвращаясь къ географическому обзору Славянскихъ поселеній въ прочихъ частяхъ полуострова, мы, къ сожалѣнiю, должны пройти молчанiемъ довольно обширный край, включавшій въ себѣ всю древнюю Пеонiю, горную Македонiю и южную половину Дарданiи. Не подлежитъ сомнѣнiю, что въ разсматриваемую нами пору эта страна принадлежала Славянамъ; это подтверждаютъ многочисленныя мѣстныя названiя, яственно Славянскаго происхожденiя, встрѣчающiяся намъ въ этой странѣ еще съ VI в. по Р. Х. Тамъ обитали семейства, давшiя Имперiи, въ VI вѣкѣ двухъ Императоровъ: Юстина и Юстинiана. Въ IX в., когда свѣточъ исторiи снова озарилъ эту страну, мы находимъ въ ней исключительно Славянское населенiе. Тутъ находилась область Брѣгальница, съ которой Святой Кирилль, по свидѣтельству одного изъ его Житiй, началъ свою Евангельскую проповѣдь между Славянами¹⁰²⁾; тамъ же находилась и Кутмицивица, ознаменованная просвѣтительною дѣятельностiю Святаго Климента¹⁰³⁾. Въ X в. уже существовали тамъ знаменитыя Славянскiя Епископства: Моравиздское съ городами: Моравиздомъ, Козякомъ, Славищемъ, Злетовой, Луковицей, Пiяницей, Молешовой; и Вельбуждское съ Вельбуждемъ, Сутѣскомъ, Теремиромъ, Разлогой и пр.¹⁰⁴⁾ Надъ всѣми этими чисто Славянскими областями, въ разсматриваемую пору, висѣлъ непроницаемый историческiй мракъ, весьма понятный при истребленiи въ нихъ древней Греко-Римской гражданственности и при отдаленности ихъ отъ прибрежiй, на которыхъ еще свѣтился кой-гдѣ лучъ этой гражданственности. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣнiй о тамошнихъ Славянахъ, не знаемъ даже ихъ племенныхъ, или мѣстныхъ, названiй. За то о братьяхъ ихъ, размѣстившихся въ Македонiи, особенно въ южной, въ Тессалiи и отчасти въ Эпирѣ, мы имѣемъ весьма обстоятельныя извѣстiя, благодаря близости и отношенiямъ ихъ къ, сохранившимся въ этихъ краяхъ, остаткамъ Византiйской власти.

¹⁰²⁾ „Празднованiе тысячелѣтней памяти Святаго Кирилла“. Прага, 1869 стр. 32.

¹⁰³⁾ Шафарика, „Развѣтъ Славянской письменности“, въ „Чтенiяхъ въ Императ. Обществѣ Исторiи и Древн. Росс.“, 1848, кн. III, Отд. 3, стр. 45, 46; Гильфедринга, „Собранiе сочиненiй“, I. стр. 83.

¹⁰⁴⁾ Грамота Василя II отъ 1019 г., у Голубинскаго, „Краткiй очеркъ Исторiи Правосл. Церквей“, 259. Изъ этой грамоты видно, что городъ Моравиздъ лежалъ гдѣ-то въ области р. Брѣгальницы, а не въ странѣ Мораванъ, какъ думалъ Шафарикъ, отождествляя этотъ древнiй городъ съ нынѣшнимъ Гель-Ханомъ, находящимся близъ истоковъ Бищъ-Моравы.

Въ Житіи Святаго Димитрія Солунскаго мы находимъ драгоценныя извѣстія объ этихъ Славянскихъ поселенцахъ, распавшихся около половины VII в. на нѣсколько племенъ, изъ которыхъ Житіе называетъ: Драговичей, Сагудатовъ, Белегезитовъ, Веунитовъ, Берзитовъ, Ринхиновъ, Стримонцевъ, прибавляя, что кромѣ этихъ, тамъ обитали еще и другія Славянскія племена¹⁰⁵). Последнее замѣчаніе подтверждается другими источниками, изъ которыхъ мы узнаемъ названіе еще одного Славянскаго племени, а именно: Смолянъ. Житіе повѣствуетъ о неоднократной осадѣ Солуня со стороны этихъ Славянъ, подробно описываетъ ихъ осадныя работы и орудія, изъ чего видно, что еще въ VII вѣкѣ эти сосѣди и враги Солуня обладали всеми тайными осаднаго искусства. Оно говоритъ о существованіи у нихъ многочисленныхъ судовъ, на которыхъ они пускались въ даль, въ открытое море; о занятіи ихъ землепашествомъ, произведеніями котораго они вели торговлю съ Солунемъ; о мирныхъ договорахъ между послѣднимъ и Князьями Славянскими, равно какъ и о приѣздѣ послѣднихъ, по дѣламъ ли политическимъ, или частнымъ, въ Солунь, и пребываніи ихъ въ немъ. Все это не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что около половины VII вѣка здѣшніе Славяне отличались прочною осѣдlostію, что, въ свою очередь ведетъ къ заключенію, что еще задолго до этого времени совершилось ихъ расселеніе въ этомъ краю. Утвержденіе, что племена эти потѣснились въ сѣи края изъ Мизіи слѣдствіе вторженія туда Аспаруховой дружины въ 678 г., которой они не хотѣли покориться¹⁰⁶), не имѣетъ подъ собою прочныхъ основъ и окончательно опровергается указанными извѣстіями объ этихъ Славянахъ. Обозримъ жилища cadaго изъ упомянутыхъ племенъ, на сколько это позволяютъ намъ имѣющіяся о нихъ историческія свидѣтельства.

Бързаци или Бърсяцы. Житіе Святаго Димитрія повѣствуетъ, что Славянское племя Берзиты (*Βερζήται*) принимало участіе въ осадѣ Солуня, предпринятой Македонскими Славянами въ 676 г. По разсказу Теофана, въ 774 г. Болгарскій Государь Церигъ, собирался послать въ Берзитію (*Βερ-*

¹⁰⁵) Фларета, Архіепископа Черниговскаго, „Святой Великомученикъ Димитрій и Солунскіе Славяне“, въ „Чтеніяхъ въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древн. Россійскихъ“, 1848, кн. VI, стр. 19, 31, 32.

¹⁰⁶) Гильфердинга, „Собраніе сочиненій“, I, 24.

ζητία) двѣнадцать тысячъ войска, съ боярами, чтобы захватить тамъ народъ и переселить его въ Болгарію¹⁰⁷). Шафарикъ ошибочно примѣняетъ къ этимъ Берзитами свидѣтельство Теофана объ обращеніи Аѳинянь къ Акамиру, Князю Белзитовъ (τῆς Βελζιτίας ἄρχων), съ просьбой возвратить престолъ Принцамъ Исаврскаго Дома, отнятый у нихъ Ириною, сославшею ихъ въ Аѳины¹⁰⁸). Подъ Белзитами Теофана разумѣется особенное Славянское племя, обитавшее, какъ увидимъ, въ Тессалии и отдѣленное большимъ пространствомъ отъ Берзитовъ. Мы не имѣемъ никакихъ историческихъ указаній о мѣстопробываніи послѣднихъ; изъ выше приведенныхъ свидѣтельствъ о нихъ слѣдуетъ только то, что они обитали въ Македоніи. Между колѣнами или родами, на которые распадается нынѣ Болгарское населеніе верхней Македоніи, мы находимъ колѣно, именуемое Бързацы, занимающіе, по словамъ Верковича, округи: Прилѣпа, Велеса, Битоли и Тыквеша¹⁰⁹). И по всему вѣроятію, подъ Берзитами выше помянутыхъ Греческихъ свидѣтельствъ слѣдуетъ разумѣть этихъ Бързаковъ.

Струменци. Къ Востоку отъ Бързаковъ или Берзитовъ, по р. Струмицѣ, впадающей въ Струму, равно какъ въ одной части области послѣдней, обитали Стримонци¹¹⁰). По свидѣтельству Солунскаго сказанія, они, въ союзѣ съ Ринхинами и Сагудатами, въ теченіе двухъ лѣтъ (685—687) опустошили окрестности Солуня, который во все это время держали въ осадѣ. Въ 689 г. Стримонцы, вмѣстѣ съ Сагудатами, грабили на водахъ Геллеспонта корабли, плывшіе въ Константинополь съ хлѣбомъ, проникали въ Мраморное море, доходили и до самаго Константинопольскаго порта¹¹¹). Багрянородный рассказываетъ, будто Императоръ Юстиніанъ Ринотметъ водворилъ въ Струмицкой области Славянь, размѣстивъ ихъ по горамъ и горнымъ ущелиямъ ея¹¹²). Мы не на-

¹⁰⁷) Strit, II, 591.

¹⁰⁸) Слав. Древ.“ II, кн. 2, 319, 365.

¹⁰⁹) „Описаніе быта Македонскихъ Болгарь,“ въ „Извѣстіяхъ Московск. Университета“, 1868, № 3. Профессоръ Григоровичъ называетъ ихъ Борсяки, Бърсяци, замѣчая, что они обитаютъ между Охридой и Витодемъ. „Путеш. по Европ. Турціи“. стр. 195.

¹¹⁰) Шафарикъ, „Výklad pomístn. jmen Bulharskich.“ въ „Sobr. Spis“. III, 76. Помянутая грамота Василія II отъ 1019 упоминаетъ объ Епископствѣ Струмицкомъ, въ которомъ, кромѣ города Струмицы, находились еще два города: Радювичъ (Ράδοβιστον), и по нынѣ существующій, я Конча (Κονέτζην). См. у Голубинскаго, „Краткій очеркъ исторіи Правосл. Церквей“, стр. 62, 259.

¹¹¹) У Филарета, Архіепископа Черниговскаго, стр. 35.

¹¹²) Stritt. II. p.

ходимъ подтвержденія этому извѣстію у древнѣйшихъ лѣтописцевъ. Теофанъ говоритъ о походѣ этого Императора, въ 687 г. противъ Славянъ, обитавшихъ въ окрестностяхъ Солуни, и о плѣненіи имъ многихъ изъ нихъ, но о проникновеніи его въ глубь Македоніи, гдѣ находилась область Стримонцевъ, и о какихъ бы то ни было распоряженіяхъ его въ ней, онъ не упоминаетъ ничего. Солунское Сказаніе, которое также упоминаетъ объ этомъ походѣ Юстиніана Ринотмета, замѣчаетъ только, что при приближеніи Императорскаго войска, Стримонци заняли всѣ ущелія, ведшія въ ихъ землю, и пригласили на помощь разныхъ Славянскихъ Князей¹¹³). Если бы Императоръ одолѣлъ ихъ и проникъ въ ихъ землю, то названное Солунское Сказаніе не преминуло бы упомянуть и объ этомъ. Наконецъ непонятно, по чему Византійскій Императоръ сталъ бы размѣщать по столь важнымъ въ стратегическомъ отношеніи, горамъ и горнымъ проходамъ заклѣтыхъ враговъ Имперіи. Прибавимъ ко всему этому и то, что еще задолго до упомянутаго похода Струмницкая область была обитаема уже Славянами, Струминцами, и мы поймемъ всю несостоятельность выше упомянутаго сказанія Багрянороднаго. Всего вѣрнѣе, что и въ этомъ сказаніи мы имѣемъ неудачный домысль, на которые такъ щедръ вѣнценосный лѣтописецъ.

Смоляне. Никита Хоніать упоминаетъ, подь 1199 г., объ области Смолянъ (*τὸ θῆμα τῶν Σμολένων*), замѣчая, что она весьма недоступна и имѣетъ много городовъ и крѣпостей¹¹⁴). Подь 1200 г. онъ вторично называетъ Смолянъ, повѣствуя о возмущеніи Правителя ихъ, Спиридонака¹¹⁵). Въ спискѣ Епископскихъ каедръ, составленномъ Лекъеномъ, на основаніи доствѣрнѣйшихъ источниковъ, мы находимъ и Епископство Смолянское, которое зависѣло отъ Митрополита Филиппъ Македонскихъ¹¹⁶). По всему вѣроятію, область Смолянъ лежела по нижнему теченію рѣки Мести (Нестось), включая въ себя и нынѣшнюю Драмскую Епархію, которая, за исключеніемъ 10 Греческихъ селеній, и теперъ еще заселена Славянами¹¹⁷). Въ этой-то Смолянской области жилъ, около конца XI вѣка, пу-

¹¹³) Πᾶσαν τὴν βαρβάρων διαφόρων ῥηγῶν βοήθειαν, Vita S. Demetrii, с. 190.

¹¹⁴) Strit. III, 702.

¹¹⁵) Ibid. 705.

¹¹⁶) „Oriens Chist.“ vol. p. 1.

¹¹⁷) „Читалище“, 1871, № 6, стр. 269.

стынникъ Филиппъ, составитель Діонтри, а не въ Русскомъ Смоленскѣ, какъ ошибочно думалъ Калайдовичъ¹¹⁸).

Ринхины (Ῥινχίνοι). На юго-западъ отъ Смолянъ, по берегу Орфанскаго залива, обитали Ринхины, часто упоминаемые въ Житіи Святаго Димитрія и славившіеся своимъ мореплаваніемъ, еще около половины VII вѣка. Существуютъ разныя мнѣнія о значеніи ихъ имени. Тафель указываетъ, на городъ Рентину, лежавшій на берегу соименнаго ему залива, у Святой Горы, и составлявшій средоточіе особенной Епархіи¹¹⁹; Гильфердингъ полагаетъ, что имя ихъ звучало по Славянски Раждане, отъ Древне-Болгарск. радъ¹²⁰); Шафарикъ указываетъ на Русское слово ручей, которое въ Древне-Болгарскомъ выговаривается ржчій, откуда будто произошло Ржчены или Речаны, какъ, по мнѣнію Шафарика, звучало Славянское названіе Ринхиновъ¹²¹). Въ области Ринхиновъ протекаетъ рѣка, идущая изъ озера Болбе въ Стримонскій заливъ, именовавшаяся Рихіемъ (Ῥήχιος). Это та самая рѣка, у устья которой, какъ было замѣчено уже¹²²), Юстиніанъ воздвигъ укрѣпленія для защиты плодоносной равнины, орошаемой этой рѣкою. Всего вѣроятнѣе, что отъ этой-то рѣки Ринхины получили свое названіе, подобно тому, какъ Стримонци отъ Струмици (Στρυμών), Тимочане отъ Тимока (Timachus), Неречане отъ Неретвы и пр. Въ настоящее время весьма незначительная часть области Ринхиновъ занята Славянами, въ большей же части ея живутъ Греки, но географическія названія ея не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что нѣкогда преобладало тутъ Славянское населеніе. Главный городъ восточной области полуострова Халкидики носитъ названіе Низворо (отъ слова изворъ=ключъ, а не отъ извара=Schlacke, какъ полагалъ Фальмерайеръ). Въ этой области находятся: Холмонъ (Холмъ), Равана, и Раваникія (Равна, Равнище), Ларегово и пр. Изъ грамоты Импе-

¹¹⁸) Исправляя эту ошибку Калайдовича, Горскій и Новоструевъ („Описание рукописей Синодала. Библіотеки“) впадаютъ въ новую ошибку, утверждая, что Славянскій переводъ Діонтры сдѣланъ въ Россіи. Противъ такого заключенія явственно говоритъ изобиліе Болгаризмовъ въ Русскихъ спискахъ Діонтры. Года два тому назадъ намъ удалось видѣть въ Болгаріи, у Русскаго Вицеконсула въ Филиппополѣ, Г. Герова, Болгарскій списокъ этой книги. Сличеніе его съ Русскими списками насъ убѣдило, что Діонтра принесена въ Россію изъ Болгаріи.

¹¹⁹) „Thessallonica“ 68.

¹²⁰) „Собрание сочиненій“, I, 25.

¹²¹) Výslad pomístn. jmen Bulh.“ 77.

¹²²) См. выше, въ гл. III.

ратора Романа II, отъ 960 г., мы узнаемъ, что въ городѣ Геросѣ, лежащемъ на самомъ перешейкѣ Аѳонскаго полуострова, жили Славяне Болгаре¹²³). Изъ этого города былъ и извѣстный Попъ Георгій, Глаголическая подпись котораго на памятникѣ отъ 982 г., до сихъ поръ остается древнѣйшимъ памятникомъ Глаголицы¹²⁴). Мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія, что еще въ XVI столѣтїи на полуостровѣ Халкидикѣ былъ въ употребленїи Славянскій языкъ¹²⁵). Халкидскій Грекъ, Аѳанасій Стагирскій, допуская существованіе въ Халкидикѣ Славянскихъ поселеній, замѣчаетъ, что Славяне эти огречились главнымъ образомъ по настоянію Греческой Церкви¹²⁶).

Сагудаты. Они встрѣчаются намъ въ окрестностяхъ Солуня еще въ 676 г., когда, вмѣстѣ съ прочими Славянами, осаждали этотъ городъ. Каменїята, писавшій въ 905 г., говорить слѣдующее о жилищахъ Сагудатовъ: „На западъ (отъ Солуня) идетъ равнина, пока достигаетъ другихъ холмовъ, гдѣ лежитъ городъ, называемый Верреею . . . По срѣдинѣ этой равнины разбросаны селенія, изъ которыхъ нѣкоторыя, гранича съ городомъ, остаются на договорѣ съ нимъ и носятъ на себѣ имена какихъ-то Драговичей и Сагудатовъ“¹²⁷). Изъ этого описанія видно, что жилища Сагудатовъ были разсѣяны по Солунскому полю и доходили почти до стѣнъ Солуня. Въ 904 г. они, вмѣстѣ съ прочими Славянами, помогали Солунянамъ защищать свой городъ противъ Сарацынъ¹²⁸). Весьма правдоподобенъ домысль Шафарика, что, упоминаемая Константиномъ Багрянороднымъ, Славянская область Субделитїа есть одно и то же съ Сугудатїей. Но мы не находимъ возможнымъ признать такимъ же другой домысль его, по которому Семиградскіе Секлы (Saculi, Seculi Угорскихъ лѣтописцевъ) суть омадьярившіеся потомки Славянскихъ Сагудатовъ, или вѣтвь ихъ. Г. Хвольсонъ дѣлаетъ предположеніе, впрочемъ, на весьма шаткихъ основанїяхъ, что Секлы тождественны съ Эсегелями, которые, по свидѣтельству Ибнъ-

¹²³) „Slawische Bibliothek“, I, 148.

¹²⁴) Тамъ же, 149; Шафарика „Památky Hlaholského písemnictví. V Praze, 1853“, str. VII; Журн. Чар. Просв. 1847, VII стр. 41, 56.

¹²⁵) См. Фальмерайера, „Fragmente aus dem Oriente“, II, 159—172.

¹²⁶) Ἀναγκασόμενοι μάλιστα ὑπὸ τῆς Ἐκκλησίας καὶ τῶν ἐκεῖ ἐθίμων. Ἱππειοτικά. Ἐν Βένῃ, 1819.

¹²⁷) Stritt. II, 94, 95.

¹²⁸) Каменїята у Стрит. II, 94—98.

Дасты, составляли одинъ изъ отдѣловъ, на которые дѣлились Болгаре¹²⁹⁾.

Драговичи или Другувичи. По свидѣтельству Солунскаго Сказанія, въ 778 г. Драговичи должны были доставлять содержаніе на все Славянское войско, осаждавшее тогда Солунь. Въ этомъ Сказаніи они названы сосѣднимъ Солуню племенемъ, что подтверждается и выше приведеннымъ свидѣтельствомъ Каменіяты. Между Епископствами, входившими въ составъ Солунской Епархіи, древніе списки Епископскихъ каедръ называютъ и Драговицкое Епископство (*δ Δρουγουβιτίων*), поставляя его между Веррейскимъ и Сербскимъ¹³⁰⁾. Сосѣднею Верреи названа Драговитія и въ договорѣ Крестоносцевъ о раздѣлѣ Византійской Имперіи въ 1204 г.¹³¹⁾. Эти указанія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Драговичи занимали западную половину Солунскаго поля, восточная часть котораго, слѣдовательно, принадлежала ихъ непосредственнымъ сосѣдямъ, Сагудатамъ. Названіе Драговичей встрѣчалось и у Русскихъ Славянъ (Дреговичи между Припетью и Двиною) и въ Германіи, судя по названію селенія Dragaviz, Drogavizi, но изъ этого далеко еще не слѣдуетъ, что эти соименныя племена, раздѣленные другъ отъ друга столь великимъ пространствомъ, были вѣтвями одного, раздробившагося и разсѣявшагося, племени, какъ утверждаетъ Шафарикъ, производящій на этомъ основаніи Солунскихъ Драговичей отъ Русскихъ Дреговичей. Въ древней исторіи Славянъ, во время процвѣтанія у нихъ племеннаго быта, мы находимъ много соименныхъ племенъ очень отдаленныхъ другъ отъ друга географически. Такъ, на пр., Бодричи Сѣверные, въ Мекленбургѣ, и Бодричи Южные, въ нынѣшней нижней Угріи; Смольняне Полабскіе, въ Княжествѣ Лауенбургскомъ, Смоляне Македонскіе и Смоленское Княжество въ Россіи; Древяне Русскіе и Древяне въ бывшемъ Ганноверскомъ Королевствѣ; Милчане Полабскіе, въ Верхнихъ Лужицахъ, Милчане Молдавскіе и Милчане Пелопонисскіе; Моравцы въ нынѣшней Моравіи, и Моравцы по Болгарской Моравѣ; Сербы въ Сербіи и Лужицкіе Сербы въ Лужицахъ; Хор-

¹²⁹⁾ „Ибнъ-Даста,“ стр. 22, 95, 98.

¹³⁰⁾ Le Quien, „Oriens Christ“. II, p. 94.

¹³¹⁾ Provincia Berrhoe cum cartularatis tam de Dragabitia, quam de Sclavitzta“. Тафель, „Symbolarum criticarum geographiam Byzantinam spectantium, р. II. pag. 55.

ваты въ Хорватіи и два Хорватскія колѣна въ Чехіи и т. д. Но изслѣдователь впалъ бы въ большую ошибку, если бы, на основаніи сходства названій этихъ племенъ, сталъ дѣлать заключенія о ближайшемъ сродствѣ ихъ. Извѣстно, на примѣръ, что Южные Сербы составляютъ совершенно особенное племя отъ Сербовъ Лужицкихъ, не принадлежащихъ даже къ одной съ ними Славянской вѣтви. То же самое можно сказать и объ Южныхъ Моравцахъ относительно Сѣверныхъ. Сходство названій этихъ племенъ, стало быть, есть случайное, обусловливаемое общимъ происхожденіемъ, единствомъ языка и свойственнымъ всѣмъ племенамъ обычаемъ называться по мѣсту жительства, свойствамъ мѣстности, „гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ,“ по имени родоначальниковъ и вождей. Названіе Солунскихъ Драговичей, по всему вѣроятію, произошло отъ имени родоначальника, или, что, по нашему мнѣнію, еще вѣроятнѣе, какого ни будь вождя. Имя Драго, Драганъ, Драгуль (последнее есть Драго съ Румунскимъ членомъ), весьма распространено у Болгаръ и Сербовъ. У Полабскихъ Славянъ, именно у Лютичей, былъ Князь по имени Драговитъ¹³²), извѣстный изъ войны Полабскаго Славянства съ Карломъ Великимъ. Таково происхожденіе названія Солунскихъ Драговичей, тогда какъ Русскіе Дреговичи, по всему вѣроятію, получили свое имя, какъ было уже замѣчено, отъ Западно-Русскаго слова дрегва, дрягва, по Литовски *kirba* (топь, трясина)¹³³).

Драговичи Эракійскіе. Кромѣ Солунскихъ Драговичей, на Балканскомъ полуостровѣ были и другіе Драговичи въ сѣверозападномъ углу Эракіи, образуемомъ отъ соединенія Родопскаго хребта съ отрогами Балканскихъ горъ. Память о нихъ живетъ и до сихъ поръ въ титулѣ Филиппопольскихъ Митрополитовъ (Екзархъ Эракіи Драговитѣйскія), который былъ въ употребленіи еще во время Кодина¹³⁴). Въ этой мѣстности находится нынѣ рѣчка Драговица, (*Δραγοβίτης*), соединяющаяся, близъ двухъ Кричимскихъ монастырей, съ рѣкою Карловой, впадающей въ Марицу, ниже Татаръ-Пазарджика¹³⁵). Были ли эти Эракійскіе Драговичи въ какомъ ни будь сродствѣ съ Со-

¹³²) Einh. Annal. apud Pertz I, „Annal. Lauriss.“ 6, „Annal Fuld.“ 16. Это имя звучитъ „Dragawit, Dragowit, Draoscio, Tragovit, Tranvit.“

¹³³) См. выше, стр. 29.

¹³⁴) ‘Ο δὲ Φιλιππουπόλεως Δαμιανός, γράφας ἡμῖν ἔγραψεν ἑαυτὸν ὑπερτιμον καὶ ἔξαρχον πάσης Εὐρώπης καὶ Δραγοβιντίας. Codin. p. 407.

¹³⁵) Шафарикъ, „Слав. Древн.“ II, кн. 1, 363.

лунскими Драговичами, трудно опредѣлить. Равнымъ образомъ нельзя сказать, эту ли, Θρακίϊскую, или Южную, Македонскую, Драговитію Рейнаръ Сакони называетъ колыбелью Богомильской ереси¹³⁶).

Мы не находимъ никакихъ извѣстій, о другихъ какихъ либо Славянскихъ колѣнахъ въ собственной Θρακίϊ, хотя и имѣемъ всѣ данныя утверждать, что и этотъ край до стѣнъ почти Константинополя, около половины VII вѣка, былъ переполненъ Славянскими поселеніями. По свидѣтельству Прокопія, еще въ первой половинѣ VI вѣка, въ окрестностяхъ Плотинополя обитали уже варвары, противъ которыхъ Юстиніанъ нашелъ нужнымъ укрѣпить этотъ городъ. Слѣдующія данныя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что подъ этими варварами разумѣются Славяне. Римскіе Дорожники IV в. упоминаютъ во Θρακίϊ города: Водица (Voedizum), Черна (Zernaе), Остудица (Ostudizus) и пр., названія которыхъ, какъ было замѣчено уже, обличаютъ въ себѣ Славянское происхожденіе. Еще въ VIII вѣкѣ вся сѣверная Θρακίϊ называлась „Загорьемъ“ и уже первые Болгарскіе Государи, владѣтели Мизійскихъ Славянъ, какъ извѣстно, изъѣвляли на нее свои притязанія. Изъ этихъ Θρακίϊскихъ Славянъ происходилъ и Императоръ Василій Македонянинъ, Славянское происхожденіе котораго засвидѣтельствовано Византійцемъ Генезіемъ, современникомъ его¹³⁷), и нѣсколькими Арабскими писателями¹³⁸). Его прозвали „Македоняниномъ,“ не по тому, что родился въ Македоніи, какъ обыкновенно думаютъ, что, между прочими, полагалъ и Шафарикъ, производившій его отъ Македонскихъ Славянъ¹³⁹). По словамъ Манассіиной лѣтописи, Василій происходилъ изъ незначительнаго селенія, лежавшаго близъ Адриянополя¹⁴⁰). То же самое подтверждаетъ и Георгій монахъ,

¹³⁶) Рачкаго, „Bogomili i Patareni,“ въ „Rad Jugoslav. Akad.“ 104 и слѣд.

¹³⁷) Повѣствуя объ единоборствѣ Василія съ Болгарскимъ великаномъ, Генезій замѣчаетъ, что онъ поборолъ этого великана ловкимъ движеніемъ, именуемымъ на родномъ языкѣ Василія „подрѣзомъ:“ *ταχίστη κινήματι καὶ τῇ κατὰ πόδρεζαν προσπλοκῇ, ὡς ὁ εὐχώριος λόγος.* Genes. ed. Bonn. 110.

¹³⁸) Аль-Масуди, Ель-Масинъ и Аль-Исфгани. Послѣдній, писавшій въ 961 г., говоритъ: „за тѣмъ (послѣ Императора Михаила, сына Теофилова) царство перешло изъ этого дома (Константина Великаго) въ руки Славянъ. Первый же, принявшій царство, былъ Басиль Славянинъ.“ Гаркави, 134, 211 и 212. Сравн. и прим. Рейскѣ къ книгѣ Константина Багрянороднаго: „De Ceremon. Aulae Byzantinae, ed. Bonn. 451.

¹³⁹) „Слав. Древн.“ II, кн. 2, 254.

¹⁴⁰) Κώμησ μὲν οὖν ἐξώρητο λυπρᾶς, προσχειτονοῦσης. . . . „Constant. Manassis, Compend. Chronicum,“ ed. Bonn., pag. 221, v. 5192. Славянскій переводъ

говоря, что онъ родился въ окрестностяхъ Адриянополя, а также и Симеонъ Логоетъ, называющій его Адриянополитанцемъ¹⁴¹). Названіе „Македонянина,“ слѣдовательно, дано этому Императору не по мѣсту рожденія, а по тому, что родители его были Македоняне, какъ позднѣйшіе Византійцы нерѣдко именуютъ Славянъ¹⁴²). Славяне, размѣстившіеся по Фракіи, будучи отдѣлены отъ прочихъ своихъ братьевъ хребтами Балканскихъ и Родопскихъ горъ и, не находя, въ географическомъ положеніи этого края, никакихъ опоръ противъ Византіи, очень рано должны были подчиниться ея власти и ея гражданственности, подъ вліяніемъ которой они и очень рано должны были измѣнить своему общественному быту. Отъ того-то, по всему вѣроятію, мы и не находимъ у Византійцевъ о нихъ, объ ихъ общественномъ троѣ, такихъ извѣстій, какія имѣются о прочихъ ихъ братьяхъ, расселившихся на сѣверъ и на западъ отъ нихъ. На раннее подчиненіе Фракійскихъ Славянъ Римско-Византійской гражданственности указываетъ и то, что ихъ Надбалканскіе братья прозываютъ ихъ „Романцами“ (Романцы). При этомъ мы должны замѣтить, однако, что Византійское вліяніе тутъ не было такъ сильно, чтобы совершенно подавить народное чувство сихъ Славянъ: если значительная часть ихъ, поддавшись этому вліянію, держала съ Византіею, то оставалась еще большая часть, которая постоянно тяготѣла къ Болгарскому Царству. Отъ того-то эта страна была яблокомъ вѣчнаго раздора между Болгарскимъ Государствомъ и Византіею. Послѣдняя, уступая тяготѣнію здѣшняго населенія къ Болгарскому Царству и, не находя другихъ средствъ къ устраненію этого тяготѣнія, въ XII в., пыталась создать изъ сихъ Славянъ особенное подручное ей Княжество¹⁴³). Мы уже говорили, что въ настоящее время Фи-

чикъ ошибочно, по всему вѣроятію, принялъ прилагательное *λεπρῶς* (*tenuis, vilis*) за собственное имя, и перевелъ этотъ стихъ слѣдующимъ образомъ: *отъ села оубо въ липра, близъ сѣцаго. . . .* Чертковъ еще болѣе увеличилъ ошибку переводчика: онъ соединилъ, при чтеніи этого мѣста, слово *Липра* съ стоящимъ передъ нимъ глаголомъ *въ*, и образовалъ, такимъ образомъ, Славянское на видъ слово *Бѣлипра*, которое, по его мнѣнію, вставлено переводчикомъ знавшимъ будто истинное названіе роднаго села Императора Василия. „О переводѣ лѣтописи Манассіи,“ стр. 23.

¹⁴¹ См. у Черткова, тамъ же.

¹⁴² Въ одной Латинской записи, находящейся въ Ватиканскомъ спискѣ Болгарскаго перевода Манассіиной лѣтописи, Болгарскій Царь Іоаннъ Александръ названъ Македонцемъ: „*Iohannes Alexander Macedo, ad cuius petitionem iste liber fuit translatus de Graeco in Slavonico.*“

¹⁴³ Stritt. III, p. 694. Сравни. „Исторически прегледъ на Българ. Църква.“ Вiena, 1869, стр. 67.

липпопольская Епархія занята исключительно Болгарами и что въ Адриянопольской они составляютъ громадное большинство. Болгарское населеніе занимаетъ и всю область рѣки Марицы, до самаго ея устья. Въ окрестностяхъ Царьграда, между городами Визой и Чорлой, „Благотворительное Болгарское Дружество“ открыло до 150 забытыхъ сель, изъ коихъ нѣкоторые находятся около самыхъ стѣнъ столицы¹⁴⁴). Все это доказываетъ, что Славянская стихія весьма мало пострадала во Фракіи.

Обозрѣнныя доселѣ Славянскія поселенія живутъ и по нынѣ, составляя Болгарскую и Сербско-Хорватскую народности. Намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ о тѣхъ Славянскихъ поселеніяхъ, которыя не существуютъ болѣе, будучи поглощены частію Албанской народностью, частію Греческимъ племенемъ.

Ваюниты (*Βαυονήται*). Они упоминаются, какъ было уже замѣчено, въ числѣ Славянъ, осаждавшихъ, въ 676 г., Солунь. Въ договорѣ Генриха Дондола съ Крестоносцами, отъ 1204 г. упомянута и область „Вагенетія“ (*Vagenetia*, *Vagenetia*), между Яниной и Главиниціей¹⁴⁵). Анна Комнина, повѣствуя о войнѣ Роберта Гюискара съ Византійцами (1081—1085), рассказываетъ, что сынъ Роберта, Боемундъ, пройдя черезъ Вагенетию (*διὰ τῆς Βαγενετίας*) завоевалъ Янину (1082 г.) Но самыя ясныя данныя, для опредѣленія землеписнаго положенія этой области, предлагаетъ грамота Деспота Эпирскаго, Симеона Палеолога, брата Стефана Душана, отъ 1361 г. Въ ней исчисляются мѣстечка и села, лежавшія въ области Вагенетіи (*ἐν τῷ θέματι τῆς Βαγενετίας*), изъ коихъ видно, что край Ваюнитовъ лежалъ въ прибрежій южнаго Эпира, къ сѣверу отъ залива Арты¹⁴⁶). На существованіе значительныхъ Славянскихъ поселеній и въ прочихъ частяхъ Эпира указываетъ списокъ селеній этой страны, составленный Аравантиномъ¹⁴⁷). Не смотря на то, что, съ исчезновеніемъ Славянской народности въ Эпирѣ, исчезли и многія Славянскія названія, будучи замѣнены названіями Турецкими и Греческими, все таки и до

¹⁴⁴) Сообщено членами этого Дружества, изъ коихъ одинъ, Г. Паничковъ, готовитъ къ печати описаніе этихъ Болгарскихъ селеній.

¹⁴⁵) Тафель, „*Symbolar. criticar.*“ II, 55.

¹⁴⁶) Аравантино, *Χρονογραφία τῆς Ἠπείρου*, II, 313.

¹⁴⁷) Тамъ же, въ приложеніи ко 2-му тому. См. Извлеченія изъ этого списка у Гильфердинга, „Собраніе сочиненій“, I, 283—291, и Макушева, „Историческія розысканія о Славянахъ въ Албаніи,“ стр. 153 и слѣд.

сихъ поръ, по исчисленію Г. Макушева, на 1539 селеній приходится 717 съ Славянскими названіями. Замѣтимъ еще, что въ XI вѣкѣ Эпиръ у Итальянцевъ слылъ „Болгарскою Землею.“ Готфридъ Малатерра, описавшій, по порученію Рожера Сицилійскаго, походъ Роберта Гюискара въ Византійскую Имперію, называетъ жителей Эпира „Болгарами“ и городъ Арту „Болгарскимъ городомъ“¹⁴⁸). Въ XI вѣкѣ въ церковномъ отношеніи Эпиръ зависѣлъ отъ Болгарскаго Архіепископа, за которымъ былъ оставленъ и по присоединеніи Болгарскаго Царства къ Византіи Василиемъ Болгаробойцемъ. Грамоты послѣдняго называютъ здѣсь Епархіи: Черницкую, Химерскую, Адриянопольскую, Козильскую, Янинскую и Главеницкую¹⁴⁹), изъ коихъ первая и послѣдняя носятъ несомнѣнно Славянскія названія. Когда перестала звучать Славянская рѣчь въ Эпирѣ, и дѣйствительно ли она изсякла совершенно, утверждать не беремся.

Велегезиты (*Βελεγεζίται*). По свидѣтельству Житія Св. Димитрія, они жили въ окрестностяхъ Θεσσαлійскихъ Θивъ и Димитріяды. Какъ было уже замѣчено, и они участвовали въ осадѣ Солуня, 676 г., но во время другой осады, предпринятой нѣсколько позднѣе Стримонцами, Ринхинами и Сагудатами, они жили въ мирѣ съ осажденнымъ городомъ, обращавшимся къ нимъ въ это время за съѣстными припасами. Въ договорѣ Алексѣя III съ Венеціанцами, отъ 1199 г., упоминается область Велегезитія (*provinc. Belegezitiae, Belecbatuie*)¹⁵⁰). Равнымъ образомъ мы находимъ упоминанія объ этой области и въ договорѣ о раздѣлѣ Имперіи, 1204 г. (*prov. Belegezitiae*)¹⁵¹). Въ первомъ изъ этихъ договоровъ область эта упоминается подлѣ Влахиі (*prov. Blachiae*) и Димитріяды (*Episcopsis Demetriadis*). Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что Велегезиты обитали въ Θεσσαλίи, занимая юго-восточный уголъ ея, т. е., побережье залива Воло. Память о нихъ сохранилась и доселѣ въ названіи города Велестино, который находится нынѣ въ этой странѣ. Велегезитовъ, безъ всякаго сомнѣнія, а не Берзитовъ, какъ полагалъ Шафарикъ, слѣдуетъ разумѣть подлѣ Бельзитами Θεοφана, съ которыми Аѳиняне вели переговоры

¹⁴⁸) См. у Макушева, тамъ же, стр. 3.

¹⁴⁹) Голубинскаго, „Краткій очеркъ исторіи Правосл. Церкви“, стр. 73, 74, 259, 261.

¹⁵⁰) Тафель, „Symbol. critic.“ I, 27.

¹⁵¹) Ibidem II, 55.

въ 799 г. Кромѣ Велегизитовъ въ Фессаліи обитали и другія Славянскія колѣна. На это указываетъ обиліе мѣстныхъ Славянскихъ названій, встрѣчающихся по всѣмъ частямъ этой области. Какъ было замѣчено уже, Болгарскій писатель IX вѣка увѣряетъ, что Фессалійскіе Мирмидоняне Ахиллеса были Болгаре¹⁵²). Какъ ни ошибочно это заключеніе, но оно указываетъ намъ, что въ IX вѣкѣ Славянское населеніе преобладало въ Фессаліи: только это обстоятельство могло дать названному писателю поводъ къ отождествленію древнихъ Мирмидонянъ съ Болгарами. Въ землѣ этихъ Фессалійскихъ Славянъ, вѣроятно, находилось княжение словѣнско, которымъ правилъ Меѳодій, до удаленія своего въ Ялимбъ¹⁵³).

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ занимающую насъ пору Славянство составляло большинство населенія и остальныхъ частей Греціи: Ливадіи и Морен. До насъ дошли, однако, названія только двухъ здѣшнихъ Славянскихъ колѣнъ, а именно: Миленцевъ и Езерцевъ (*Μιληγγοὶ*, *Ἐζερίται*)¹⁵⁴): они обитали недалеко отъ древней Спарты, по восточному и западному склонамъ Тайгета (Пентадактила). Не извѣстно, слѣдуетъ ли производить отъ Славянъ Галазовъ (*Γαλάζοι*), жившихъ на сѣверномъ склонѣ Эты, около Новыхъ Патръ; также Маніотовъ (*Μανιάται*), предковъ Майнотовъ, обитающихъ на южномъ склонѣ Тайгета, и Чеконовъ (*Τζεκονοί*) или Цаконовъ (*Zachonie*)¹⁵⁵), между Навплией и Монемавасіей.

¹⁵²) См. выше, стр. 36.

¹⁵³) Житіе Меѳодія, въ изданіи О. М. Бодянскаго по списку XII в., въ „Чтеніяхъ въ Импер. Общ. Исторіи и Древн. Росс.“ 1865, кн. 1, отд. III, стр. 4.

¹⁵⁴) Подробности о нихъ см. у Шафарика, „Слав. Древн.“ II, кн. 1, 377—379.

¹⁵⁵) Въ пользу Славянскаго происхожденія Цаконовъ, между прочимъ, говорятъ и слѣдующія данныя: Монемавасійскій край, по свидѣтельству Житія Св. Вилибальда, еще въ VIII в. назывался „Славянскою Землею, *Slavinica terra*.“ См. „*Acta Sanctorum*“ (ed. Venet. 1747) ad 8 Julii, pag. 504. Въ одномъ договорѣ Венеціи съ владѣтелемъ Цаконии, Цасн, отъ 1293 г., послѣдняя названа тоже „Славянскою Землею:“ „*ad partes Zachonie sive Sclavonie de Morea*.“ Гопфъ, „*Griech. Gesch.*“ 342.